

Раздел первый: Генеральная совокупность и университетская модель.
Анализ на “макросоциальном уровне”.

§ 1. Генеральная совокупность и университетская модель.

План изложения: преимущества регистров нотариальных актов и выгоды университетских дарений. План исследования: от социальной истории университета к университетской истории социального. Размышления о репрезентативности выборки.

Эксперимент, положенный в основу данной главы, состоит в попытке на время абстрагироваться от наших априорных знаний (“предзаданных сведений”) о французском обществе XVI в. и воссоздать его на основании определенной серии нотариальных актов. В предыдущей главе я попытался обосновать правомерность этой попытки в контексте современной историографической ситуации. Напомню, что Н. Е. Копосов, с которым я в данном случае полностью согласен, называет эпоху расцвета французской социальной истории “нотариальной эрой”, полагая, что “если бы не архивы нотариусов, то не было бы и спора о классах и сословиях”... “Общий интеллектуальный климат 1960-х гг. как нельзя более способствовал валоризации статистических методов, сопровождавшейся предостережением против “лжи слов”, слишком связанных с идеологиями, чтобы отражать социальную реальность. Классификации социального, закрепленные в языке, вызывали подозрение. Считалось необходимым абстрагироваться от слов, чтобы лучше установить факты. Социальная реальность, которая должна была стать подлинным предметом истории, как бы противопоставлялась словам”¹. С тех пор ситуация изменялась неоднократно, но эта амбициозная задача, поставленная историками-шестидесятниками, не снята с повестки дня. Напротив, с тех пор мы узнали много нового, заставляющего нас еще более усомниться в том, что термины и понятия, некогда без особых раздумий употребляемые историками, отражают загадочную вещь, именуемую

---

¹ Копосов Н. Е. Как думают историки... С. 72–73.

“исторической реальностью”. Весьма вероятно, что и попытки избавиться от “лжи слов” при помощи нотариальных актов также обречены на неудачу, но убедиться в этом лучше на собственном опыте.

Как явствует из все той же первой главы, обсуждаемая реконструкция была предпринята на основе публикации инвентаря регистров Парижского Шатле, осуществленной Э. Кампардоном и А. Тюетеем в 1906 г.². И, наконец, предложенная там же метафора двустороннего плаща может объяснить причину совмещения двух обычно не совмещаемых, но, будем надеяться, отнюдь не несовместимых вещей: плана *изложения* и плана *исследования*.

Исходя из логики *изложения*, обосновать выбор источникового материала, послужившего основой для данной главы, довольно просто:

1. Реконструировать общество удобно, опираясь на достаточно представительный однотипный материал, который должен, однако, не только сводиться к цифрам, но и содержать информацию качественного характера. Вместе с тем, такой материал должен быть сравнительно легко доступен, во-первых, с тем, чтобы на его добывание и перекодирование тратилось меньше времени, чем на обработку и интерпретацию полученных данных, а во-вторых, чтобы коллеги обладали возможностью легко перепроверить полученные выводы. Иными словами, речь идет именно об опубликованном источнике, достаточно полном, представительном и не являющемся библиографической редкостью.

2. Таким редким источником представляется публикация Э. Кампардона и А. Тюетея, вводящая в оборот 5382 акта, содержащих определенную информацию качественного характера, которую допустимо назвать самодостаточной. Опубликованные акты можно считать выборкой для большой генеральной совокупности — всех жителей города Парижа и префектуры Иль-де-Франс, как постоянно, так и временно там проживающих, а также лиц, имеющих определенные имущественные интересы в этом обширном судебном округе. Численность этих потенциальных клиентов Парижского Шатле можно определить как минимум в один миллион человек. Есть, конечно, и более представительные публикации, в которых речь идет об источниках XVI в.,

---

² Inventaire des registres des insinuations du Châtelet de Paris: Rignes de François I et de Henri II / Ed. par E. Campardon et A. Tueteu. Paris, 1906.

например, каталоги королевских актов, упоминающие десятки тысяч документов, относящихся, как минимум, ко всем жителям королевства. Это издание могло бы предоставить куда более репрезентативный материал, но описания даны там в крайне сжатой форме, лишь в некоторых случаях они содержат сведения, позволяющие понять сущность вопроса или что-либо узнать об упомянутых в них персонажах. Основное предназначение каталогов королевских актов — указать на соответствующий архивный фонд, откуда можно почерпнуть нужную информацию.

3. Очевидно, что реконструкцию французского общества целесообразно основывать на однотипных актах, чтобы не сопоставлять несопоставимое (например, брачные контракты с договорами об отдаче в ученичество и с любовными соглашениями о компенсации физического ущерба, причиненного в драке). В регистрах Шатле наиболее представительный ряд образуют дарения, адресованные студентам университета, главным образом, Парижского университета. Это самый распространенный тип актов, составляющий четвертую часть всех зарегистрированных документов (таких актов 1337, составленных в адрес 1092-х студентов, причем участвовали в их составлении 1224 человека (см. *таблицу № 1*). Следующий по численности тип — дарения в виде брачных контрактов не превышает 8% от общего числа (327 актов).

Оставим пока вопрос о причинах подобного изобилия дарений студентам. Итак, перед нами комплекс достаточно однородных источников, которых можно считать выборкой, заслуживающей внимания. Не так много подобных серий данных, годных для сопоставления между собой по разным параметрам, имеется в нашем распоряжении для этого периода. На данной основе мы можем попытаться составить представление о структуре французского общества. А если эта попытка покажется слишком смелой, ограничим наши выводы лишь теми французами, которые так или иначе оказались связаны с университетом.

Но возможны и иные обоснования подобного выбора.

Мы имеем дело с социологией образования, то есть с весьма привлекательным объектом исследования. Ведь в этой теме фокусируются такие ключевые сюжеты, как воспроизводство элит и проблемы социальной мобильности. Данный сюжет манит как социологизирующих историков,

(вспомним, например, Лоренса Стоуна³, Джорджа Хапперта⁴, можно назвать также обобщающие труды Жака Ревеля, Доменика Жюлиа и Роже Шартье⁵), так и социологов, склонных к диалогу с историками (Пьер Бурдьё и его ставшие классическими работы “Noblesse d’Etat” и “Homo Academicus”⁶). Поэтому наш интерес к актам, освящающим социологию образования, вполне понятен.

Таковы вкратце обоснования выбора источника, основанные на логике изложения. Если исходить из логики исследования и реконструировать историю моих скромных изысканий, то аргументы будут совсем иными.

Знакомство с неисчерпаемыми кладовыми нотариальных актов началось для меня с исследования истории Парижского университета. Интерес к вопросу о социальном происхождении и социальных связях студентов наталкивался на дефицит источников. Университетские матрикулы (или за неимением оных “книги наций” — студенческих землячеств⁷) были в данном случае бесполезны. Университетские корпорации интересовались географическим происхождением студентов, но отнюдь не социальным⁸.

Поэтому, обнаружив опубликованный источник, содержащий представительный материал, проливающий свет на социальный состав студентов, годный для статистической обработки, я не мог обойти его

---

³ Stone L. The Size and Composition of the Oxford Student Body, 1580–1910 // The university in Society / Ed. L. Stone. Princeton, 1974. Vol. 1. P. 3–110; *Idem*. The educational Revolution in England, 1560–1640 // Past and Present. 1964. P. 41–80.

⁴ Huppert G. Public Schools in Renaissance France. Urbana, 1984.

⁵ Chartier R., Compure M.-M., Julia D. L’йducation en France du XV au XVIII siacle. Paris, 1982.

⁶ Bourdieu P. Homo academicus. Paris, 1982; *Idem*. Noblesse d’Etat. Paris, 1989.

⁷ Образцом блестящего использования подобного рода источников могут служить исследования Х. Ридер-Сименс — *Ridder-Symoens H. et al*. Biographies des йtudiants // Premier livre des procureurs de la nation гйрманique de l’ancienne Universitй d’Orlйans (1444–1546). Leiden, 1978–1985. 3 vol.

⁸ Подробнее см.: Уваров П.Ю. Парижский университет: Европейский универсализм, местные интересы и идея представительства // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 2000. Т. 4: Extra muros. Город, общество, государство. С. 51–65.

вниманием. Тем более, что происходило это в ту эпоху, когда о поездках в зарубежные архивы для сколь-нибудь серьезных изысканий не приходилось и мечтать. Кстати, не я один понял важность этого источника. Когда мое исследование было уже завершено, выяснилось, что аналогичную работу на том же материале проделал Доминик Жюлиа⁹.

После того, как были заведены карточки на действующих лиц “университетских” дарений, мне оставалось лишь разнести данные о них по разным категориям, чтобы свести данные в таблицу. Но на этом этапе и начались трудности.

Дело, поначалу казавшееся столь простым, чисто техническим вопросом, вдруг разрослось до масштабов чуть ли не эпистемологической проблемы. Какую классификацию избрать? Д. Жюлиа, например, избрал социально-профессиональный принцип, разделив дарителей, в частности, на купцов и ремесленников. Но тогда в группе купцов оказывались и суконщик-оптовик из привилегированной корпорации, и зеленщик с парижской окраины, а в “ремесленники” зачислялись и придворный ювелир, и уличный сапожник. Если исходить из отношений собственности на средства производства, то всех владельцев сеньорий необходимо было отнести к одной группе “феодалов”. Но в этом качестве выступали не только титулованная знать и дворяне, безвылазно живущие в своих сельских поместьях но также и судейский люд — от президента Парламента до скромного стряпчего, немало было сеньоров также среди парижских буржуа и провинциальных купцов. Коль скоро не подходили ни узко-профессиональный, ни классовый критерии, то, казалось бы, наиболее органичным мог оказаться критерий сословный — ведь всем известно, что общества Средневековья и Раннего Нового времени были обществами сословными, то есть разделенными на определенные группы лиц, различавшихся между собой особым юридическим положением. Этот критерий “работал”, однако, лишь при выделении в особую группу лиц, принадлежащих к духовенству. Уже по поводу “дворянского сословия” существовала и существует разноголосица мнений. Что же касается “третьего сословия”, то эвфемизм этого понятия был ясен уже современникам. Иных операционных юридических классификаций, универсально и автоматически применяемых для

---

⁹ *Julia D. Histoire des universités en France. Toulouse, 1986.*

всего королевства, я так и не обнаружил, как ни удивителен показался мне негативный результат поисков.

Таким образом, движимый чисто прагматическими соображениями я подошел к вопросу, казавшемуся весьма тривиальным: как все-таки структурировалось французское общество XVI века?

Поиски прямого ответа на этот вопрос в сочинениях историков оказались непростыми, как следует из историографического очерка. Результатом поисков явилась еретическая мысль: а обладало ли французское общество некоей отрефлектированной, более или менее жесткой иерархической структурой? Задолго до Шарля Луазо мы можем найти указания на определенную структурированность французского общества у Клода де Сейселя, а еще раньше у Кристины Пизанской (кстати, оба автора основывали свои построения на опыте общественного устройства знакомых им итальянских городов¹⁰). В конце концов, вопросы социальной структурированности поднимались на Генеральных Штатах, во всяком случае, при обсуждении механизма их созыва их созыве (например, на Штатах в Туре 1484 г.). Но стояла ли какая-то социальная реальность за этими группами?

Может быть, признать существующими лишь заведомо “реальные” общности — те, члены которых общались между собой больше, чем с представителями других социальных групп, исходить из *круга общения*? Примером может служить “Дневник” адвоката Николя Версориса. На основании его записей с 1519 по 1531 г. можно выявить его круг общения, к которому, в первую очередь, относятся адвокаты и прокуроры Парижского Парламента и Шатле, во вторую — президенты и советники судебных курий, в третью — университетские круги, некоторые соседи по кварталу из числа состоятельных буржуа. Все остальные, достаточно многочисленные лица, упомянутые Версорисом, никак не являются для него “своими”¹¹.

---

¹⁰ *Pisan Christine de. Le livre du corps du policie / Ed. H. Lucas. Genive, 1967; Seyssel C. de. De la monarchie de France / Ed. par. J. Poujol. Paris, 1961.*

¹¹ Подробнее см.: *Уваров П.Ю. Дневник Николя Версориса (1519–1530). Круг общения и степень информированности средневекового горожанина // Общности и человек в Средневековом мире. Москва; Саратов, 1992. С. 53–59.*

Можно исходить не из системы абстрактных юридических определений, отыскать которую для данной эпохи пока не удастся, а из реального опыта обладания вполне конкретными привилегиями, общими для данного коллектива, реализуемыми, оспариваемыми и защищаемыми в повседневной жизни. Такой путь декларирован в работах итальянских историков так называемой Туринской школы и в частности — Симонны Черрути¹². Логично также требовать, чтобы объективное существование групп подкреплялось лингвистическим опытом, совпадая в общих чертах с решеткой представлений, существующих в массовом сознании.

Но тогда Франция рискует под взглядом историка распасться на множество мелких локальных мирков и социальная история может быть только микросоциальной.

Эти сомнения совпали по времени с обвальными изменениями в нашем российском обществе. Рушились как традиционные представления о социальной структуре, так и сама эта структура. Очевидная некогда истина, гласившая, что общество четко разделено на большие группы людей, помимо воли этих людей, то есть объективные, и обладающие реальным бытием¹³, стала не столь самоочевидной. Суффикс “-ство” выходил из употребления — крестьянство, дворянство, бюргерство как нечто объективное все чаще бралось под сомнение в работах историков, занимавшихся социальными проблемами истории Средних веков и Раннего нового времени¹⁴.

Но тезис о неминуемом скорейшем исчезновении социальной истории, хотя и не казался теперь абсурдным, все же вызывал определенные возражения. В первую очередь они основывались все на том же, одиозном для многих историографических направлений, здравом смысле. Прежде всего, именно современность убеждает в существовании социальных общностей. Они

---

¹² *Cerruti S.* La ville et les métiers: Naissance d'un langage corporatif (Turin, XVIIe–XVIIe siècle). Paris, 1990.

¹³ *Godelier M.* L'Occident, miroir brisé: Une évaluation partielle de l'anthropologie sociale assortie de quelques perspectives // *Annales: E. S. C.* 1993. N 4. P. 1183–1207.

¹⁴ См.: *Левинсон К. А.* Чиновники в городах Южной Германии XVI–XVII вв.: Опыт исторической антропологии бюрократии. М., 2000.

мыслятся теперь несравненно более сложными, более подвижными, теперь уже очевидно, что большую роль наряду с объективными факторами их бытия играет язык, ментальность, культурный код, воздействие средств коммуникации. И все же они существуют, иначе, на чем основываются многочисленные прогнозы социологов, политологов и политтехнологов. И хотя эти прогнозы по большей части весьма ущербны, но на них есть немалый спрос. Кроме того, на прикладном социологическом знании основываются куда более эффективные прогнозы специалистов по маркетингу. В данном случае, практика может считаться критерием истины — раз более или менее действенны умственные конструкции, основанные на предположении о наличии в обществе некоей социальной структуры и достаточно больших социальных групп, значит, есть определенная доля вероятности того, что эти или какие-то иные социальные группы могут обладать объективным существованием. Хотя трудно не признать, что наиболее действенными являются именно те модели, которые не опираются на постулаты о существовании незыблемых общественных групп, а проявляют значительную гибкость, признавая ситуационный характер существования многих социальных общностей.

Разумеется, подобные рассуждения весьма банальны и могут показаться неуместными, но в данном случае воспроизводится ход рассуждений, побудивших меня предпринять попытку построить особую, специфическую для данного источника, модель французского общества середины XVI в. Представляется, что такая попытка не является на сегодняшний день бесполезной. Почему бы не использовать предоставленную источником возможность и, опираясь на сугубо конкретный материал, не ответить на многочисленные историографические вызовы, задавшись вопросом о правомерности разговора об объективном существовании социальных групп? Можно следовать принципу микроистории и по возможности для “чистоты эксперимента” абстрагироваться на время от внеисточникового (“предзаданного”) знания, руководствуясь в своей классификационной деятельности только одним показателем — тем, как протагонист в акте определяет свой статус при помощи нотариуса.

И чем громче звучат вызовы постмодернизма, чем абстрактнее становятся споры об эпистемологических основаниях социальных классификаций или об

отсутствии оных¹⁵, тем сильнее защитная реакция “практикующего историка”, стремящегося укрыться в эмпирической реальности. Полагаю, что если не все, то многие из наших коллег, вкусивших от работы с конкретными источниками, тем более имеющих опыт архивных изысканий, поддержат тезис о том, что настоящее знание возможно только на “кончиках пальцев”, только после того, как через руки историка пройдет большой массив эмпирических данных. Поэтому перспектива “ручной переборки” всего корпуса дарений, адресованных студентам университета, сулящая посещение усадьбы дворянина, конторы адвоката и мастерской ремесленника, казалась весьма заманчивой, хотя и трудоемкой работой.

Конечно, добытые данные вызывали куда больше вопросов, чем давали ответов, и полученная картина оставалась удаленной от реальности целой системой ширм. Но это стало ясно потом, и на первых порах не могло сильно ослабить исследовательский энтузиазм. Песочные часы были перевернуты, и вместо социальной истории университета я стал изучать университетскую историю социального.

Соединив в этой точке *логику изложения с логикой исследования*, определим предмет исследования, которому посвящена данная глава. Для того, чтобы определить, что же мы пытаемся изучать, выделим концентрические круги, основываясь на таком критерии, как степень репрезентативности источника.

Во-первых, мы рассматриваем лабораторную модель, построенную на базе нотариальных актов, зарегистрированных в Шатле, эдакое “общество в пробирке”. Ни на минуту не стоит при этом забывать, что наблюдаемые явления, прежде всего, относятся к этой искусственной модели и всякое перенесение фиксируемых регулярностей на реальную действительность будет условностью. “Настоящая” Франция может организовываться по каким-то иным признакам, а реальные родственники студентов на деле могут вести себя совсем иначе, чем дарители из нашего корпуса актов (да так оно и было, как показали дальнейшие изыскания).

Во-вторых, мы все-таки задаемся целью постичь некую онтологическую реальность, стоящую за моделью под названием “Университетская Франция”. Речь идет о французах, так или иначе связанных со студентами Парижского

---

¹⁵ *Копосов Н. Е.* Как думают историки... Гл. 3.

университета. Вопрос о репрезентативности этой модели будет рассмотрен чуть ниже.

В-третьих, почему бы не рассматривать источник как основу для “case-studies”, как проблемно-ориентированную выборку всего французского общества? Определенные основания для этого есть. Ведь еще в XV веке знаменитый теолог и канцлер Парижского университета Жан Жерсон вопрошал: “Разве университет не представляет всего королевства Франции?”¹⁶

По отношению к “генеральной совокупности”, к “королевству Франция” искажения будут заведомо весьма значительными. Но они вполне прогнозируемы. Понятно, что город представлен значительно полнее, чем деревня, офисье и судейские — полнее, чем ремесленники, а адвокаты — полнее, чем сержанты городской патрульной службы. Но нас ведь интересует не то, сколько во Франции было крестьян и сколько священников, а то какие вообще можно выделить группы, и в какой степени они являются эфемерными?

Университетская ситуация может быть рассмотрена в качестве общего знаменателя, который позволяет сравнивать поведение столь непохожих друг на друга французов, столкнувшихся с одной и той же проблемой.

С самого начала возникло подозрение, которое затем перешло в твердую убежденность в том, что данный источник не очень полезен для изучения собственно университетской истории. Во всяком случае, он не отвечает на вопрос о том, каково было материальное обеспечение студентов Парижского университета. Если на словах во многих дарениях провозглашалась их цель “помочь студенту в учении”, “помочь содержать себя, достойно одеваться и иметь книги”, то на деле цели дарителей были совсем иными. К тому, что это были за цели, мы вернемся в самом конце данной главы.

Более того, ответ на вопрос о репрезентативности выборки предполагает хотя бы примерное представление о численности генеральной совокупности. Если под последней понимать всех студентов Парижского университета, то, кажется, чего же проще — взять общую численность имеющих в нашем распоряжении актов, поделить их на количество лет, на протяжении которых велись имевшиеся в нашем распоряжении регистры. Затем полученные данные соотнести с известным числом студентов Парижского университета.

---

¹⁶ *Gerson J. “Vivat rex” // Œuvres franzaais. Paris, 1968. Т. 7 ,(pt.2). P. 1146.*

Собственно, по этому пути и пошел Доменик Жюлиа, определив репрезентативность выборки в 3%. Эта цифра получена следующим образом. В исследовании Л. Броклисс анализируются фрагменты регистров университетских наций и “книг ректора”, содержащие присяги новоприбывших студентов. Экстраполируя эти данные, Л. Броклисс определяет ежегодное число поступающих в 1500–1700 человек¹⁷. Соглашаясь с этими выкладками, Д. Жюлиа оценивает репрезентативность выборки, состоящей из дарений студентам, зарегистрированных в Шатле, в 3% (при общем числе 1092 студентов, которым были адресованы дарения за 20 лет в среднем выходит по 53 регистрации в год, что составляет чуть более 3% от среднего числа студентов, приносивших ежегодную присягу).

Эти выкладки вызывают сомнения двоякого рода. Во-первых, оценки Л. Броклисс и Д. Жюлиа реальной численности студентов представляются изначально завышенными. Даже если и согласиться с их экстраполяциями, надо помнить, что значительное число молодых людей приписывались к университету, вовсе не собираясь в нем учиться. Это могли быть путешественники, на краткий срок посетившие Париж, свершая свой образовательный вояж (“*peregrinatio academica*”), или лица, вступившие в университет фиктивно, в надежде хотя бы некоторое время попользоваться университетскими привилегиями. Широко было распространено приписывание к университету людей буквально накануне получения степени. Эта практика решительно порицалась Парламентом, но искоренить ее было тем сложнее, что нарушителями были в первую очередь сами офисье и судейские е, пользовавшиеся связями и знакомствами, для того чтобы обойти суровые требования университетских уставов. Во-вторых, уж если и делить нашу выборку на количество лет, в течение которых велись опубликованные регистры, то делить следует никак не на 20, а на 14. Ведь, как отмечалось в предыдущей главе, регистры практически не велись с 1553 по 1558 г, да и в последние два года ведения регистров, число дарений студентам катастрофически сокращается (см. таблицы №№ 20, 22) Таким образом, даже

---

¹⁷ *Brokliss L.W. Patterns of Attendance at the University of Paris, 1400–1800 // Les universités européennes du XVIe au XVIIIe siècle: Histoire sociale des populations étudiantes. Paris, 1989. T. 2. P. 488–492.*

если исходить из оценок Д. Жюлиа и Л. Броклисс, то репрезентативность выборки повышается до 4,9%.

Но сама погоня за нормой представительства кажется излишней — у нас достаточно репрезентативный объем, пригодный для того, чтобы на его основе производить некие обобщения. Ведь в свое время Роллану Мунье хватило тысячи брачных контрактов, чтобы воссоздать картину социальной иерархии парижского общества XVII века.

Главное, что внимание и участников сделки и регистрирующих органов было отвлечено от проблемы социального статуса. Им было важнее доказать, что адресат дарений действительно является студентом и что между ним и дарителями существует родственная или какая-нибудь иная связь, служащая достаточным основанием для регистрируемого акта. Если стороны и шли на сознательный обман, то, как раз в этом вопросе, а не в указании своего реального социального статуса. В то время как, например, брачные контракты достаточно часто склонны завышать реальный статус сторон (в свидетели приглашались, как правило, либо самые состоятельные родственники, либо высокопоставленные крестники, но отнюдь не малоимущие родные дядюшки или кузены, а суммы приданого иногда завышались по тем или иным соображениям)¹⁸.

§ 2. Анализ на “макросоциальном уровне”.

Отбор актов и агрегирование групп дарителей. — Распределение объективных признаков. — “Валовые показатели” и “индексы престижности”.

Приступая к анализу достаточно солидного массива актов, нетрудно было догадаться, что для этого понадобятся элементарные статистические подходы. Но они предполагают некоторую унификацию данных. Поэтому я вынужден был в данном случае отказаться от тех актов, которые выбивались из типологического ряда дарений, адресованных студентам. В анализируемый

---

¹⁸ Помимо чисто престижных соображений могли сказываться и иные причины. Финансисты и купцы, желавшие получить на откуп какие-нибудь королевские, городские, церковные или сеньориальные доходы, часто старались таким образом создать впечатление своей полной кредитоспособности.

корпус не вошло около сорока актов, представляющих собой “обратную” ситуацию – когда студент, адресует дарение своему родственнику, а также те пятнадцать грамот, в которых и даритель и одариваемый являлись членами университетской корпорации. Я старался отказаться и от тех актов, которые, несмотря на упоминание о студентах, на самом деле относились к иным типам дарственных. Например, если акт представлял собой раздел имущества между наследниками, среди которых был студент университета. В некоторых случаях речь шла о своеобразном брачном контракте – это касалось бакалавров медицинского факультета, где еще в XV в. был отменен celibat. Подобные акты не подвергались статистической обработке, но и не были полностью отброшены и по мере надобности служили иллюстрацией к данному исследованию.

Итак, анализируемый корпус представлял собой 1337-ти актов, которые адресовали студентам 1224 дарителя. При работе с ним надо постоянно помнить о том, что мы имеем дело с игрой случая, и что все наблюдаемые явления и закономерности носят лишь вероятностный характер. Из того, что некто А одаривает своего племянника-студента щедрее, чем некто Б — своего сына, вовсе не следует, что социальная группа дарителя А была в реальности более престижной или состоятельной. Мы даже не можем утверждать, что А был богаче Б. Но поскольку перед нами массовые данные, мы можем попытаться выявить корреляции и подвергнуть их взаимной проверке. Именно поэтому, во-первых, нам надо учесть как можно большее число переменных, а, во-вторых, для сравнения дарителей между собой их все же надо объединить в какие-то более менее крупные категории. Если мы будем сравнивать акты, составленные, например, семью “сержантами с жезлами” (sergents à verge) Парижского Шатле и пятью парижскими нотариусами, мы можем быть уверены, что имеем дело с представителями реально существовавших общностей, и даже можем сделать вывод о том, что одни демонстрируют тенденцию быть богаче других. Но какова будет степень обоснованности такого вывода и его ценность?

Избранный нами принцип агрегирования действующих лиц в категории, основан на той форме, в которой даритель при помощи нотариуса обозначил себя в актах. Иными словами в основу положена гипотеза об отражении в лексическом опыте реалий социальной жизни. Ключевой поэтому оказывается

первая зона документа. Если даритель, как следует из публикации, именован в акте адвокатом Парламента (на самом же деле в акте еще стояло — *noble homme et sage maître*, но публикаторы, к сожалению, предпочли опускать информацию об этих “почетных эпитетах”), а среди передаваемых объектов указывает несколько сеньорий или даже фьефов, я все равно причислю его к категории чиновников и судейских, даже если он и принадлежал к старому дворянскому роду.

Таких категорий получилось десять. К первой отнесены дворяне (бароны, шевалье, экюйе), не указавшие при этом никакой иной своей социальной роли. Во вторую категорию вошли дарители, обозначенные лишь как сеньоры. Третья категория — клирики и монахи. Четвертая категория “офисье¹⁹ (владельцы должностей) и судейские”. Может показаться, что в данном случае используется профессиональный или функциональный критерий. На это можно было бы возразить, что в глазах современников причастность к королевской службе и к судопроизводству была в первую очередь именно социальным качеством. Но как же тогда с обещанием не прибегать к внеисточниковому знанию? Помощь нам в данном случае могут оказать сами акты. Иногда даритель мог составлять и несколько актов. Так вот, в том случае, если он был владельцем должности (а также адвокатом или прокурором), и при этом обладал дворянским достоинством, владел сеньорией или / и был парижским буржуа, то в одном из своих актов он мог и не упомянуть какое-нибудь из своих социальных качеств. Но практически ни один из них не забыл упомянуть, что он советник, адвокат или прокурор. Это уже достаточно надежный критерий.

В пятую категорию я включил горожан, обозначивших себя как “буржуа” вне зависимости от указания на их профессию. При этом они могли указывать на свои занятия каким-либо видом торговли или ремесленной деятельности, или вообще обходиться без подобных указаний. Шестая — “торговцы” (*marchand*) и

---

¹⁹ Первое побуждение – назвать этих дарителей “чиновниками” пришлось оставить из-за нежелательных ассоциаций с современной бюрократией, скрывающих тот факт, что офисье был по сути антиподом чиновника-бюрократа в веберовском смысле этого слова. См. Малов В.Н. Ж.Б.Кольбер... с 11-12. Цатурова С.К. Офицеры власти. Парижский парламент в первой трети XV в. М., 2002.

седьмая — ремесленники — категории включают тех, кто по каким-то причинам упомянут в актах без “звания” буржуа. Между собой эти категории различаются также не только по профессиональному признаку. Термин “marchand”, возможно, мог указывать на некий социальный ранг, поэтому “торговец-пекарь”, “торговец-типограф” включены мной в шестую категорию, а просто “пекарь” или “типограф” в седьмую.

Восьмая категория — “крестьяне”, объединяет дарителей, обозначенных такими характерными терминами как “землепашец” (laboureur), “виноградарь”, “огородник”. Для меня это указание оказалось важнее, чем сведения об иных занятиях или социальных свойствах. Так, в эту категорию входят и те “землепашцы”, что жили в Париже (точнее, в его предместьях), и “землепашцы-тоговцы”.

Девятая и десятая категории выделены мной по “остаточному принципу”. К “низшим слоям” причислены подмастерья, слуги, поденщики. И, наконец, в последнюю категорию вошли те дарители, чей статус вообще никак не указан.

Итак, за основу был взят тот способ, каким в нотариальном акте обозначался статус протагониста.

Женщин я учитывал отдельно лишь в том случае, если они выступали в дарении самостоятельно, действуя от своего лица, а не совместно с мужем. Последнее относится главным образом к вдовам, но иногда — к “оставленным” (femme delaissй) или к женщинам, живущим раздельно от мужа (femme separй et autorisй par justice). Но и в этом случае статус дарительницы определяется мной по мужу, что соответствовало юридическим нормам того времени²⁰; надеюсь, это не будет истолковано как характерное для мужчин небрежение ролью женщин в истории.

Итак, категории были составлены по формальному критерию — по именованию в акте. Внутри категорий возможны группировки по иным признакам, в частности, по месту жительства (парижане или провинциалы), по сфере деятельности, принадлежности к тем или иным корпорациям. Если категории были выделены мной априорно, то группы внутри их формировались под воздействием фактов, накопленных в результате анализа.

---

²⁰ См.: Incapacitй des femmes mariйе // *Olivier-Martin F. Histoire du Droit franзais* Paris, 1938. P. 385.

Разумеется, эта классификация полна внутренних противоречий. Мало того, что она поневоле субъективна, но и не решает целого ряда проблем. Куда, например, следует относить советника Парламента, являющегося при этом духовным лицом? Но она не претендует на универсальность, ее можно подвергнуть перекрестным проверкам.

Выделив категории, я распределил по ним дарителей следующим образом:

ТАБЛИЦА №1

Категории дарителей

Категории дарителей	ВСЕГО			парижане		Провинциалы	
	человек	Актов	% от общей численности корпуса дарителей	человек	актов	человек	актов
1.Дворяне	65	86	5,3	10	10	55	76
2.Сеньоры	25	27	2,1	4	4	21	23
3.Священники	48	54	3,9	20	22	28	32
4.Офисье и судейские	234	281	19,1	159	192	75	89
5. “Буржуа”	252	296	20,6	235	265	17	31
6. “Торговцы”	193	208	15,8	85	86	108	122
7.Ремесленники	174	167	14,2	138	132	36	35
8.Крестьяне	110	110	9	9	9	101	101
9.Низшие слои	47	48	3,8	37	39	10	9
10.Неустановл.	76	60	6,2	5	5	71	55
ИТОГО	1224	1337	100	702	764	522	573

Эта таблица станет нашим **главным рабочим документом**. Но сама по себе она может свидетельствовать лишь о немногом. На основании представленных в ней данных мы не можем, например, сказать что детей (или иных родственников) крестьян в университете было 9%, дворян — 5,3%, а ремесленников — 14,2%. Мы даже не можем утверждать, среди тех, кто дарил что-либо студентам университета, крестьяне составляли 9%. Единственное, что демонстрирует *таблица №1* — это состав корпуса дарителей, пожелавших зарегистрировать свои акты в Парижском Шатле. Напомню еще раз, что далеко не все студенты получали какие-либо дарения, да еще оформленные в виде

нотариальных сделок, и далеко не все нотариальные дарения “инсинуировались” в регистрах Шатле. Последнее требовало немалых затрат времени и денег, и, следовательно, для регистрации акта в Шатле у дарителя должны были быть какие-то веские причины.

Это означает, что *таблица № 1* отражает результат некоторых действий, являвшихся результатом волеизъявления, основанного на свободном выборе. Это отличает наш источник от метрических книг и иных записей гражданского состояния, от кадастров или даже от протокола проведения праздничной встречи короля горожанами. Мы имеем дело с сугубо произвольной практикой и все наблюдаемые при этом регулярности носят заведомо стохастический характер. Мало ли кто мог захотеть воспользоваться университетскими привилегиями! Да для этого можно было вспомнить о троюродном племяннике-студенте, можно было и своего родного сына ради такого случая записать в студенты (благо, что особых расходов это за собой не влекло), наконец, можно было договориться с совсем посторонним человеком, лишь бы он был студентом.

Поэтому было множество солидных богатых рантье, крупных земельных собственников, которые передавали студенту вовсе не свою недвижимость, а, например, права в судебном процессе, по поводу недоимок по арендной плате за небольшой участок земли или комнату в доме. Зато какой-нибудь бедняк мог передать сыну или племяннику ренту или ферму, которая на самом деле принадлежала вовсе не ему, а его дальнему родственнику, причем, права на часть этого наследства как раз и предстояло отсуживать одариваемому студенту. И такие примеры совсем не единичны.

Итак, перед нами *tabula rasa*, и мы вправе ожидать от нее любых сюрпризов. Во всяком случае, у нас нет *никаких* оснований утверждать, что, категория “дворян” *должна* в нашем корпусе выглядеть богаче и “престижнее” категории “крестьян” или “ремесленников”. Не исключена возможность относительно равномерного распределения тех или иных признаков в нашем корпусе. У нас даже есть контрольная, десятая группа, заведомо лишенная социальной определенности.

Впрочем, уже *таблица № 1* отражает характерную игру переменных. Нетрудно заметить, что число актов не соответствует числу дарителей. Одни дарители могли адресовать студенту или студентам по несколько актов, зато

другие, напротив, действовали не в одиночку, а объединяясь для составления акта с кем-нибудь еще. Как правило, с родственниками. Так, например, дворянин (экуюе, то есть “однощитный”, нетитулованный дворянин, более знакомый нам по английским памятникам как “эсквайр”) Луи де Призи адресовал своему сыну-студенту целых девять дарений с 1541 по 1543 гг. Зато другой экуюе Николая де Трео, фигурирует в акте вместе с Ришарем Дювалем, сержантом Тальи и Эд парижского элексьона (действующим от имени Габриэлы Жоссе-старшей, своей жены), Гийомом Дювалем, мэтром-портным, и его женой Марией де Сент-Йон, с Юбером Брюне — перевозчиком соли (действующим от имени Мари Жоссе-старшей, своей жены), Гийомом Тассеном, мэтром-вязальщиком, действовавшим от имени Мари Жоссе-младшей. И все вместе они дарят студенту Жану Гиньяру, их племяннику, права на наследство Ги де Трео, экуюе, проживавшего в Шато-д’Оссон, их троюродного брата²¹.

И составление повторных актов, и участие в коллективных дарениях было сугубо произвольной практикой, не имевшей самой по себе никакой социальной окраски. В таких дарениях мог участвовать представитель любой категории, на которые мы по формальным признакам разделили весь корпус дарителей. Но уже из *таблицы № 1* видно, что одни оказываются к этому более склонны, чем другие. Попробуем свести данные о практиках составления повторных актов и участия в коллективных дарениях в одну таблицу (*таблица № 2*). “Весом признака” мы назовем отношение данного показателя (в таблице № 2 это дарители, участвующие в коллективных актах) к общей численности группы. Приведенный в последней строке итоговый, средний показатель может быть принят как среднестатистический, средневероятностный индекс.

---

²¹ IRI. 4885

ТАБЛИЦА № 2

Частота составления повторных актов
и частота участия в коллективных дарениях

Категории дарителей	человек	актов	Δ числа		“вес признака” (%)
			актов	и коллективн ые дарения	
			численности группы - "вес признака" (%)		
1.Дворяне	65	86	21 (32,3)	3	4,6
2.Сеньоры	25	27	2(8)	1	6,2
3.Священники	48	54	6 (12,5)	3	6,2
4.Офисье и судейские	234	281	47 (20)	11	4,7
5.“Буржуа”	252	296	44 (17,5)	11	4,4
6.“торговцы”	193	208	15 (7,7)	18	9,4
7.Ремесленники	174	167	-7 (-4,1)	24	13,8
8.Крестьяне	110	110	-	14	12,7
9.Низшие слои	47	48	1 (2,1)	15	31,9
10.Неустановл.	76	60	-16 (-21)	16	21,1
ИТОГО, в среднем	1224	1337		116	9,5

Мы видим, что данные демонстрируют вполне выраженную социально-окрашенную тенденцию: практика составления повторных актов более свойственна категориям, расположенным в верхней части таблицы, а участие в коллективных дарениях концентрируется в нижней ее половине. Определим склонность составлять повторные дарения как “индекс А”, а склонность к участию в коллективных дарениях как “индекс В”. Индекс А имеет положительное значение (то есть значение, превышающее средний показатель) в пяти первых категориях, а индекс В — в пяти последних. Таким образом, средний показатель в обоих случаях делит таблицу пополам, занимая место между пятой и шестой категориями, то есть между дарителями, названными в

актах “буржуа” и купцами или “торговцами” (marchands), так себя не обозначившими.

Создается впечатление, что мы сразу же столкнулись с маркерами социального статуса. Попробуем перепроверить себя.

Некоторые категории априорно структурируются по иерархическому принципу. Понятно, что каноник занимал более высокое положение в церковной и в социальной иерархии, чем, например пономарь или клирик, не имевший бенефиция и попросту приписанный к одной из церквей. То же мы можем сказать и о чиновниках и судейских. Президент, советник парламента даже по вполне формальному критерию - размеру выплачиваемого жалования многократно превосходил, например сержанта Шатле или судебного пристава. Что касается группы парижских буржуа, то общеизвестно, что важнейшую роль в городском самоуправлении играли члены шести привилегированных корпораций, которых мы также можем априорно зачислить в разряд муниципальной “элиты”. Наконец, в шестой категории “купцов” или “торговцев” (marchands), не обозначивших себя в актах как “буржуа”, достаточно четко выделены группа провинциалов и группа парижан. Последние при ближайшем рассмотрении оказались не в пример беднее первых (в данном случае отступим от последовательности в воспроизведении *логики исследования* и забежим немного вперед ради *логики изложения*). *Таблица № 3*, таким образом призвана продемонстрировать как ведут себя оба индекса А и В в иерархически определенных группах.

ТАБЛИЦА № 3

Частота составления повторных актов и участия в коллективных дарениях
в иерархически-определенных группах.

Группы	Число дарений	Разница между		Коллективные дарения признака”	“вес
		числом дарителей и дарения	числом актов (%)		
		Индекс А	Индекс В		
“Высшее” духовенство	14	21; +	0		
“высшие” парижские офисье	48	24; +	1 (2,1) -		
“высшие” провинциальные офисье	50	20; +	1 (2); -		
буржуа “Шести корпораций”	47	15; +	2 (4,2); -		
Провинциальные торговцы	108	11,5; +	6 (5,5); -		
Парижские торговцы	85	1,2; -	12 (14,1); +		
Средний показатель по всему корпусу дарений		9,2	9,5		

Итак, индекс А (разница между числом дарителей и числом актов, выражающая склонность составлять повторные дарения) для всех “элитных” групп явно превышает “средний” показатель. Это особенно заметно при сопоставлении с контрольной группой “парижских торговцев”. Напротив, индекс В (участие в коллективных дарениях) в этих “элитных” группах намного ниже среднего показателя, тогда как парижские торговцы и здесь резко отличаются от остальных групп данной таблицы. Таким образом, мы получили отправную точку для построения гипотез. *Индекс А*, тенденция к составлению повторных актов может считаться показателем “престижности” категории, тогда как повышенная склонность к составлению коллективных дарений может трактоваться как признак “приниженности” (*Индекс В*).

Кажется, что может быть естественнее — богатые и знатные могли чаще составлять дарения своим студентам, чем бедные и убогие, которые чаще всего объединялись для этого с другими родственниками. Но мы же исходили из принципиального *изначального равенства* стартовых возможностей. И в действительности были дворяне или состоятельные буржуа, участвовавшие в коллективных дарениях (наподобие Николя де Трео), были также простые

крестьяне и подмастерья, составлявшие по два дарения своим родственникам-студентам. К тому же сама по себе регистрация дарения в Шатле могла свидетельствовать отнюдь не о благополучии, а о возникающих проблемах, например о судебном процессе по поводу передаваемого имущества, и о стремлении дарителей заручиться юридической защитой университетских привилегий. И все же мы сразу же сталкиваемся с действием статистической тенденции, прокладывающей себе дорогу сквозь хаос отдельных случаев. Причем зависимость обоих индексов от социального статуса (вернее, от наших априорных представлений об этом статусе) носит характер, напоминающий линейную зависимость. И уже поэтому выглядит весьма подозрительно особенно с учетом того, что речь идет лишь о сравнительно небольшом числе актов, поскольку нормальной ситуацией в нашем источнике является ситуация “один человек — одно дарение”. Наблюдаемые при помощи индексов А и В регулярности выглядят не слишком убедительно.

Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть наши умозаключения, хорошо было бы сравнить между собой все акты по какому-нибудь общему для всех параметру. Такая универсальная переменная у нас есть. Ведь во всех без исключения актах содержится указание на характер отношений дарителя и студента. Сведем данные о родственных связях дарителей со студентами (или об отсутствии оных) в таблицу.

ТАБЛИЦА № 4

Родство дарителей со студентами

		I	II	III	IIIa	IIIb	IV	V
		Доля от общей численности группы						
Категории Дарителей	число дарителей	Отец, Мать, Отчим, Дед	Брат, сестра, кузен, свояк	Дядья	(та же “фамилия”)	(иная “фамилия”)	Прочие	Сведения о родстве нет
1.Дворяне	65	65%	1,6%	16,4%	(4,8%)	(11,6%)	0	17%
2.Сеньоры	25	61%	0	26,6%	(7,7%)	(19%)	0	12%
3.Священники	48	0	18,6%	62,7%	(43,7%)	(19%)	0	18,6%
4.офисье и судейские	234	65,4%	7,7%	21,7%	(4,7%)	(17%)	3,4%	1,6%
5.Буржуа	252	<u>70%</u>	<u>7,5%</u>	21%	(8%)	(13%)	0	1,5%
6.Торговцы	193	52%	14,5%	28,4%	(9,8%)	(18,6%)	2%	3,6%
7.Ремесленники	174	50%	12%	28,1%	(8,6%)	(19,5%)	2,3%	7,4%
8.Крестьяне	110	47,3%	13,6%	28,1%	(2,7%)	(25,4%)	5,5%	5,5%
9.Низшие слои	47	40%	15%	40,5%	(10,5%)	(30%)	0	4%
10. Неустановл.	76	42,4%	29%	22%	(5%)	(17%)	2,7%	4%
Итого,	1224							
в среднем		55%*	11%*	26%*	7%*	19%	1,59%	7,52%

* без учета священников

Дарения **по прямой линии** (первый столбец) представляют собой вполне ясный случай. В среднем по всему корпусу доля дарений сыновьям (или пасынкам) и внукам составляла чуть более половины актов. Естественно, что священники-целибатари не могли быть представлены в этой графе. Дарители, объединенные в категории дворян, сеньоров, чиновников и буржуа, составляли подобные дарения немного чаще, прочие немного реже этой средней величины. И опять демаркационная линия проходит между пятой и шестой категориями,

отделяя буржуа от торговцев и ремесленников. У нас есть основания заключить, что мы имеем дело с социально-значимым критерием.

Таким образом, повышенную (выше среднего) склонность к составлению дарений по прямой линии мы можем назвать “Индексом С” и отнести его к “индексам престижности”. Несмотря на то, что разброс значений в первом столбце *Таблицы № 4* невелик, он достаточно ясно подтверждает наблюдения, сделанные при помощи индексов А и В.

Практика дарений, адресованных “по боковой линии” — братьям, своякам кузенам (столбец № II) демонстрирует ту же тенденцию. Если вновь не считать священников, то очевидно, что таких число таких дарений несколько повышается в нижних строках таблицы (мы можем назвать это свойство *индексом D*). Это, видимо, связано с практикой составления коллективных дарений, более распространенной для дарителей тех же категорий (Индекс В). Причем “водораздел”, то есть граница, начиная с которой наблюдается превышение данного индекса над средним уровнем, разделяет все те же категории дарителей — “буржуа” с одной стороны и “торговцев” с другой.

Зато дарения студентам-племянникам лишены такой выраженной социальной окраски (столбцы III, IIIa, IIIb). Доля таких актов в общей численности каждой группы колеблется в интервале от 20 до 30%. Исключение составляют лишь категории, представленные в таблице небольшим числом дарителей и потому более других подверженные случайностям.

Достаточно интересным представляется соотношение между племянниками, носящими одну фамилию с дарителем (дети брата) и носящими иную фамилию (дети сестры или племянники жены, а если даритель-женщина, то племянники мужа). Среднее по всему корпусу соотношение двух “типов” племянников (назовем их условно племянниками по “мужской” и по “женской” линиям) близко к возможным естественным значениям (7% и 19 %). Чисто статистически племянников второй группы и должно быть как минимум вдвое больше, чем первой. В этом отношении категория священников по идее должна быть контрольной. Племянников жены у них по определению быть не могло, следовательно, речь могла идти лишь о дарениях детям сестер. Следовательно, можно было ожидать, что число племянников обеих групп (столбцы IIIa и VIb) для священников должно было оказаться примерно равным. Но вопреки ожиданиям, священники одаривают детей братьев более чем в два раза чаще,

чем детей сестер. Может ли это служить косвенным указанием на то, что в актах других категорий дарителей племянниками “по женской линии” являлись в первую очередь племянники супруги (супруга), а не сыновья сестры? К сожалению, священников слишком мало в нашем корпусе дарителей, чтобы делать такие выводы, подобная диспропорция вполне может носить случайный характер.

Любопытно, однако, что эта диспропорция между двумя “типами” племянников демонстрирует иерархический характер. У “высшего” духовенства она составляет 9 : 3, у “низшего же — 12 : 8. Это, конечно, смехотворно малые числовые ряды для каких-либо выводов. Но мы вправе задаться вопросом: не служит ли преобладание племянников “по женской линии” еще одним признаком “приниженности” той или иной группы дарителей?

В большинстве категорий соотношение между двумя “типами” племянников варьирует вокруг “естественного” значения. Но весьма примечательное исключение составляют крестьяне. Всего трое племянников-студентов носят одну фамилию с дарителем, в то время как целых 26 актов адресованы племянникам “по женской линии”. В отличие от священников, категория крестьян достаточно представительна, и тут списать все на простую игру случая нельзя. Перед нами некая закономерность и ее нельзя истолковать сходу, без дополнительного знакомства с крестьянскими дарениями.

При анализе данных последнего столбца *таблицы № 4* мы также можем наблюдать некую тенденцию, трактовка которой вызывает трудности. По каким-то причинам дворяне и сеньоры оказываются более других склонны одаривать студентов, не состоящих с ними в родстве. Если бы не они, то можно было бы усмотреть слабую тенденцию к повышению доли таких дарений в категориях, расположенных в нашей таблице ниже уровня “буржуа”. Это особенно заметно, если сопоставить категории “чиновников” и “буржуа” с “торговцами” и “ремесленниками”, ведь это самые многочисленные группы. Но дарения дворян-сеньоров помешали нам истолковать данный признак как дополнительный “индекс приниженности”. Если и искать некую закономерность в распределении дарений посторонним студентам, то она носит не столько социально-иерархический, сколько территориальный характер: они в большей степени характерны для провинциальных дарителей. Если у парижан доля дарений посторонним студентам составляет лишь 3,7%, то у провинциалов

она вдвое больше — 7,3% И вновь мы ограничимся пока лишь констатацией этого наблюдения, отложив попытки его интерпретации.

В столбце № IV представлены и те случаи, когда патроним студента совпадает с патронимом дарителя или его жены, но степень родства не указана, и дарения крестникам, и просто дарения “другу”. В девяти случаях дарителем оказывается племянник, а студентом — дядя. В принципе такая ситуация была возможной для любой семьи. Но состав группы дарителей-племянников весьма примечателен — четверо крестьян, два ремесленника, сельский священник и двое судейских, относящихся в большей степени к “крапивному семени”, нежели к респектабельным чиновникам.

Попытаемся теперь сложить векторы всех тенденций, отраженных в *таблице № 4*. Несмотря на все отклонения и неожиданности, направление результирующей будет, по всей видимости, следующим: чаще других дарения в пользу более отдаленных родственников (*индекс D*) свершают категории, склонные к участию в коллективных дарениях (*индекс B*), а те группы, которые были склонны составлять повторные дарения (*индекс A*), большую часть своих актов адресовали своим сыновьям или внукам (*индекс C*). Таким образом, мы можем пополнить наш список признаков “престижности / приниженности” возрастанием / убыванием доли дарений по прямой линии.

Обратимся теперь к поиску закономерностей в распределении объектов дарения. Казалось бы, наиболее удобны для этого такие критерии сравнения как наличие в актах указаний о рентах и долговых обязательствах, особенно если издатели упоминают их конкретные суммы. Но фактор случайности здесь чрезвычайно велик. Богатый вовсе не обязан дарить большую по размерам ренту, чем бедный. Можно возразить, что прежде чем дарить ренту студенту, надо было ее иметь самому, и, следовательно, перед нами вполне объективный критерий материального благополучия дарителя. Но, как уже отмечалось, сплошь и рядом студенту передавались спорные права на кредиты или на ренты из наследства троюродной тетушки, тяжба о котором велась уже не одно десятилетие. Кроме того, мы не знаем, с какими именно рентами и расписками мы имеем дело. В одном случае речь шла о конституированной ренте (что являлось формой коммерческого кредита²²), в другом — о ренте с

---

²² Schnapper B. Les rentes au XVIe siècle. Paris, 1957.

недвижимости (своего рода арендной плате), в третьем — формой государственного долга (rentы на город). Долговое обязательство также могло быть векселем, средством платежа при крупной торговой операции, могло быть и распиской клиента, данной своему лавочнику. Словом, у нас нет изначальных положений, подтверждения которых мы вправе ожидать от *таблицы №5*, сводящей вместе факты упоминания рент и расписок в актах.

ТАБЛИЦА №5

Доля владельцев рент и долговых обязательств.

Категории дарителей	число дарителей	Ренты		Долговые обязательства	
		число указаний	“вес признака” (%)	Число указаний	“вес признака” (%)
1. Дворяне	65	29	44,6	16	24,6
2. Сеньоры	25	7	28	4	16
3. Священники	48	10	20,8	14	29,2
4. Офисье и судейские	234	71	30,3	43	18,4
5. Буржуа	252	81	32,1	47	18,6
6. Торговцы	193	39	20,2	37	19,2
7. Ремесленники	174	13	7,5	12	6,9
8. Крестьяне	110	17	15,5	8	7,3
9. Низшие слои	47	1	2,1	1	2,1
10. неустановлено	76	12	15,8	9	12
Итого, в среднем	1224	280	22,9	191	15,6

Несмотря на всю случайность отраженных в публикации данных, никаких особых сюрпризов нас здесь не ждет. Доля дарителей, указавших ренты в своих актах, превышает средний уровень (индекс E) именно в тех группах, которые, судя по данным предыдущих таблиц, обладают признаками “престижности”, то есть у дворян, сеньоров, чиновников и буржуа. Как и прежде показатель среднего числа упоминаний вновь дает основание провести разграничительную линию между буржуа и торговцами, между пятой и шестой категориями. Правда, в случае с долговыми расписками ситуация будет несколько иной: в шестой категории торговцев число упоминаний о них несколько выше “средней

нормы”. Но, как мы уже поняли, шестая категория вполне органично распадается на провинциалов и парижан. Мы можем еще раз перепроверить полученные данные, рассмотрев определенные группы, которые мы вправе считать контрольными.

ТАБЛИЦА № 6

Доля владельцев рент и долговых обязательств
в иерархически-определенных группах

ДАРИТЕЛИ		РЕНТЫ		ДОЛГОВЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА	
Группы	Число дарителей	число указаний	“вес признака” (%)	Число указаний	“вес признака” (%)
“высшие” офисье	98	41	41,8	13	13,2
“низшие” офисье	136	39	28,7	32	23,5
Буржуа “шести корпораций”	47	16	34	8	17
Провинциальные торговцы	108	30	27,7	28	26
Парижские торговцы	85	8	9,4	9	10,6
Парижские ремесленники	138	10	7,2	8	5,8
Средний показатель по всему корпусу дарений			22,9		15,6

В том, что касается рент, эта таблица ставит все на свои места — провинциальные купцы оказываются весьма близки к парижским буржуа, а парижские торговцы “отброшены” далеко за среднюю линию, приближаясь к ремесленникам. Частота упоминания рент в дарственных актах приобретает, таким образом, характер некоей “Табели о рангах”, определяющей место группы если не в иерархии престижа, то в имущественной иерархии. Примечательно, что прокуроры Шатле, стряпчие, клерки оказываются “беднее” провинциальных купцов, советники парламента, адвокаты, финансовые служащие уравниваются в этом отношении с дворянами и с верхушкой парижских буржуа.

Что же касается частоты упоминаний о долговых обязательствах, то она не обладает столь жесткой иерархической убедительностью. Лишь в самом общем виде можно сказать, что те, кто чаще других упоминают ренты, имеют тенденцию чаще других говорить и о расписках, хотя сразу же в глаза бросятся исключения, например группа “высших” чиновников (*таблица № 6*). Но заслуживает особого внимания соотношение между двумя признаками. В первых пяти категориях (за исключением все тех же священников) дарителей-“рантье” ощутимо (чуть ли не вдвое) больше, чем дарителей-“кредиторов”. И вновь между пятой и шестой категориями проходит граница, за которой соотношение меняется — “кредиторов” становится столько же, сколько “рантье”.

Впрочем, исключение из этого правила составляют крестьяне. Если мы вернемся к *таблице № 5*, то увидим, что число крестьян, упоминавших о рентах, вдвое больше числа тех, кто упоминал о расписках. Похоже, что перед нами новая закономерность — применительно к городским слоям равное соотношение упоминаний о рентах и о кредитах и, тем более превышение числа вторых над числом первых, может служить косвенным указанием на некую “приниженность” социальной группы. Это еще одно явление, требующее дополнительного осмысления.

Наши наблюдения основывались пока лишь на частоте упоминаний о рентах и долговых обязательствах, точнее, на “весе” этого признака в каждой из групп дарителей. Но у нас есть помимо этого и иной показатель — конкретные суммы рент и расписок, указанные издателями для некоторых из актов. Правда, в данном случае мы оказываемся всецело во власти издательского произвола. В оригиналах нотариальных актов всегда уточнялся размер упомянутого долгового или рентного обязательств, и непременно оговаривался порядок их погашения. Издатели же отмечали конкретные суммы крайне редко, руководствуясь какими-то своими соображениями, так и оставшимися мне непонятными. К тому же вовсе не следует, что у нас есть уточнения размеров 166 рент из числа тех 280 случаев упоминаний о рентах, что проанализированы в *таблице № 5*. Нередко один даритель перечислял несколько обязательств, уточняя размеры каждого из них, и эти данные воспроизведены издателями; о другом дарителе говорится лишь то, что в его акте упомянуты некие расписки или ренты. Таким образом, соотношение между числом упоминаний и

размерами рент и расписок столь же произвольно и случайно, как и сами эти величины.

Перейдем же к анализу рент и долговых обязательств, выраженных в конкретных суммах, данные о которых представлены в *таблицах №№ 7-10*.

Эти таблицы содержат ряд допущений. В них отброшено различие между турецкими и парижскими ливрами. При суммарных подсчетах это не существенно: в парижских ливрах измерялись лишь некоторые из самых мелких рент, не превышающие 1 ливра. Вторым допущением является соотношение эю и ливра. Достаточно часто размеры рент и долговых обязательств измерялись в эю, чаще всего “*ecu d’or soleil*”. Курс золотого эю к счетной единице — ливру на протяжении рассматриваемого двадцатилетия был подвержен изменениям. Но огрубленно я переводил эю в ливры по курсу 2,5 ливра за 1 эю.

ТАБЛИЦА № 7

Распределение указаний на ренты, выраженные в конкретных суммах

Категории дарителей	До 1 £	1-5 £	5-10 £	10-50 £	50-100 £.	Свыше 100 £	Всего указаний	Сумма рент в £	% от всей суммы
1.Дворяне	2	7	2	2	1	2	16	721	19,5
2.Сеньоры	0	1	1	1	0	0	3	43,5	1,2
3.Священник и	1	2	0	2	0	0	5	34,5	0,9
4.Офисье и судейские	7	16	7	11	3	2	46	1562	42,2
5.Буржуа	9	20	10	10	3	2	54	928	25,1
6.Торговцы	2	7	4	2	0	0	15	70	1,9
7.Ремесленники	3	2	1	4	0	0	10	130	3,5
8.Крестьяне	2	3	1	3	1	0	10	156	4,2
9.Низшие слои	0	1	0	0	0	0	1	1,5	0,1
10.Неустановлен	0	2	3	1	0	0	6	50	1,4
Итого	26	61	29	36	8	6	166	3696,5	100

Опыт показал нам, насколько значимы могут быть различия между группами в рамках одной категории. Попытаемся вновь отразить их с использованием данных о иерархически-определенных группах.

ТАБЛИЦА № 8

Распределение указаний на ренты, выраженные в конкретных суммах
в иерархически-определенных группах (в ливрах £)

Группы	Число дарителей	До 1 £	1-5 J	5-19 J	10-50 J	50-100J	Свыше 100 £.	Всего указаний
“высшие” офисье (парижские)	48	2	2	3	7	3	2	19
“низшие” офисье (парижские)	111	5	9	4	2	0	0	20
“высшие” офисье (провинциальные)	50	0	3	0	2	0	0	5
“Низшие” офисье (провинциальные)	25	0	2	0	0	0	0	2
Буржуа “шести корпораций”	47	2	6	2	1	0	1	12
Парижские торговцы	85	1	4	1	1	0	0	7
Провинциальные торговцы	108	1	3	3	1	0	0	8

Обратим внимание, насколько чаще размеры рент отмечаются парижанами, чем провинциалами. Если бы мы изначально отбросили все данные о числе упоминаний рент, и ограничились бы лишь теми, размер которых точно указан в нашей публикации, у нас создалось бы впечатление что, например, мелкие парижские судебские обеспечены рентами лучше, чем их уважаемые провинциальные коллеги, или что провинциальные купцы не отличаются от купцов парижских, но это опровергается данными *таблицы № 6*. Думается, что одна из причин такой аберрации заключается в характере издания источника. Напомню, что издание предпринималось в рамках амбициозного проекта

публикации источников по истории Парижа. И в первую очередь Э. Кампардон и А. Тюетей интересовались именно краеведческой информацией. Указания о рентах с недвижимости предполагали описание этой самой недвижимости. Если она находилась на территории Парижа и его ближайшей округи, то издатели старались дать более подробное описание. Аналогичные свидетельства о рентах с провинциальной недвижимости зачастую либо вообще опускались в публикации, либо отражались в самой краткой форме.

Обладая данными для перекрестного анализа, мы можем в данном случае “уличить таблицу во лжи”, но сколько таких флуктуаций нам приходится брать на веру!

Вернемся к *таблице № 7*. Большая доля от всей суммы рент оказывается в руках парижских чиновников и адвокатов. На втором месте (но со значительным отрывом) парижские буржуа, дворяне отстают от них на шесть процентов, но ведь дворянских рент в таблице всего 16, тогда как “буржуазных” — 54. В целом, на долю этих трех категорий приходится 86% от общей суммы рент, всем прочим категориям дарителей достаются лишь крохи.

Итак, подтверждается тезис о том, что упоминание о рентах — сугубо элитарный показатель, относящийся к “индексам престижности”, причем цифровые показатели лишь усиливают наше представление о “монопольном” владении рентами теми, кого мы традиционно привыкли относить к социальной элите.

Распределение суммы долговых обязательств иное.

ТАБЛИЦА № 9

Долговые обязательства, выраженные в конкретных суммах

Категории дарителей	До 2,5 £	2,5-10 £	10-50 £	50-100 £	100 –500 £	Свыше 500 £	Всего указаний	Общая сумма (£)	% от общей суммы
1.Дворяне	0	0	3	3	2	6	14	9568	32,6
2.Сеньоры	1	0	1	2	1	0	5	388	1,3
3.Священники	2	1	2	0	4	2	11	2642	9,1
4.Офисье и судейские	4	4	18	6	9	2	43	5125	17,5
5.Буржуа	1	4	20	7	19	4	55	8188	28
6.Торговцы	1	5	4	4	3	0	17	1088	3,7
7.Ремесленники	0	0	4	1	1	0	6	576	2
8.Крестьяне	1	1	3	0	1	1	7	1155	4
9.Низшие слои	0	0	0	1	0	0	1	43	0,1
10.неустановлено	0	3	3	0	2	0	8	504	1,7
Итого	10	18	58	24	42	15	167	29277	100

Внутри “элитной тройки” произошла перегруппировка. Дворяне по "валовому" показателю суммы всех своих долговых обязательств неожиданно занимают первое место ("неожиданно" - потому что по аналогичному показателю для рент их положение было более скромным). За ними следуют буржуа, затем, на значительном удалении — офисье и судейские, которые, как мы помним из *таблицы № 7*, значительно превосходили все остальные категории по сумме своих рент. Любопытно перепроверить эти наблюдения на примере иерархически-определенных групп.

ТАБЛИЦА № 10

Распределение указаний на долговые обязательства,
выраженные в конкретных суммах в иерархически-определенных группах

Группы	Число дарителей	До 2,5 £	2,5-10 £	10-50 £	50-100 £	100- 500 £	Свыше 500 £	Всего указаний
“высшие” офисье (парижские)	48	0	0	2	2	1	0	5
“низшие” офисье (парижские)	111	0	2	11	2	2	0	17
“высшие” офисье (провинциальные)	50	4	1	2	1	5	2	16
“низшие” офисье (провинциальные)	25	0	1	3	1	1	0	0
буржуа “шести корпораций”	48	0	0	2	1	7	1	11
парижские торговцы	85	0	0	2	1	1	0	4
провинциальные торговцы	108	1	5	2	3	2	0	13

Эта таблица дает любопытные уточнения. Как мы помним из *таблицы № 6*, низшие “парижские” офисье и судейские — стряпчие, прокуроры Шатле, приставы, сержанты часто упоминают в своих дарениях о различного рода долговых обязательствах и по этому показателю могли бы быть зачислены в разряд самых активных “кредиторов”. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что они передают студентам расписки на весьма скромные суммы. То же можно сказать и о торговцах, как парижских, так и провинциальных. Последние достаточно часто упоминали о долговых обязательствах, но насколько можно судить по публикации, речь шла о небольших суммах.

В тех группах и категориях, где число указаний на точные суммы рент и расписок не превышало десятка, возможны любые неожиданности. Крестьяне и ремесленники указывают ренты на большие суммы, чем священники, и обладают расписками на более крупные суммы, чем сеньоры. Поэтому выработать очередной “индекс престижности” или “приниженности” нам не удастся. Но было бы странно, если бы железные закономерности социальной

иерархии сказывались и в таких незначительных числовых рядах. Они и так уже достаточно часто проявлялись у нас из россыпи случайных цифр.

Ясно, что сравнивать стоит лишь относительно многочисленные группы и что для этого важно выявить средние размеры рент и расписок. Но не менее очевидно, что средние величины — вещь весьма случайная, даже если речь идет о довольно представительных группах. Достаточно встретиться одному-двум крупным дарениям при целой серии мелких рент и расписок, и сразу же средние показатели будут давать завышенную картину. Так, например, как следует из *таблиц №№ 7 и 9* для всего корпуса дарителей, средними величинами будет рента в 22,26 ливра ($3696,5\text{£} : 166 = 22,26\text{J}$) и долговое обязательство на сумму в 175,3 ливра ($29277\text{£} : 167 = 175,3\text{J}$). Но из тех же таблиц видно, что наиболее **типичными** являются ренты, лежащие в пределах от 1 до 5 ливров и долговое обязательство на сумму до 50 ливров — для этого достаточно кинуть взгляд на нижнюю строку. Для того, чтобы снизить элемент случайности, неизбежный при среднеарифметических показателях, можно использовать показатель медианы распределения. Насколько это доступно пониманию историка, абсолютно неискушенного в количественных методах исследования, к числу которых я, увы, принадлежу, медианой распределения является точка, лежащая в центре всего ряда числовых значений²³. В нашем случае — в центре рядов числовых значений рент или долговых обязательств как всего корпуса, так и какой-нибудь определенной категории группы дарителей. Медиана призвана сглаживать контрасты в распределении средних числовых значений и дает более “реалистичную” картину, приводя, порой, к неожиданным результатам.

Определял я ее очень просто: для этого выстраивался ряд числовых значений того или иного интересующего меня показателя (например, размеров рент) последовательно для каждой из категорий или групп дарителей, затем находилось числовое значение, расположенное в центре указанного ряда. Данная процедура может небезосновательно показаться “варварской” знатокам количественных методов, но в наглядности ей не откажешь.

---

²³ *Корн Г., Корн Т.* Справочник по математике для научных работников и инженеров. М., 1977. С. 545.

ТАБЛИЦА № 11

Средняя величина и медиана распределения значений рент
и долговых обязательств.

Категории дарителей	Ренты		Долговые обязательства	
	средняя величина	Медиана	Средняя величина	медиана
Дворяне	45 ливров	4 ливра	683 ливра	120 ливров
Священники*	—	—	240 ливров	130 ливров
Офисье и судейские	34 ливра	6 ливров	119 ливров	30 ливров
“высшие” парижские	(44.5 ливра)	(13 ливров)	—	—
“низшие” парижские	(5.5 ливра)	(2.5 ливра)	(115 ливров)	(27 ливров)
“Буржуа”	17.5 ливра	5 ливров	182 ливра	120 ливров
“Шесть корпораций”	(10.8 ливра)	(2 ливра)	(242 ливра)	(150 ливров)
Торговцы	4.6 ливра	3 ливра	64 ливра	18 ливров
В среднем по корпусу	22,26 ливра	4 ливра	175,3 ливра	52 ливра

* здесь и далее прочерк означает не отсутствие данных, но их недостаточность для выделения средних величин и медиан.

Дворяне обладали значительной долей всех рент (таблица № 7) и средняя величина рент, упоминаемых дворянами, превышает аналогичный показатель всех прочих групп. Но обратим внимание на то, что медиана распределения в этой категории уступает по своему значению аналогичному показателю рент чиновников (особенно “высших”) и буржуа. Это может указывать на внутреннюю гетерогенность группы дворян. Кто-то из них упомянул две-три очень крупные ренты, но большинство составляли обладатели мелких или даже мельчайших рент. Таким образом, “благополучная” средняя величина скрывает контрасты.

Зато по размерам упоминаемых долговых обязательств дворяне являются бесспорными лидерами - необычайно высокая средняя сумма подкреплена в данной категории солидным показателем медианы распределения.

Священники, обладавшие рентами скромных размеров, неожиданно оказываются довольно солидными кредиторами. Впрочем, эта группа слишком мала, и потому в большей степени подвержена произволу случайностей. А вот офисье и судейские уступают по размерам своих расписок не только дворянам, но и буржуа. В этом наши прежние наблюдения подтверждаются — кредиторами в этой категории по большей части оказываются мелкие офисье и судейские, упоминавшие долговые обязательства на незначительные суммы. Ренты, которые упоминали дарители этой группы, были также весьма скромны, тогда как “высшие” офисье и адвокаты упоминали почти о столь же крупных рентах, что и дворяне. Но показатель медианы распределения свидетельствует о том, что в отличие от дворян, группа “высших” чиновников была относительно однородной - наиболее типичной для них была рента в 13 ливров, что в три раза выше, чем аналогичный показатель для всего корпуса.

Таблица № 11 вносит существенные коррективы в наши представления и о “буржуа”. Еще при составлении *таблицы № 3* мы исходили из предположения о том, что “буржуа шести корпораций” являются своего рода элитой внутри категории “парижских буржуа”. До поры до времени эта гипотеза “работала”. Однако, теперь очевидно, что, если исходить из соотношения средних величин и медиан распределения, то “буржуа шести корпораций” могут считаться “лидерами” среди прочих буржуа лишь по такому показателю, как размеры упоминаемых долговых обязательств. Но они отнюдь не были самыми состоятельными “рантье” в своей категории дарителей. Среди парижских буржуа были некие отдельные лица или целые группы лиц, упоминавшие о довольно крупных рентах (что дает высокие средний показатель для всей категории, превосходящий уровень “буржуа шести корпораций”), и причем делавшие это довольно часто (о чем свидетельствует сравнительно высокий показатель медианы распределения рент парижских буржуа).

Не прибегая к качественному анализу актов, невозможно понять, кем были эти состоятельные рантье из числа парижских буржуа. Мы пока лишь диагностируем наличие в рамках данной категории некоторой группы,

способной оспорить лидерство “буржуа шести корпораций” в сфере обладания рентами.

В целом же “буржуа” предстают более однородной категорией, чем офисье и судейские. Если судить по последним таблицам, и особенно по *таблице № 11*, то разница между этими двумя фракциями городской элиты видится в том, что богатство чиновников в большей степени было вложено в ренты, в то время как капиталы дарителей-буржуа чаще упоминаются в актах в форме кредитов, долговых обязательств. Если предположить, что за регулярностями наших таблиц и скрывается какая-то реальность, то эта тенденция вполне может указывать на различие в положении этих групп. В одном случае деньги в первую очередь вкладывались в недвижимость²⁴. В другом — находились в обращении.

В случае с провинциальными торговцами мы впервые сталкиваемся с серьезными расхождениями между собой данных разных таблиц. До сих пор они все, в том числе и частота упоминаний рент и долговых расписок, указывали на типологическую близость парижских буржуа и провинциальных торговцев (в отличие от торговцев парижских). Но выясняется, что провинциалы крайне редко уточняют конкретные суммы. Те же, кто делает это, указывают на весьма мелкие суммы. Это один из немногих показателей, подчеркивающий известную близость парижских и провинциальных торговцев. Но выше уже высказывалось предположение о том, что причина кроется в особых установках издателей источника.

Завершая анализ упоминаний о рентах и долговых обязательствах, можно добавить к *индексу E* (повышенная частота упоминаний о рентах), *индекс F* (склонность к обладанию рентами, превышающими по своим размерам средние и “медианные” показатели по всему корпусу). Но как в случае с частотой

---

²⁴ Внеисточниковое знание подсказывает, что деньги вкладывались также в покупку должностей для себя или для своих детей. Косвенное подтверждение этому мы можем найти и в наших источниках. Кроме того, офисье и судейские — единственная категория дарителей, упоминавшая в своих актах о муниципальных рентах: своего рода облигациях королевского займа. Формально он был открыт для всех желающих, но, по-видимому, в первую очередь распространявшихся среди королевского “служилого люда”.

упоминания о долговых расписках, так и со сведениями об их точных размерах, мы не обладаем устойчивыми показателями, достаточными для того, чтобы говорить об очередном индексе.

Порой в публикации без всякой конкретизации говорится лишь о передаче прав на наследство какого-нибудь умершего родственника (назовем эту практику “дарениями неразделенных прав на наследство”). Как следует из *таблицы № 12*, такую практику вполне можно назвать массовой. Одного взгляда на левую половину таблицы достаточно, чтобы увидеть тесную связь этого признака со статусом группы и с уже выделенными нами индексами, например – с *индексами А и В*, то есть со склонностью составлять повторные акты и с участием в коллективных дарениях. В последнем случае связь будет положительной, а в первом отрицательной. Таким образом, перед нами еще один индекс приниженности, обозначим его как “*индекс G*”.

ТАБЛИЦА № 12

Дарения “неразделенных прав на наследство”
и прав на ведение судебных процессов

Категории дарителей	Неразделенные права на наследство			Права на ведение процессов		
	Число упоминаний	“вес признака” (%)	Доля от общего числа (%)	число упоминаний	вес признака (%)	доля от общего числа (%)
1.Дворяне	1	1,5	0,5	8	12,3	17,8
2.Сеньоры	2	8	0,9	3	12	6,7
3.Священники	5	10,4	2,3	1	2,1	2,2
4.Офисье и судейские	14	6	6,5	12	5	26,7
5.Буржуа	35	<u>13,9</u>	16,3	3	1,2	6,6
6.Торговцы	42	22	19,4	8	4,1	17,8
<i>парижане</i>	25	29,4		3	3,5	
<i>провинциалы</i>	17	15,7		5	4,6	
7.Ремесленники	66	38	30,5	5	2,9	11,1
8.Крестьяне	23	21	10,6	3	2,7	6,7
9.Низшие слои	14	29,7	6,5	1	2,1	2,2
10.Неустановл.	14	18,4	6,5	1	1,3	2,2
Итого, в среднем	216	17,6	100	45	3,7	100

В таблицу № 12 включена и иная переменная — дарения прав на ведение судебных процессов. В данном случае никакой выраженной тенденции проследить невозможно. Во-первых, налицо действие издательского произвола. Ведь, как показало знакомство с оригиналами актов, значительно чаще, если не в большинстве случаев, речь, так или иначе, шла о судебных процессах (об этом в 3 и 4 главах). Во-вторых, мы имеем дело со слишком малым числовым рядом.

Есть, однако, переменные, чья социальная обусловленность не вызывает никаких сомнений, несмотря на незначительное число упоминаний. Это дарения собственности, имеющей “феодалную” природу — фьефы, “земли в благородном держании”, сеньории, право взимать сеньориальные поборы

(например, *lods et ventes*). Причем в эту таблицу не включены те случаи, когда даритель обозначает себя дворянином или сеньором, но сеньориальных объектов не упоминает. Данные левой части *таблицы № 13* создают впечатление, что “феодализм” вопреки мнению С. Рейнольдс²⁵, не был чистым конструктом юристов, выдумкой предреволюционных публицистов, или миражом историков-марксистов, но продолжал существовать вполне осязаемо. Если не во Франции XVI века, то, во всяком случае, в нашей модели. Феодалные права передают, те, кому и положено их иметь: феодалы, то есть в первую очередь, дворяне и сеньоры. Во всяком случае, этот “вес признака” в их категориях выше, чем в прочих. Но в абсолютных цифрах больше всего такого рода упоминаний в дарениях “крупных” чиновников, как парижских, так и провинциальных. Это весьма важно, коль скоро по установившейся историографической традиции принято рассматривать французское общество “Старого порядка” в “дворянском” ракурсе, с точки зрения стратегии аноблирования, в которой обладание сеньориями было важнейшей компонентой.

Таблица опять подтверждает разрыв между парижскими и провинциальными торговцами, но на сей раз демонстрирует и новое явление. Все предыдущие показатели указывали на относительную близость категорий “чиновников” и “буржуа”. Здесь же “буржуа” существенно уступают всем чиновникам, а не только “высшим”. В какой-то мере эта закономерность совпадает с ситуацией, которую мы только что наблюдали при соотношении рент и долговых обязательств.

---

²⁵ *Reynolds S. Fiefs and Vassals: The medieval evidence reinterpreted. Oxford, 1994; См. также: Ourliac P. La feodalit  et son histoire // Revue historique du droit franais et etranger. 1995 Vol. 73. P. 1–24; Magnou-Notier E. Feodalit  en crise? Propos sur “Fiefs and Vassals” de Susan Reynolds // Revue historique. 1996. N 600. P. 253–248.*

ТАБЛИЦА №13

Сеньории, фермы, мельницы и лес

Категории дарителей	Сеньории, фьефы, сеньориальные права и др.			Фермы и метерии	Мельницы	Лес
	Число указаний	“вес признака” (%)	Доля от общ. числа (%)			
1.Дворяне	16	24,6	21,6	2	6	2
2.Сеньоры	4	16	5,4	0	2	1
3.Священники	5	10	6,7	1	1	0
4.Офисье и судейские	37	15,8	50	5	2	5
“высшие”	31	31,6		5	2	4
“низшие”	6	4		0	0	1
5.Буржуа	6	2,4	8,1	4	0	2
6.Торговцы	3	1,6	4	3	4	1
<i>Провинциальные</i>	3	2,7		3	3	1
<i>Парижские</i>	0	0		0	1	0
7.Ремесленники	0	0	0	0	0	0
8.Крестьяне	1	0,9	1,4	1	0	1
9 Низшие слои	0	0	0	0	0	0
10.Неустановленные	2	2,6	2,7	1	0	1
Итого; в среднем	74	6	100	17	15	13

Дарения **мельниц** распределяются примерно также как и указания на сеньориальные объекты дарения. Зато указания на **лес, метерии и фермы** распределены более равномерно между представителями пяти первых категорий, к которым можно прибавить и провинциальных торговцев. Впрочем, все эти указания слишком редки, чтобы выводить на их основе специальный индекс. Но вот первая графа такую возможность предоставляет – склонность к упоминанию в актах различного рода сеньориальных объектов мы обозначим как *индекс Н*.

Распределение прочих объектов недвижимости лишено столь выраженной социальной определенности.

ТАБЛИЦА №14

Дарения “земель”, лугов, виноградников, огородов

Категории дарителей	Доля от общ. числа дарителей (%)	Земли		Виноградники		Луга		Огороды	
		Число указаний	доля от общего числа (%)	Число указаний	Доля от общего числа (%)	Число указаний	доля от общего числа (%)	Число указаний	доля от общего числа (%)
1.Дворяне	5,2	16	9,8	4	4,5	3	7,7	0	0
2.Сеньоры	2,1	1	0,6	1	1,1	0	0	0	0
3.Священ.	4	13	8	0	0	0	0	2	4,8
4.Чиновн.	19	35	21,5	28	31,5	6	15,4	5	12
“высшие”		9		9		2		0	
“низшие”		26		19		4		5	
5.Буржуа	20,5	25	15,3	19	21,3	13	33,3	12	28,5
6.Торговцы	15,8	26	15,9	11	12,3	6	15,4	6	14,3
<i>Парижане</i>		8		2		0		1	
<i>Провинц.</i>		18		9		6		5	
7.Ремесл.	14,2	17	10,4	12	13,4	5	12,8	10	23,7
8.Крестьяне	9	21	13	11	12,3	1	2,6	3	7,1
9.Низшие	3,9	4	2,5	2	2,4	3	7,7	2	4,8
10.Неустановл.	6,2	5	3	1	1,2	2	5,1	2	4,8
Итого	100 (1224)	163	100	89	100	39	100	42	100

Указания на передачу участков, обозначенных в публикации просто как “земли” (terres), можно назвать социально-нейтральной переменной. Распределение этих данных примерно соответствуют доле той или иной категории в общем корпусе дарений. Дарения **виноградников** также распределены относительно равномерно между всеми категориями. Только в категории чиновников за счет “низших”, главным образом парижских, групп число упоминаний о виноградниках заметно превышает долю этой категории в общем корпусе дарений: если доля чиновников составляет 19% от всех дарителей, то среди лиц, упомянувших виноградники, офицеры и судейские составляют уже 28%.

Такой же социально-нейтральной можно назвать практику указаний на передачу **лугов** (rgis). Но есть немаловажное обстоятельство, которое трудно отразить в данной таблице: из 39 подаренных лугов 26 принадлежат провинциалам. В то же время, как мы помним из *таблицы № 1*, общая доля провинциалов составляла лишь 42,6% от всех дарителей. Таким образом, дарение лугов мы могли бы с некоторой долей вероятности считать признаком “провинциализма”. А вот дарения “**огородов**” (или садов — jardins), носят достаточно выраженный “плебейский” характер, их нет в актах дворян, сеньоров и высших чиновников. Мы можем назвать упоминания об огородах *индексом I*, и считать его если не автоматически признаком “приниженности”, то свойством неблагородных (ротюрных) слоев городского населения.

В 25 случаях упоминалось различного рода движимое имущество, данные о котором представлены в ТАБЛИЦЕ № 15.

ТАБЛИЦА №15

Дарения движимого имущества.

Категории дарителей	Доля от общего числа дарителей (%)	Движимое имущество	
		Число указаний	доля от общего числа (%)
1.Дворяне	5,2	0	0
2.Сеньоры	2,1	0	0
3.Священники	4	1	4
4.Офисье и судейские	19	4	16
“высшие”		0	
“низшие”		4	
5.Буржуа	20,5	2	8
6.Торговцы	15,8	7	28
Парижане		1	
Провинциалы		6	
7.Ремесленники	14,2	2	8
8.Крестьяне	9	7	28
9.Низшие	3,9	2	8
10.Неустановленные	6,2	0	0
Итого	100 (1224)	25	100

При том, что таких дарений очень мало, они указывают на вполне явную тенденцию или даже на две тенденции. Прежде всего, такая практика свойственна по большей части группам, расположенным в нижней части таблицы. И в этом отношении мы вполне можем вводить еще один признак приниженности — *индекс К*. Вторая тенденция указывает на провинциальный характер практики подобных дарений. К тому же если “буржуа” и “низшие” офисье и судейские и упоминают изредка о движимом имуществе, то лишь совместно с иными объектами дарений и используют при этом абстрактную формулу — *mobilier* — “движимость” (если, конечно, мы не имеем дела с очередным произволом издателей). Провинциальные торговцы выглядят в своих актах более обстоятельными, описывая объекты дарения: зерно, скот, часть урожая. Крестьяне наряду с продуктами земледелия, говорят об утвари, причем

только они упоминают среди объектов дарения белье и посуду. Возможно, для крестьянского быта они представляли ценность гораздо большую, чем для горожан.

Подведем итоги.

Несмотря на то, что мы имеем дело со стохастическими процессами, распределение признаков между категориями дарителей не является равномерным. Наблюдаемые неравномерности, как правило, весьма тенденциозны.

Тенденциозное распределение свойств позволяет выделить ряд индексов, помогающих расположить категории дарителей (выделенные, как мы помним, почти исключительно по формальным признакам) на импровизированной шкале социальной иерархии. Перечислим добытые индексы:

Индекс А — склонность составлять повторные дарения (под склонностью здесь и далее имеется в виду упоминание данного признака с частотой выше среднего показателя).

Индекс В — склонность к участию в коллективных дарениях.

Индекс С — склонность адресовать дарения по прямой линии.

Индекс D — склонность адресовать дарения по “боковой” линии.

Индекс E — склонность упоминать о рентах.

Индекс F — склонность к обладанию рентами, превышающими по своим размерам средние и “медианные” показатели по всему корпусу.

Индекс G — склонность к дарению прав на наследство без более детальной спецификации.

Индекс H — склонность к упоминанию в актах различного рода сеньориальных объектов.

Индекс I — склонность упоминать об огородах.

Индекс K — склонность упоминать о движимом имуществе.

ТАБЛИЦА № 16

Индексы

Категории дарителей	Число дарителей	ИНДЕКСЫ
1.Дворяне	65	ACEFH
2.Сеньоры	25	CEFH
3.Священники	48	AFH
4.Офисье и судейские	234	ACEFH
“высшие”		<i>ACEFH</i>
“низшие”		<i>ACFIK</i>
5.Буржуа	252	ACEKI
6.Торговцы	193	BDGKI
<i>провинциальные</i>		<i>AE K</i>
<i>парижские</i>		BDG
7.Ремесленники	174	BDGKI
8.Крестьяне	110	BDGK
9.Низшие слои	47	BDGK
10.неустановлено	76	BDG
Итого	1224	

Трудно не увидеть определенной логики в распределении индексов. Обладание рентами, как правило, сочетается с преобладанием дарений по прямой линии, с составлением повторных актов, с указанием на “сеньориальные” объекты дарения и т.д.. У нас есть все основания полагать, что индексы ACEFH свидетельствуют в пользу *престижности* группы, а индексы **BDGKI** напротив, о ее *приниженности*.

Есть, конечно, и “социально-нейтральные” признаки, например, дарения “земель”, есть признаки, не поддающиеся линейному истолкованию, например, соотношение между племянниками “по женской” и по “мужской линиям”, соотношение упоминаний о рентах с упоминаниями о долговых обязательствах, дарения посторонним студентам, дарения прав на ведение судебной тяжбы.

И все же полученных индексов уже вполне достаточно, чтобы предположить за категориями, сконструированными по чисто формальному признаку, наличие социального содержания.

Конечно, вывод о том, что под “дворянами” в актах понимались в первую очередь дворяне, которые были несколько богаче других и чаще других упоминали среди объектов дарения сеньории, может показаться, мягко говоря, излишне тривиальным. Но это если забыть о нашей изначальной посылке. Ведь мы реконструируем общество с “чистого листа” и делаем в этом направлении лишь первый шаг. Мы пока ничего конкретно не можем сказать о том, кто такие эти “дворяне” (то есть “экюйе”, “шевалье”, “бароны”), что подвигнуло их составлять нотариальные дарения студентам и регистрировать их в Шатле. Термин “bourgeois de Paris” мог относиться как к шевалье, чье дворянство уходило в глубь веков, так и к торговцу, продающему вафельные трубочки с лотка. Все представления о социальной иерархии вполне могли бы оказаться конструктами, игрой ума кабинетных ученых. Но, как мы убедились, на статистическом уровне уже при первом приближении, при анализе “валовых” показателей, проявлялись именно те тенденции, к которым мы были заранее готовы. Дворяне оказывались в целом богаче и выглядели более респектабельно, чем буржуа, адвокаты — “респектабельнее” стряпчих, буржуа — явно состоятельнее крестьян.

Таким образом, **случайная по своей природе выборка (во всяком случае-случайная по отношению к проблеме социальной иерархии) демонстрирует определенную иерархическую структурированность социального пространства.** Если вспомнить содержание первой главы, то можно заключить, что на общем фоне современной историографии эта банальность звучит достаточно свежо. Поскольку в гуманитарном знании уже прочно утвердился медийный принцип: “если собака кусает полицейского — это не новость, новость — это, когда полицейский кусает собаку”, то чрезвычайно важно, что в нашем случае укушенным оказывается именно полицейский: социальная иерархия скорее существует, чем отсутствует, и некогда банальный вывод звучит теперь скорее новостью, чем трюизмом.

И все-таки “валовые показатели” свидетельствуют иногда и не в пользу формального выделения категорий. Так, ясно, что категория “торговцев” распадается на парижскую и провинциальную группы, и сходства между ними меньше, чем различий. Из *таблицы № 16*, видно, что у них нет ни одного общего индекса. Как отмечалось, ряд признаков не поддается линейному истолкованию, хотя некоторая закономерность в их распределении угадывается.

Определенные флуктуации зависят, например, от места жительства дарителя. Все это побуждает нас предпринять следующий шаг в реконструкции французского общества: перейти к качественному анализу дарений, чтобы посмотреть реальное наполнение сконструированных нами категорий. Для этого придется прибегнуть к ручной переборке актов.

Раздел второй: Категории дарителей

§1. Категории 1 и 2. Дворяне и сеньоры.

Кто входил в категорию “дворян”.— Социальные связи. — Дворяне как рантье и кредиторы. — Побудительные мотивы дарений. — Обладала ли спецификой вторая категория? — Социальное лидерство и симптомы возможного неблагополучия.

65 дарителей указали в актах на свое дворянское достоинство, еще 25 назвались сеньорами. Большинство из дворян обладали низшим дворянским званием — “экюйе”. 14 человек относятся к более высоким слоям дворянства: 5 шевалье, 4 барона, 4 шевалье-барона, графиня. Еще две дарительницы именуется “дамами”, что позволяет говорить об их принадлежности к дворянству. Кстати, женщины в этой группе проявляют несколько большую, чем в других группах, активность. Они не только фигурируют в актах совместно с мужьями или в качестве вдов, но в трех случаях действуют и самостоятельно. Об одной из них — Мари Гримон известно, что она “разъехавшаяся жена”, *femme separée* (то есть ее имущество юридически оделено от власти мужа и она действует по своей воле).

Как мы уже знаем, целый набор признаков указывает на благоприятное положение дворян. Прежде всего, склонность составлять повторные дарения (*Индекс А*). Но выяснилось, что на статистический подход повлиял казус Луи де Призи, экюйе, адресовавшего девять дарений своему сыну-студенту. Начиная с 30 марта 1540 г., он в течение трех лет перевел на его имя земли, права на взимание оброков зерном и каплунами, сеньориальные права, цензы, ренты, долговые расписки, права на взыскание недоимок со своих сборщиков.

Вторым важным признаком является преобладание дарений по прямой линии — сыновьям и внукам (*индекс С*) и почти полное игнорирование практики составления коллективных актов (*индекс В* отрицательный). Исключение

представляет уже упоминавшееся нами дарение на имя студента Жака Гийара, где среди других дарителей помянут и экуюе Николя де Трео²⁶. Но в силу таких значений индексов С и В мы имеем очень мало сведений о родственниках дарителей этих категорий. Среди них указаны сеньоры, экуюе, бароны и даже рыцарь ордена святого Михаила²⁷, а также ординарный мэтр счетной палаты, советник Парламента, элю (финансовый чиновник элексьена — окружного ведомства по сбору прямых налогов) и адвокат Шатле²⁸. Если судить по родственным связям, явным парвеню среди наших дарителей-дворян, (не считая экстравагантного акта с участием Николя де Трео).

Как мы поняли, дворяне чаще других выступают в актах в качестве владельцев рент (*Индекс E*), они упоминаются почти в половине актов. Ренты эти часто носят натуральный характер, выплачиваются зерном, курами, каплунами, и только в 16-ти случаях есть сведения об их денежном выражении. Амплитуда разброса значений этих рент очень велика: от 8 су до 500 ливров (см. *таблицу № 11*). Самая крупная рента упомянута в акте Жаклин Польмар, жены шевалье Луи Бартона, сеньора де Риварен, подарившей своему племяннику 500 ливров ренты, которую должен был платить Николя д'Анжу, граф Сен-Фаржэ²⁹. Самая мелкая, составляющая всего 8 парижских су, была подарена экуюе Жаном де Тюмери, сеньором де Менилдон, своему внуку³⁰. Солидные ренты приносили дворянам парижские дома — от 18 до 50 ливров.

Реже, чем о рентах, дворяне упоминали о различных долговых расписках и письменных обязательствах (*creances, cedulae, obligations*), чье происхождение свидетельствует о разнообразии форм деятельности дарителей. Упоминаются суммы в 10 ливров и 5 су (остаток платы за лов рыбы в пруду), 30 экую за продажу иноходца, расписка на получение 36 экую с некоего пекаря, а также деньги за поставку 250 фунтов пеньки (*chanvre*). Есть и крупные суммы — парижский экуюе Луи де Буагарнье передавал своему племяннику-студенту 2000 ливров на имя капитана Жана Анго, виконта Дьеппа, а также расписку

---

²⁶ IRI. 4885.

²⁷ IRI. 280, 469, 515, 3218, 3099, 4232.

²⁸ IRI. 1705, 720, 1906, 3260.

²⁹ IRI. 3782.

³⁰ IRI. 1913.

торговца пером (*plumassier*) на сумму 824ливра³¹. Самая крупная сумма упомянута бароном де Курсон, передающим племяннику право получить в общей сложности 5 тысяч ливров, что по решению Парламента должен был выплатить принц Ларош-Сюр-Йонн за поставку шелковой ткани³².

Крупным кредитором может считаться и Гильом де Ламот, сеньор Блеквен-Боссар, проживающей в Боссаре со своей женой Анной де Монморанси. Они передают своему племяннику Франсуа де Монморанси “студенту и экюе”³³ лошадь, право на получение 80 ливров за аренду земли и сеньории и крупную сумму в 600 экю, которую надлежит взыскать с наследников Жака де Бюеля, графа Сансерра, по поводу чего в суде бальяжа Турени ведется тяжба еще с 1518 года. Дарительница приходилась двоюродной племянницей коннетаблю Анн де Монморанси³⁴. Обратим внимание на время составления актов — 1541–1542 гг., именно в это время коннетабль попал в опалу³⁵.

Как мы уже поняли из *таблиц № 13–14*, дворяне и сеньоры совсем не упоминали в своих актах об огородах, довольно редко — о лугах и виноградниках, но часто передавали фермы и метерии (то есть комплексы земель, сдаваемых в аренду исполу)³⁶. И, что неудивительно, эти дарители чаще прочих упоминали сеньориальные права и иные “престижные” объекты дарения — мельницы, рыбные пруды, лес. Так, Иолана де Ленферан, вдова Жана д’Аретона, сеньора Дюмениль и Сакле, передает племяннику-студенту права на цензиву, на “*lodes et ventes*” (то есть регулярные сеньориальные платежи и сборы за отчуждение недвижимости) и на взимание штрафов с земель и

---

³¹ IRI. 1181.

³² IRI. 4232.

³³ Упоминание дворянского “титула” применительно к студенту — достаточно редкий случай в нашем корпусе дарений. IRI, 2027,2028

³⁴ Дарительница — дочь Роллана Монморанси и Луизы д’Оржемон, студент — сын старшего брата Анны, Пьера Монморанси маркиза де Тюри. *Europäische Stammtafeln*. Bd. 3. Marburg, 1964. Taf. 119.

³⁵ *Knecht R. J. Renaissance Warrior and Patron The Reign of Francis I. Cambridge, 1994. P 395.*

³⁶ *Люблинская А. Д. Французские крестьяне в XVI–XVIII вв. Л., 1978. С. 111.*

сеньорий де Виллер, Сакле и Дюмениль, а также ренты зерном и пшеницей с земель в “Адовом логоу” (vallée d’enfer) и другие ренты пшеницей и овсом³⁷.

Как видно из этого акта, дарения сеньоров типологически не отличались от актов дворян. Ясно, что среди тех 25 сеньоров, из которых и состоит вторая категория дарителей, есть дворяне — экюйе и шевалье, просто не упомянувшие об этих своих социальных качествах (так, например, Луи де Призи в трех из девяти своих дарений фигурирует лишь как “сеньор”).

И все же категория “сеньоров” в целом уступает “дворянам”. Все “индексы престижности” нарастают при движении от сеньоров к экюйе, а от них — к шевалье и баронам.

В целом же акты дворян и сеньоров подтверждают мнение современников и историков о социальном приоритете дворян³⁸. По мнению Жака Верже, специалиста по университетской истории, роль дворян в университетах была гораздо большей, чем их численное представительство среди студентов³⁹. Действительно, даже из нашей выборки явствует, что студенты из дворян были единственными, кто мог сохранять черты своего наследственного статуса и, порой, продолжать именоваться “экюйе”. Достаточно ли у нас данных, чтобы закрепить за дарителями наших первых двух категорий место на вершине иерархической лестницы в анализируемом корпусе дарителей?

Тогда какие соображения заставили целую дюжину дворян и трех сеньоров отчуждать часть своего имущества в пользу студентов, не находящихся с ними в родстве (*таблица № 4*)? К счастью, дарители сами иногда повествуют об этом, вернее – издатели иногда доносят до нас их мотивации.

---

³⁷ IRI. 3929.

³⁸ Недаром Клод де Сейсель в начале XVI в. писал, что лучшим доказательством превосходства дворян являются мечты остальных сословий о приобретении дворянства: *Seyssele Cl. De la monarchie de France / Ed. par. J. Poujol. Paris, 1961. P. 124.*

³⁹ *Verger J. Noblesse et savoir: Etudiants nobles aux universités d’Avignon, Chaors, Montpellier et Toulouse // Le noblesse au Moyen vge. Paris, 1976.*

Две благородные вдовы одаривают студентов-медиков, причем одна из них, графиня Франсуаза де Лонгви, вдова адмирала Шабо⁴⁰ указывает, что вознаграждает таким образом медика Ле Вигорё за услуги, оказанные ей и ее ближним в силу его занятий и положения (*de son estat et vocation*). Услуги юридического характера оплачивались чаще, сопровождаясь типовой формулой: “за услуги и хлопоты по ведению процессов в Парламенте, Шатле и в других местах”⁴¹. Причем, в пользу постороннего студента могла отчуждаться часть того имущества, вокруг которого и велась многолетняя тяжба⁴². Ясно, что дарителями двигала не благотворительность, а стремление использовать то ли профессиональные знания студентов, то ли их судебные привилегии. Последнее — более вероятно, поскольку дарений всевозможных спорных прав и прав на ведение судебных процессов много и в дарениях, адресованных родным детям и племянникам дворян. В одних случаях об этом говорится прямо⁴³, в других возможность возбуждения иска подразумевается: сплошь и рядом упоминаются недоимки по рентам и долги, которые трудно востребовать. Видимо, простому экуйе было трудно получить 2 тысячи ливров с могущественного виконта Дьеппа, а родственники опального коннетабля также прибегают в трудную минуту к этому оружию, отсудив крупную сумму в 600 эку. Но и мелкие и мельчайшие ренты и цензы (традиционные феодальные платежи) также упоминаются в контексте возможных судебных исков по недоимкам⁴⁴.

Собственно, картина “дворянского благополучия”, представленная в таблицах предыдущей главы, основывается на таких достаточно спорных дарениях.

В дарениях дворян посторонним студентам можно увидеть и то, как их имущество уходит в чужие руки. Луи де Шассонаж, барон д’Юнсак задолжал 1276 ливров лионскому купцу. Шевалье Фелибер, барон де Шассонаж, и де

---

⁴⁰ Адмирал был главным противником коннетабля Монморанси, претерпел опалу, был реабилитирован, но через неделю умер и был похоронен с величайшей помпой.

⁴¹ IRI. 1421, 1697.

⁴² см., например, IRI. 1728.

⁴³ IRI. 2025, 2253, 4232.

⁴⁴ IRI. 1913, 2662, 2691, 2692, 3324, 4122, 4591, 4594.

Монтелье (судя по всему, брат должника) уплатил кредитору требуемую сумму. Но расписку Луи де Шассонажа он дарит некоему студенту Огюстену Дюгро, как бы в погашение своих собственных обязательств (*qui leur reclamait le montant de deux cedules*) на суммы в 800 и 500 ливров⁴⁵. Таким образом, барон де Шассонаж и рассчитался со своими долгами, и спас родственника от разорения, при этом он избегает неприятной перспективы взыскивать с него деньги по суду, уступив это право постороннему студенту. В данном случае одним из кредиторов выступает купец-ротюрье, а социального происхождения студента Дюгро мы не знаем. Но в других актах есть и более точные указания.⁴⁶ В 1542 году Франсуа де Лалуэтту, студенту Парижского университета, передал расписку на 30 ливров отец — прокурор Парижского Шатле. Через шесть лет Франсуа де Лалуэтт, уже именованный студентом “университета Тулузы и Кагора”, получает от экуюе Элие де Виледье из Перигора права на наследство тещи и тестя в обмен на 120 золотых эку, из которых 50 выплачены сразу⁴⁷. Так университет совершенно неожиданно предстает в качестве одного из каналов широко известного процесса перехода дворянских земель в руки горожан.

Возможно, положение дворянства во Франции в целом было блестящим, но те из дворян, кто составлял дарения студентам, были не самой преуспевающей его частью. Но ведь образованность, да еще образованность университетская не входила в этос дворянина. Конечно, занятие науками не влекло за собой потерю дворянского статуса: “Быть доктором или учителем — ясно, что это не противоречит дворянскому состоянию”, говорилось в судебных бумагах одного бургундского дворянина⁴⁸. Но ощущение дискомфорта, необычности ситуации не покидали ученых дворян; ведь говорят, что маршал Бирон тщательно скрывал свое знание греческого.

---

⁴⁵ IRI. 3686.

⁴⁶ Так, экуюе Пьер де Брод дарит студенту Гильому Бержо, сыну парижского золотых дел мастера Адриана Бержо “за добрые и любезные услуги, оказанные Адрианом”, виноградники близ Шарентона, которые были присуждены Пьеру де Борду постановлением Парламента в результате судебного процесса против его золовки IRI. 1728.

⁴⁷ IRI. 637, 3255.

⁴⁸ *Carron V.-T. La noblesse dans le duché de Bourgogne. Lille, 1987.*

§2. Категория 3. Священники.

Специфика группы, ее внутренняя иерархия и принципы агрегирования. — Провинциалы: “низшие” и “высшие”. — Семья нотаблей из Санлиса. — Церковные доходы как объекты дарения. — Парижане. — Казус каноника Муассана. — Двойственный облик “низшего” парижского духовенства.

В дарениях, адресованных студентам, часто дарителями выступают клирики сами являющиеся членами университетской корпорации: в своих актах они улаживают имущественные дела со студентами, принципалами и докторами коллежей. В предыдущем параграфе, оговаривалось, что такие акты остаются “за бортом” нашего исследования. Без них группа дарителей, обладавших духовным саном, останется весьма скромной - 48 человек.

Как уже отмечалось, эта категория заведомо иерархична — ее члены находились на разных ступенях церковной иерархии. Но незначительное число актов не позволяет выделить особенности каждой из этих мелких групп. При этом священники-дарители в целом обладают общими специфическими чертами, заметными уже в первом приближении. Если данные о коллежах, к которым принадлежат студенты, о наличии у них степеней или духовного сана приводятся в среднем каждым десятым дарителем, то у священников они встречаются вдвое чаще. Создается впечатление, что клирики лучше других осведомлены о внутриуниверситетских градациях. К тому же все они были celibатариями и, естественно, не могли составлять дарений по прямой линии.

Впрочем, различий в рамках этой небольшой категории можно найти больше чем сходства. Если кроме места в церковной иерархии искать иные формальные признаки, позволяющие объединить священников в более крупные группы, то таким критерием может служить их проживание в Париже. При этом многие “парижане” (*demeurant a Paris*) на самом деле владели бенефициями провинциальных каноников или кюре. Что касается “провинциалов”, то они вполне органично разделяются на “низших” и “высших”. Понятно, что “высшими” последних можно назвать лишь в масштабах нашего корпуса — ни епископов, ни кардиналов в дарениях студентам не обнаружено.

Среди провинциалов к “низшему” слою я отнес десять человек обозначенных лишь как священники (*prestre*), без каких-либо уточнений, а также два капеллана и викарий. Ни один из этих людей не составлял повторных дарений.

Трое передают имущество посторонним студентам. Трое принимают участие в составлении коллективных дарений. Упоминания о родственниках демонстрируют невысокий уровень социальных связей дарителей этой группы. Среди них — парижские и провинциальные ремесленники, торговцы и лишь один из священников говорит о дяде — принципале одного из парижских коллежей (должность хлопотная, но сама по себе не слишком престижная).

В трех случаях речь идет о передаче прав на наследство без дальнейшей спецификации⁴⁹, что, как мы поняли, является критерием “приниженности” группы (*индекс G*). Показательно также отсутствие каких-либо указаний на ренты, из объектов дарения упомянуты в основном участки земли. Так, например, Мартен Болери, священник из Маконского диоцеза, дарит студенту два участка земли, по-хозяйски обстоятельно разъясняя, что один из них уже засеян, а другой вспахан и подготовлен к севу⁵⁰.

К “высшему” слою провинциальных священников относятся семь каноников (один из которых также является архидьяконом, а другой — приором) и три приора, не без сомнения я отнес сюда кантора Орлеанского собора и трех кюре. Первоначально церковный певчий и сельские кюре включены были мной в “низшую” группу, однако анализ их дарственных убедил меня в том, что они выделяются из этого слоя.

Сразу же можно отметить, что этих священников от предыдущей группы отличают такие признаки, как наличие повторных актов (14 дарителей составили 18 актов) и отсутствие коллективных дарений. Вспомним также данные Таблицы № 4 (столбцы Ша и Шб): в этой группе 9 дарений адресованы племянникам по мужской линии и только 3 — по женской.

Круг упомянутых родственников оказывается достаточно престижным: канцлер герцогства Бурбонэ (отец шартрского каноника), советник Парижского парламента (брат каноника из Клермона), сеньор (отец каноника из Санса). Об Адаме Пуле, канонике коллегиальной церкви Сен-Риоль в Санлисе, мы осведомлены более подробно благодаря исследованию Бернара Гэне⁵¹. Отец

---

⁴⁹ IRI. 651, 2754, 2960.

⁵⁰ IRI. 3421.

⁵¹ *Guenie B. Tribunaux et gens de justice dans le bailliage de Senlis a la fin du Moyen vge. Strasbourg, 1963. P. 191.*

каноника, Туссен Пуле богатым купцом-бакалейщиком, был влиятельным человеком в Санлисе. Адам Пуле учился в 1504 году в парижском коллеже Сен-Барб, тогда ему было 20 лет (и он, по-видимому, был старшим сыном в семье). В 1539 году в инвентаре регистров отмечается его дарение ренты племяннику — студенту Жану Пуле, а в 1545 году он составляет дарственный акт “взамен утерянного в 1543 г.” на имя другого племянника — Клода Пуле. Как выясняется из других актов, отец Клода — парижский буржуа-суконщик⁵². По всей видимости, к этому же клану принадлежит и хранитель королевских соляных амбаров из Сезанна Абзалон Пуле, одаривавший своего сына-студента Николя Пуле совместно со своим свояком, муниципальным финансовым служащим из Сезана⁵³. Семья выходцев из Санлиса имеет хорошие шансы на успех: прочное положение, давно захваченное на провинциальном уровне, проникновение в среду привилегированных парижских буржуа (а суконщики, как известно, возглавляли иерархию “шести корпораций”), устойчивые связи с миром церкви — все это давало второму поколению обладателей университетской степени из семьи Пуле почти гарантированную возможность занять относительно престижные церковные или королевские должности.

Священники из этой группы используют привилегии университета используют для подкрепления уже завоеванных в церкви позиций, облегчая своей семье получение доходов с принадлежащих им церковных должностей. Так, кюре Леон Ле Сирье передает в дар племяннику — студенту Орлеанского университета, являвшемуся одновременно и казначеем собора в Нуайоне, права на наследство некоего Доменика Ле Сирье, казначея и каноника Нуайона. Причем среди объектов дарения названы и доходы с казначейской должности⁵⁴. Один из приоров⁵⁵ также передает остаток доходов с приората своему племяннику-студенту⁵⁶.

---

⁵² IRI. 11–12, 413, 662, 1564.

⁵³ IRI. 640–643, 859.

⁵⁴ IRI. 1217.

⁵⁵ IRI. 1747.

⁵⁶ Можно привести еще один пример, уже из числа внутриуниверситетских актов: декан коллегиальной церкви, бывший ранее принципалом Бургундского коллежа в университете, передает племяннику, сменившему его на посту

Дарители этой группы упоминают о рентах, однако их размеры не уточняются. Сумма расписок составляет в среднем 70 ливров, что может соответствовать размерам расписок сельских экуйе и сеньоров. Из объектов дарения недвижимости священники этой группы помимо упоминаний о передаче “земель”, называют сеньории⁵⁷ и мельницу (*Индекс Н*).

Таким образом, “высший слой” провинциального духовенства — рантье и кредиторы, владельцы сеньорий, одаривавшие по преимуществу сыновей своих братьев. “Низший” слой склонен к составлению коллективных дарений, к передаче неразделенных прав на наследство, демонстрирует невысокий уровень социальных связей. Существенного преобладания дарений племянникам по мужской линии здесь не прослеживается.

Сохраняется ли это противопоставление двух групп у парижских священников?

22 священника, отмеченных, как проживающие в Париже, зарегистрировали 25 актов. Среди них: приор провинциального монастыря (*prieur commendataire*), три каноника провинциальных соборов, трое парижан, владевших должностями кюре провинциальных церквей, капеллан, викарий, семь священников (без уточнения статуса), и семь священников, прикрепленных к парижским церквям (например, *prêtre, habitué en l'Église de Saint-Pierre-aux-Beufs en la Cité*). Их дарения адресованы девяти племянникам по мужской линии и шести по женской, двум кузенам, крестнику и трем посторонним студентам. Из всех парижан к “высшему” слою данной категории можно отнести лишь каноников и приора. Один из них передает имущество кузену, прочие — племянникам по мужской линии. Они демонстрируют сравнительно высокий уровень социальных связей: шурином приору приходится сеньор, канонику амьенского собора — парижский купец-буржуа, такой же статус имел и отец другого каноника.

Дарения каноника Франсуа Муассана могут иллюстрировать уже наблюдавшуюся практику использования университетских привилегий на благо семьи в борьбе как за светские, так и за церковные доходы. В 1545 г. Франсуа

принципала право на взыскание долгов на сумму 2.722 ливра 2 су 6 денье, образованную из задолженностей пансионеров коллежа (IRI. 901).

⁵⁷ IRI. 310,1439,4240.

Муассан, каноник Клермона, что в Оверни, обучавшийся в Парижском университете, получает дарение от другого студента-священника Мишеля Фавье. Последний “дарит” Муассану половину своих прав на наследство своего дяди — скототорговца и парижского буржуа. Муассан обязуется взять на себя все судебные расходы по тяжбе, введущейся в Шатле по поводу этого наследства. В следующем году тот же клермонский каноник, Франсуа Муассан, проживающий в парижском коллеже д’Отен, дарит натуральные ренты с земель, расположенных близ г. Ганна, своему племяннику Пьеру Грану, прозываемому Муассан, студенту университета. В 1551 году все тот же Франсуа Муассан, названный на сей раз капелланом Клермона, дарит другому своему племяннику-студенту Антуану Леграну, “прозываемому Муассан”, ренту в 25 ливров на дом в Ганна, с тем, чтобы тот “мог бы лучше содержать себя в учении и достичь духовного сана (*parvenir a promotion de prestrise*)”⁵⁸.

Неустоявшаяся форма патронима Легран-Муассан указывает на сравнительно недавнее приобретение Легранами сеньории Муассан. Эта гипотеза придает им черты энергичных ротюрье, скупающих дворянские земли и активно продвигающих своих родственников на церковные должности.

Кроме того каноники и приор, проживающие в Париже, упоминают и различные сеньориальные права, и долговую расписку на 700 ливров, подписанную сестрой дарителя-каноника⁵⁹. Таким образом, они вполне соответствуют “высшему” слою провинциальных священников.

Что же касается остальных священников, обитавших в Париже, то уровень их социальных связей оказывается еще скромнее, чем у “низших” провинциальных священников. Викарий составляет совместное дарение со своими родственниками-крестьянами⁶⁰. Родственниками Жилья де Бордо, священника при соборе Нотр-Дам, были виноградарь из окрестностей Понтуаза, бондарь из Сен-При и еще некий Жиль де Бордо, живущий в одном из парижских домов призрения (*depensier en l’hftel du Saint-Esprit de Paris*)⁶¹. Крестьянином был и

---

⁵⁸ IRI. 1801, 1731, 4767.

⁵⁹ IRI. 4693.

⁶⁰ IRI. 855.

⁶¹ IRI. 481.

отец проживавшего в Париже кюре из Трамблея. Последний передал племяннику по женской линии неразделенные права на наследство⁶².

Однако объекты дарения парижских священников отличают их от “низших” провинциалов. Один из парижан указывает долговое обязательство на 130 ливров, подписанное каноником⁶³. Капеллан передает расписку на 200 ливров⁶⁴, в шести случаях упоминаются ренты. Половина из дарителей передает дома в Париже или в провинции. А священник, проживающий при церкви Сент-Оноре, дарит внучатому племяннику право на мельницу и луг⁶⁵.

Итак, акты парижского “низшего” духовенства совмещают признаки приниженого статуса с довольно престижными объектами дарения. И если среди провинциалов низший слой уступает по численности высшему, то в Париже соотношение обратное. “Высшие” слои парижан и провинциалов соответствуют друг другу, но о “низших” слоях духовенства этого сказать нельзя. Эту тенденцию следует проверить на материале других категорий. Отметим, что и “высшие” слои духовенства являются таковыми лишь по отношению к остальной массе дарителей: очевидно, что высокопоставленное духовенство, как, впрочем, и настоящие аристократы, в дарениях студентам не представлены. Справедливо ли это утверждение еще для одной группы, которую можно назвать элитарной — для офисье?

§ 3. Категория 4. “Люди знания”. Офисье и судейские.

Предварительные рассуждения о принципах агрегирования групп.

До сих пор выделение категорий не вызывало особых сомнений. У нас были термины, указывающие на определенное социальное качество. С “чиновниками” сложнее: пришлось прибегнуть к профессиональному критерию, объединяя всех дарителей, занятых в судопроизводстве и управлении. Впрочем, современники прекрасно осознавали общность этих людей. Для доказательства можно привлечь труды юристов, многочисленные литературные памятники — от Рабле до Монтеня. Но все это – внеисточниковое знание. В нотариальных

---

⁶² IRI. 2333.

⁶³ IRI. 4288.

⁶⁴ IRI. 3306.

⁶⁵ IRI. 128.

актах имена людей, отнесенных мной к этой категории, сопровождалась четырьмя модификациями “почетных эпитетов” (titres d’honneur): “благородный человек, мудрый мэтр” (noble homme et sage maistre), “благородный человек, мэтр” (noble homme maistre), “почтенный человек, мэтр” (honorabile homme maistre). Таким образом, общим можно считать наличие определенного “величания” (в следующих категориях оно будет уже необязательным) и употребление термина “мэтр” (магистр), подчеркивающее образованность и искусственность в своем деле⁶⁶.

Пока мы ограничимся гипотезой, что между дарениями президента Счетной палаты и скромного провинциального писаря существует некое единство. Надо проверить эту гипотезу эмпирическим материалом, и быть готовым к тому, что четвертая категория может распасться на мелкие группы, не имеющие между собой ничего общего.

В работе над актами дарителей этой категории угнетает избыточная множественность подразделений: ведь основным критерием служит указание на должностной или профессиональный статус. Но получаемые подгруппы зачастую столь малы, что сопоставление их лишается смысла. Невозможно и распределить их по иерархическому принципу — “Табеля о рангах” еще не изобрели. Как же выделять группы и подгруппы?

Прежде всего, как и в случае с духовенством, этих дарителей можно разделить на парижан и “провинциалов”. Последних, хотя и значительно меньше, чем парижан, но все же достаточно для анализа.

А. ПАРИЖАНЕ

Степень как социальный водораздел. — Офисье. — Адвокаты; Шарль Гюедон, адвокат-откупщик. — Нотариусы. - Прокуроры Парламента; Загадка Жанны Алегран. — Прокуроры Шатле. — Стряпчие; Жан Месмен и его земляки. — Сержанты Шатле; заключенный Пуссепен. — Вспомогательный персонал. — Лиценциаты, финансовые и городские чиновники.

---

⁶⁶ Напомню еще раз, что авторы публикации, к сожалению, опустили сведения об этих “почетных эпитетах”, лишив возможности использовать их в нашей классификационной деятельности.

Среди парижан (161 даритель), как нетрудно догадаться, можно выделить “высший” и “низшие” слои. Поскольку мы имеем дело с одариванием студентов, логично исходить из отношения дарителей к университетской степени. Ряд должностей и занятий не требовал обязательного обладания этими степенями: нотариусы, прокуроры, судебные приставы, сержанты и др. Конечно, и среди таких дарителей были те, кто с гордостью именовался бакалавром или магистром искусств. Однако по давно установившейся традиции, подтвержденной королевским эдиктом в Мулене 1544 г., не только президентом или советником судебной курии, но и адвокатом мог стать лишь обладатель университетской степени. Это относилось к президентам и советникам судебных курий и адвокатам. Косвенным доказательством формальной необходимости университетского образования может служить усиление внимания парламентов к борьбе с практикой “торговли степенями” начиная с 30-х годов XVI в. Этот бич французских университетов омрачал их историю на протяжении всего Старого порядка: образовательный ценз при покупке престижных должностей рождал спрос на фиктивные дипломы.

Таким образом, если для одних университетское образование служило целям социального воспроизводства — новоиспеченный лицензиат начинал карьеру с позиций, хорошо подготовленных предшествующим поколением, и программой-минимум для него было сохранение достигнутого статуса, то для других степень, полученная сыном или племянником, означала изменение положения семьи, прорыв к новым возможностям.

Избранная “образовательная” линия водораздела, как оказалось, совпадает с другим важным признаком: все должности, расположенные ниже ее, были тупиковыми. Как показало просопографическое исследование Бернара Килье, ни один нотариус, например, не сменил своего статуса на какой-нибудь иной, более высокий, и только его сын мог стать адвокатом. Напротив, адвокаты, не говоря уже о советниках суверенных курий, имели неплохие перспективы продвижения по службе⁶⁷.

---

⁶⁷ *Quilliet B.* Les corps d’officiers de la prévôté et vicomté de Paris et de l’Ile-de-France. Lille, 1982. И здесь были исключения: почему-то тупиковой, например, была должность мэтра счетов.

Разумеется, от детей адвокатов и магистратов получение университетской степени также требовало немалых усилий и издержек. К тому же, сам факт ее обретения еще не гарантировал ни вступления в должность, ни даже обладания знаниями и умениями, необходимыми для ее отправления. Мы вернемся к этой проблеме в следующих главах.

В “высшей” группе можно в свою очередь выделить владельцев должностей - офисье и адвокатов, не обладавших должностями и, следовательно, получающих не королевское жалование, но гонорары с клиентов.

16 **офисье**, владели разными должностями: президент Счетной палаты⁶⁸, докладчик Палаты прошений королевского Дворца (*maotre de requetes de l'Nftel du roi*⁶⁹), генерал финансов и советник короля (*гйпйгал des finances et conseiller du roi*⁷⁰), генерал Палаты косвенных сборов (*гйпйгал de Chambre des aides*⁷¹), мэтр-казначей Дворца королевы (*maotre du chambre aux Denier de la reyne*), жена советника Большого королевского совета⁷², ординарный мэтр счетов⁷³, советник короля, генерал монет⁷⁴, контролер экстраординарных военных расходов⁷⁵, королевский нотариус-секретарь⁷⁶. Парижский Парламент представлен актами

---

⁶⁸ IRI. 300, 3062.

⁶⁹ IRI. 1659.

⁷⁰ IRI. 970.

⁷¹ IRI. 1313.

⁷² IRI. 2750.

⁷³ IRI. 808.

⁷⁴ IRI. 950.

⁷⁵ IRI. 4879.

⁷⁶ IRI. 87-88. Собственно, речь идет о двух должностных лицах: в первом акте, датированном еще 1535 г. Жан Лепикар-старший, священник и королевский нотариус-секретарь, дарит имущество бакалавру Жану Лепикару, студенту Орлеанского университета. В акте 1539 г. содержится подтверждение этого дарения, но стороны именуются уже так: “Жан Лепикар, каноник церкви Сен-Бенуа в Париже”, и “Жан Лепикар-младший, королевский нотариус-секретарь”. Должность королевского нотариуса-секретаря давала дворянство, но считалась “стартовой”, служившей обычно лишь начальным этапом в карьере (см.: *Michaud H. La Grande Chancellerie et les йcritures royales au 16 siacle. Paris, 1962*).

президента апелляционной Палаты и двух советников. Парижский Шатле — актами двух советников и вдовы аудитора.

Доля дарений, адресованных по прямой линии, составляет в этой подгруппе свыше двух третей от общего числа (11 актов). Лишь вдова аудитора Шатле адресует свой акт “постороннему” студенту — бакалавру теологии. Среди актов “офисье” отсутствуют как коллективные дарения, так и случаи передачи неразделенных прав на наследство. Поэтому мы почти ничего и не можем сказать о социальных связях этих дарителей.

Семеро указывают среди объектов дарения ренты, средний размер которых весьма значителен — 56 ливров. Специфической чертой этой подгруппы является обладание муниципальными рентами (*rentes sur l'Hotel de ville*), облигациями королевского займа, платежи по которому гарантировались парижским муниципалитетом⁷⁷. Самая крупная из таких рент принадлежит Жану де Гуа, президенту Палаты расследований Парламента: он передает студентам Исааку и Жану де Гуа муниципальную ренту в 331 ливр 9 су 2 денье, а также ренту в 50 ливров на имущество некоего купца⁷⁸.

В остальном эта подгруппа сопоставима с категорией дворян. Размер средней ренты немного превышает дворянский уровень (как раз за счет крупных муниципальных рент), у тех и у других схожее соотношение упоминаний о рентах и о долговых расписках (правда, у офисье лишь в одном случае известна точная сумма такого обязательства — 39 золотых экю)⁷⁹. Упоминание в

В данном случае мы видим, что должность остается в семье и переходит от дяди к племяннику.

⁷⁷ Сама идея распространения муниципальных рент была порождена острой нехваткой денег для продолжения Итальянских войн. Королевское правительство, стремясь распространить эти ренты, рассчитывало в первую очередь на лояльность королевских чиновников, применяя к ним нечто вроде знакомых отечественному читателю “добровольно-принудительных” методов. См.: *Schnapper B.* Op. cit. P. 160.

⁷⁸ IRI. 3295.

⁷⁹ Это дарение королевского советника и генерала монет Габриеля Шико расписано весьма детально: он передает студенту расписку на 39 золотых экю, которые ему должен некий Антуан Дестреж, из коих 2,5 экю были

дарениях фьефов, сеньорий и сеньориальной усадьбы (manoire) сближает офисье с дворянами, но чиновники передают также и мелкие виноградники в окрестностях Парижа.

Мотивируя свои акты, офисье большее внимание уделяли условиям дарений. Так, Жан де Гуа, даровавший помимо рент, движимого и недвижимого имущества еще и “свои книги из библиотеки и кабинета (“estude”; кстати, он единственный из всего корпуса дарителей, кто упомянул книги как объект дарения), вменяет студентам в обязанность выплачивать пожизненную пенсию монахине Жаклин де Гуа. Президент Счетной палаты Жан Бриссоне дарует 30 ливров муниципальной ренты своему крестнику и слуге Жану Беле, магистру искусств парижского университета с пожеланием достичь “священных духовных чинов” и с условием, что после смерти крестника рента должна будет отойти в сиротский приют Божьих детей на вечный помин души президента⁸⁰.

При изучении дарений дворян, сеньоров и священников могло возникнуть подозрение, что, несмотря на “индексы престижности” сама по себе регистрация таких актов может свидетельствовать о неких затруднениях. Во всяком случае, обнаружить среди дарителей представителей высшего духовенства не удалось, да и благородные дарители представлены в основном мелкопоместными экуйе. Но парижских офисье вполне можно причислить к социальной элите, и при этом при чтении указанных актов остается ощущение их уверенности в себе и социального преуспевания.

Парижские адвокаты составляют довольно большую подгруппу (26 **адвокатов Парламента**, зарегистрировавших 35 актов и 6 **адвокатов Шатле**, зарегистрировавших 10 актов). Это не удивительно, ведь число адвокатов Парижского Парламента к началу Религиозных войн доходило до четырех сотен⁸¹. Адвокатский стаж был необходим для большинства должностей в

авансированы Дестержу в Лионе и 3 эку составили расходы на содержание лошади в течение 30 дней из расчета 4 су 6 денье в день. Таким образом, мы даже курс эку можем рассчитать по нашему источнику: в 1543 г. он составлял 2 ливра 5 су (IRI, 950).

⁸⁰ IRI. 3000, 3062.

⁸¹ Когда в связи с началом Религиозных войн от адвокатов Парламента потребовали принесения присяги на верность католическому Символу веры, то

системе юстиции, поэтому среди адвокатов были как те, кто лишь выжидал случая приобрести должность, так и те, для кого адвокатская практика была главным занятием на протяжении всей жизни. По мнению Б. Килье, за вычетом “стажеров”, оставшихся адвокатами не более трех лет, начиная с середины XVI в. адвокатура приобретала все более тупиковый характер с точки зрения дальнейшей карьеры⁸². Поскольку большая часть адвокатов адресует дарения своим детям-студентам, то очевидно, что в нашем корпусе представлен именно этот тип “вечных” адвокатов. Однако на основании наших данных говорить о принижении адвокатов по сравнению с офисье не приходится. Подгруппа адвокатов Парламента обладает полным набором “индексов престижности”, указанных в *таблице № 16*.

Более половины из них (17 человек) упоминают в дарениях ренты, чья средняя величина составляет 11,5 ливров, что соответствует “дворянскому” уровню⁸³. Долговые расписки упоминают лишь трое (на суммы в 18 ливров 15 су, 50 ливров и 60 золотых экю). Девять адвокатов дарят различные сеньориальные права, добиваются уплаты феодальных сборов и штрафов. Среди объектов недвижимости кроме фьефов и сеньорий встречаются метерия⁸⁴, ферма⁸⁵, участки леса⁸⁶.

---

10 июня 1562 г. к присяге были приведены 367 адвокатов, но очевидно, что в парламентских матрикулах их было записано еще больше: помимо не явившихся адвокатов-протестантов, многие не пришли по болезни или отсутствовали в тот момент в городе (AN, X 1A 1602 f. 382).

⁸² *Quilliet B.* Op. cit. P. 510–520.

⁸³ Средняя величина ренты могла бы быть существенно большей, поскольку адвокат Шатле Жан Леместайе упоминал ренты на общую сумму в 300 ливров. Но это крайнее значение я решил не учитывать, поскольку оно даст искаженную картину. К тому же весьма похоже, что и в этом случае мы имеем дело не столько с дарением студенту, сколько с предварительным разделом прав на наследство между детьми, одним из которых был студент университета.

⁸⁴ IRI. 1804.

⁸⁵ IRI. 516.

⁸⁶ IRI. 516, 1165.

Отсутствуют коллективные дарения, передача неразделенных прав на наследство. 22 человека (69%) передают имущество по прямой линии, причем делают это неоднократно.

Адвокаты демонстрируют сравнительно высокий социальный уровень родственных связей. Дарители упоминают о своих братьях: казначее, королевском советнике, советнике Парламента, занимавшем также пост канцлера Парижского университета, королевском прокуроре, бальи города Мелена, сеньоре. Но упоминаемые представители старшего поколения, а также родственники жен адвокатов занимают более низкую социальную ступень. Дядя — прокурор Парламента⁸⁷, отец — купец из города Невера⁸⁸, свояк — парижский суконщик-“драпье”⁸⁹, тесть — прокурор⁹⁰.

Акты парижских адвокатов весьма информативны и зачастую отражают их многоплановую активность. Характерным примером могут служить документы адвоката Шарля Гюедона. В мае 1544 г. он дарит сыну-студенту ренту в 12,5 ливров, в июне — “некоторые суммы, причитающиеся ему по сборам в превостве Понтуаз” (sommes a recouvrir en raison de la recette de la prévôté de Pontoise)⁹¹. В акте от 20 декабря того же года он проясняет происхождение этих сумм, передавая сыну ренту в 4 ливра и долговое обязательство в 50 ливров, подписанное королевским сержантом из Понтуаза, а также все оставшиеся суммы, причитающиеся ему в бальяже Понтуаз в качестве штрафов и судебных постановлений (exploits et amendes)⁹². Таким образом, адвокат совмещает свою практику с откупом судебных сборов, и чтобы обеспечить поступление недостающих сумм, он прибегает к университетским привилегиям сына. В тот же день на имя Жака Гюедона была составлена другая дарственная — его дядя, парижский буржуа и купец-суконщик, Николя Фуко (вероятно, свояк адвоката) передал студенту долговые расписки виконта Аваллона, на 211 и 140 ливров. Видимо, без помощи суда парижского прево получить деньги со столь

---

⁸⁷ IRI. 3807.

⁸⁸ IRI. 4041.

⁸⁹ IRI. 1555.

⁹⁰ IRI. 5016.

⁹¹ IRI. 1365, 1356.

⁹² IRI. 1557.

могущественного должника купец не рассчитывал. Похоже, что университетские привилегии оказались эффективным оружием. Через два года Шарль Гюедон дарит сыну, “чтобы он смог оплатить расходы по своему обучению, сумму в 18 ливров 15 су, которую следовало получить к прошедшему Рождеству за наем половины дома на улице Сент-Антуан” (*rouing fermage esheu au jour de Noel dernier passy*)⁹³. Акт составлен 31 декабря, всего через неделю после истечения срока платежа — адвокат был неуступчивым кредитором. В 1549 г. он именуется уже не только адвокатом, но сеньором Баньоле, переводя на имя сына права на сбор недоимок по цензам и рентам с деревень Баньоле и Шарон, упоминая, что по поводу этих прав ведется тяжба в Парламенте⁹⁴.

Пример Гюедона проясняет, как могло единовременно сосуществовать так много адвокатов Парламента. Помимо гонораров за ведение процессов, источником их дохода становился откуп должностей, не говоря уже об извлечении доходов из обладания городской и сельской недвижимостью. При этом и для адвокатов университетское образование сына было не только средством социального воспроизводства, но и способом снискания определенных юридических привилегий.

Подгруппа **нотариусов Шатле** слишком мала, чтобы говорить об “индексах престижности / приниженности”: 7 нотариусов составили 9 дарений, адресуя их только детям. В одном случае речь о передаче неразделенных прав на наследство тестя, прокурора Шатле. Нотариусы передают землю, виноградники, деревенские дома. Жан де Муши, именуемый также сеньором, упоминает о сеньориальных правах и натуральных платежах, возложенных на жителей и взятых на откуп местными купцами (*coup de grain dus par les habitants et affermy a deux marchands dudict lieu*)⁹⁵. В одном дарении упомянуто долговое обязательство на сумму 4 ливра, в другом — на целых 400 ливров. В последнем случае речь идет об обязательстве выплатить дуэр (вдовью долю) вдовы нотариуса⁹⁶. Но лишь в одном дарении упоминается небольшая рента в 40 су,

---

⁹³ IRI. 2289.

⁹⁴ IRI. 3195.

⁹⁵ IRI. 490.

⁹⁶ IRI. 814

выплачиваемая дарителю провинциальным стряпчим. Это, пожалуй, первое серьезное отличие нотариусов от офицёв и адвокатов, которые дарили ренты не менее, чем в половине всех своих актов⁹⁷.

Прокуроры Парламента (9 человек, составивших 12 актов) адресуют дарения сыновьям в пяти случаях. Сведения о социальных связях практически отсутствуют, лишь в одном случае говорится, что первым мужем вдовы одного из прокуроров был помощник королевского цирюльника⁹⁸.

По числу рент, упомянутых в четырех дарениях, прокуроры Парламента лишь немногим уступают адвокатам. Но речь идет о весьма скромных рентах — 22 парижских су за виноградник и 7 турецких су за огород⁹⁹, 20 и 30 су за дома в Сансе, и лишь однажды речь идет о более солидной ренте в 40 ливров, переданной внуку-студенту вдовой прокурора¹⁰⁰. В половине случаев упоминается недвижимость: земли, луг, виноградники, а в двух дарениях говорится о сеньориях.

Особенно престижным выглядит дарение Жанны Алегран вдовы прокурора Парламента Дени Жирара, дамы де Фонтане Лебри, дю Кудре, Форже и Байоле. Она передает своим племянникам, студенту Клоду и адвокату Гийому Алеграну, права на перечисленные сеньории, ставшие объектом тяжбы между Жанной и ее мачехой¹⁰¹. Впрочем, сеньории в данном случае принадлежали явно не самому покойному прокурору, но его вдове, а точнее его тестю. Кстати, имя матери Жанны Алегран была Мария Дюпра, не имела ли она отношение к знаменитому клану Дюпра, из которого вышли канцлер Жан Дюпра и парижский прево Антуан Дюпра? Возможно, в данном случае мы имеем дело с мезальянсом, с браком, где статус жены был выше статуса мужа.

---

⁹⁷ Напомню еще раз, что это никоим образом не означает, что нотариусы непременно владели меньшим числом рент, чем адвокаты. Наша выборка может свидетельствовать лишь о том, что они оказываются менее склонными указывать ренты в своих дарениях студентам.

⁹⁸ IRI. 2064.

⁹⁹ IRI. 2320.

¹⁰⁰ IRI. 1256.

¹⁰¹ IRI. 3182, 3437.

Итак, в подгруппах нотариусов Шатле и прокуроров Парламента можно отметить некоторое снижение доли рент и их размеров, и уменьшение числа повторных дарений. Но обе подгруппы слишком малы, и поэтому говорить о резком переходе от “высших подгрупп” к “низшим” наши акты не позволяют - образовательный критерий “водораздела” остается условным.

Акты **прокуроров Шатле** дают уже иную картину. 28 дарителей составили 31 акт (к этой подгруппе я причислил и дарение вдовы комиссара парижского Шатле)¹⁰². В 23-х случаях речь идет о дарениях по прямой линии.

Родственные связи демонстрируют тенденцию к “эндогамии” - к заключению браков в своей среде. У вдовы одного из прокуроров оба зятя также были прокурорами¹⁰³, как и два шурина другого прокурора¹⁰⁴, а прокурор Гийом Бюрон был женат на вдове своего коллеги¹⁰⁵. Из других родственников в актах упомянуты парижский купец-буржуа¹⁰⁶ и мясник¹⁰⁷. Одно дарение адресовано прокурором Шатле своему дяде-студенту, а как мы помним из *таблицы № 4* (IV столбец), подобная практика встречается у более “приниженных” групп. Трое передают “неразделенные” права на наследство, а один составляет дарение совместно со своим пасынком-стряпчим. Напомню, что эти признаки определены как индексы приниженности (*B* и *G*), и прежде не встречались в дарениях чиновников.

---

¹⁰² IRI. 1241. К сожалению, мы не располагаем данными о реальном соотношении численности прокуроров Парламента и прокуроров Шатле. Троекратное преобладание последних в нашем корпусе может объясняться тем, что они лучше всех освоили “технику регистрирования” дарений в книгах своего родного суда. Как показывает знакомство с оригиналами книг регистров, “инсинуирование” акта в эти книги поручалось обычно прокурорам Шатле. Прекрасно владея этой практикой, они, возможно, несколько в большей степени, чем все остальные судейские, склонны были решать свои личные проблемы при помощи регистрации дарений в своем суде.

¹⁰³ IRI. 1900.

¹⁰⁴ IRI. 2763, 2951.

¹⁰⁵ IRI. 2982.

¹⁰⁶ IRI. 4727.

¹⁰⁷ IRI. 3043.

Прокуроры Шатле гораздо реже адвокатов говорят в своих актах о рентах: их упоминает лишь четверть дарителей (7 человек), причем средний размер ренты не превышает 5 ливров. Зато довольно часто в актах встречаются долговые расписки, при этом, порой, природа долгового обязательства прояснялась: “расписка на 61 ливр 1 су и 1 денье, подписанная купцом из Пуасси, а также иные суммы, присужденные к взысканию с него парижским Шатле”¹⁰⁸. Происхождение прочих сумм иллюстрирует любопытную сферу деятельности прокуроров. Николя Нивуазен передает права на 90 ливров, которые ему осталась должна вдова шартрского прево за содержание ее сына в доме прокурора с февраля 1546 по март 1548 г., из расчета 30 золотых экю в год¹⁰⁹. Другой прокурор передает сыну-студенту расписку прокурора Счетной палаты Мерри Донона на сумму, оставшуюся от того времени, когда Донон жил в доме дарителя с ноября 1541 по июнь 1543, уплачивая по 12 экю в год¹¹⁰. Вполне возможно, речь шла не только о пансионе, но еще и об обучении.

Почти половина прокуроров упоминает в актах различного рода недвижимость: земли, виноградники, дома в деревне и в одном случае — метерию¹¹¹.

Таким образом, если адвокаты Шатле по своему положению не отличаются от адвокатов Парламента, то прокуроры Шатле уже явно беднее своих парламентских собратьев.

Интересна подгруппа **стряпчих** (“практиков”, “praticiens”), включающая в себя 22 человека. Некоторые из них именуются просто “стряпчими”, другие “стряпчими Парламента”, третьи “стряпчими светской курии”.

Также как и в актах прокуроров Шатле, в дарениях этой подгруппы встречаются коллективные дарения и дарения неразделенных прав на наследство (соответственно в трех и в двух случаях). Дарения детям составляют у стряпчих лишь половину от общего числа, что ниже, чем в тех подгруппах, с которыми мы имели дело. Сведения о социальных связях стряпчих лишь один раз уводят нас за пределы мира судейских: отец одного из дарителей — купец

---

¹⁰⁸ IRI. 2743.

¹⁰⁹ IRI. 2738.

¹¹⁰ IRI. 2539.

¹¹¹ IRI. 2982.

из Вандома¹¹². В остальных случаях речь идет все о том же круге: жены двух “стряпчих Парламента” первым браком были замужем одна за прокурором, другая за стряпчим¹¹³. Отчим стряпчего светской курии был прокурором Шатле¹¹⁴, отец другого стряпчего сам был стряпчим¹¹⁵, двоюродные братья — стряпчий светской курии и стряпчий Парламента передают имущество третьему кузену — студенту, отцом одного из дарителей был прокурор в Лионе¹¹⁶.

Любопытно, что два дарителя этой группы именуют себя “парижскими буржуа”. Офисье, адвокаты и прокуроры, безусловно, обладавшие правами буржуа, не считали нужным упоминать о них. Впервые мы сталкиваемся и с тем, что за короткий отрезок времени дарители меняют место жительства и свои занятия. В 1541 г. один из стряпчих регистрирует дарение как “проживающий в Мо”, а через год уже как парижанин¹¹⁷. Николя Пуссен, “прозываемый Пари”, фигурирует сначала как бакалавр прав и буржуа, затем как стряпчий¹¹⁸. Жак Месмен назван клерком светской курии, а вскоре — стряпчим Дворца правосудия¹¹⁹.

Остановимся на последнем случае более подробно. В 1543 г. Жак Месмен дарит своему брату-студенту Франсуа Месмену права на часть наследственного имущества. В 1545 г. тот же студент получает от своего троюродного брата — стряпчего светской курии в Париже долговое обязательство в 4 эю, подписанное неким приором из Пуату “за расходы и хлопоты понесенные по его делам”¹²⁰. Через год тот же Жак Месмен (уже именуемый стряпчим) дарит Франсуа расписку на 10 ливров некоего Фука Месмена, живущего в Сиврее в Пуату, а также долг указанному мэтру Жаку мэтра Клемана Маруссо, прокурора города Сиврея, за то, что онный мэтр Жак кормил и содержал Матье Маруссо,

---

¹¹² IRI. 1696.

¹¹³ IRI. 2454.

¹¹⁴ IRI. 3138.

¹¹⁵ IRI. 532.

¹¹⁶ IRI. 2729.

¹¹⁷ IRI. 532, 1012.

¹¹⁸ IRI. 658, 659, 905, 1405.

¹¹⁹ IRI. 1161, 1964.

¹²⁰ IRI. 1825.

сына вышеназванного мэтра Клемана в городе Париже в течение восьми или девяти месяцев, снабжая его одеждой, оплачивая его пансион студенту (?) (рауй sa presion a ung escolier), и за то, что ухаживал за покойным мэтром Гуго Маруссо, также сыном указанного мэтра Клемана, в течение всей болезни, от которой тот и скончался, а после похоронил его; все это делалось в соответствии с письмами и поручениями означенного мэтра Клемана”¹²¹.

Итак, Жак Месмен оказывает услуги своим землякам в качестве ходатая, а также следит за их детьми, отправленными учиться в Париж.

Мы видим, что расписки, упоминаемые стряпчими, могут быть гонорарами за оказанные услуги. Семеро стряпчих (т. е. меньше трети) упоминают в актах о рентах, из которых три зерновые и три мелких ренты, взимаемые с виноградников и с дома в деревне. В целом, судя по дарениям, стряпчие обеспечены недвижимостью слабее прочих судейских, во всяком случае, они упоминают о ней лишь в четырех случаях. В целом дарения этой подгруппы еще нагляднее, чем акты прокуроров Шатле демонстрируют наличие “признаков приниженности”.

Следующую подгруппу образуют **сержанты Шатле**. В нее входят пятеро **конных сержантов** (sergent a cheval) и семеро “**сержантов с жезлами**” (sergent a verge). Они считались офисье, владельцами должностей, причем должность конного сержанта стоила в середине XVI в. до 400 ливров.

Как явствует из актов, среди сержантов часты были случаи совмещения должностей и социальных качеств. Один из конных сержантов также был одним из четырех сержантов-комиссаров в парижском ведомстве речной торговли (l'un des quatre sergents et comissaire de la ville de Paris sur le fait de la marchandise de l'eau)¹²², другой его коллега в акте именуется также “буржуа Сен-Дени”¹²³. Рене Гарнье в 1542 г. назван “сержантом с жезлом”, но через 2 года он уже парижский купец-буржуа¹²⁴. Здесь мы вновь сталкиваемся с быстрым изменением статуса дарителя.

---

¹²¹ IRI. 1964.

¹²² IRI. 995.

¹²³ IRI. 2703.

¹²⁴ IRI. 748, 1238.

Этот Гарнье — единственный из сержантов, кто составил повторное дарение. Остальные фигурируют в качестве дарителей однократно. Детям адресована лишь половина их актов. В одном случае это дарение неразделенных прав на наследство. Характер социальных связей сержантов отличает их от других чиновников и судейских. У одного из “сержантов с жезлом” отец — купец в Пуасси, а племянник — портной в Бри¹²⁵, свояк другого — буржуа, торгующий подержанными вещами (*fripier*)¹²⁶, отец третьего — прокурор Шатле¹²⁷.

Сержанты передают виноградники, землю, части домов в Париже и в пригородах. “Сержант с жезлом” Этьен Пигу помимо дома в Бовэ передает сыну движимое имущество (*mobilier*). Лишь один даритель упоминает ренту в 1 экю¹²⁸. Только одна вдова конного сержанта выступает в дарении как кредитор: она упоминает сумму в 13 ливров 15 су, которую ей должны студент Франсуа Валдази и его кузен “некий” (*nommй*) Пьер Кутюрье, снимавшие у нее комнату и спальню с кроватями (*gites et chambre*) в течение 11 месяцев¹²⁹.

“Сержант с жезлом” Жан Пусепен, “будучи в настоящее время заключенным в тюрьме Пти-Шатле, выведен из нее, чтобы составить дарение”. Он перевел на имя брата-студента часть двух домов на улице Трюандери, а также дома на улице Сен-Жермен-л’Оксерруа и на углу улицы Монмартр, часть фермы и все прочее имущество, приходящееся на его долю после кончины их отца, прокурора Шатле. Дарение адресовано студенту “с тем, чтобы завершить образование в области канонического права, которым он сейчас занимается, по его словам”¹³⁰. Обучение на факультете канонического права уже свидетельствовало о значительном продвижении брата злополучного сержанта, ведь это был “высший” факультет. Концентрация упоминаний о городской и сельской недвижимости в данном случае выпадает из общего ряда весьма скромных дарений сержантов. Возможно, покойный прокурор Шатле был для своего круга довольно состоятельным человеком, но все же мог обеспечить

---

¹²⁵ IRI. 2332.

¹²⁶ IRI. 2305.

¹²⁷ IRI. 1351.

¹²⁸ IRI. 230.

¹²⁹ IRI. 4461.

¹³⁰ IRI. 1351.

университетское образование лишь для одного из сыновей, другой же вынужден довольствоваться скромной должностью сержанта. Видимо, положение Жана Пусепена было непростым, и он поспешил передать все имущество брату, выведя его из-под угрозы конфискации. Потому-то и перечисляемые объекты столь выделяются среди прочих сержантских дарений студентам.

Впрочем, арест одного из парижских сержантов не был чем-то экстраординарным. Их репутация была невысокой, они нередко были замешаны в различного рода преступлениях, обвинялись в вымогательстве.

На основании обзора дарений части парижских должностных лиц и судейских мы выстроили некую иерархию подгрупп – от президентов и советников суверенных курий до сержантов Шатле. Это в принципе совпадает с наблюдениями Б.Килье¹³¹, утверждавшего что прокуроры и, особенно, сержанты Шатле влачили жалкое существование¹³². Впрочем, у меня не возникло представления о бедственном положении прокуроров Шатле и сержантов, видимо, дарения студентам дают более сглаженную картину, и само наличие родственника-студента было свидетельством определенного социального успеха, дополнительным шансом семьи.

Таким образом, нам впервые удалось на конкретном материале проверить продуктивность применения ряда “индексов престижности / приниженности”, выделенных в предыдущем параграфе на основе “валовых” показателей. Значимыми оказываются и казалось бы, “нейтральные” данные. Так, упоминания о долговых расписках встречаются у всех судейских, но у

---

¹³¹ Опираясь на сохранившиеся посмертные описи, Килье оценивает имущество прокуроров Шатле в “вилке” от 255 до 836 ливров, у сержантов эта оценка в среднем составляла 153-175 ливров, и эти люди влачили жалкое существование. У прокуроров Парламента и у нотариусов Шатле средняя стоимость имущества доходила до 1,5 тысяч ливров, а у адвокатов она колебалась от 3839 до 275 000 ливров. Надо отметить, что вне поля зрения Килье остались парижские стряпчие и иные категории судейских.

¹³² *Quilliet B. Op. cit. P. 561*

“низших” они представляют собой либо гонорары, либо плату за сдачу комнат или содержание учеников на пансионе. Таким образом, мы смогли выявить специфическую форму приработка парижского “крапивного семени”. Более того, акты дали нам возможность установить “прейскурант услуг”: пансион, сочетавшийся, по всей видимости, с обучением делопроизводству, стоил сыну шартрского прево 30 экю в год; будущему прокурору Счетной палаты проживание обходилось лишь в 9 экю, а студент снимал со своим кузеном комнату у вдовы сержанта за 6 экю в год.

Не все индексы действуют в среде чиновников автоматически: доля дарений по прямой линии (*индекс С*) остается высокой и у “низших” подгрупп: судейская мелкота, по-видимому, не расставалась с надеждой увидеть своих сыновей или внуков среди людей со степенью. “Посторонних студентов” они почти совсем не одаривали (в отличие, например, от дворян). Возможно, они не нуждались ни в посторонней помощи в судебных тяжбах (в залах Дворца правосудия и Шатле они чувствовали себя как рыба в воде), ни в защите своего скромного имущества за счет привилегий “посторонних студентов” (для этой цели они предпочитали обращаться к своим родственникам-студентам, или, быть может, записывать в университет своих собственных детей фиктивно). Их родственные связи по большей части замыкались в судейской среде (ни разу пока не встречалось их упоминания о родственнике из крестьян).

До сих пор мы имели дело с подгруппами, чье иерархическое положение которых не вызывало сомнений. То, что президент курии превосходил богатством и престижем сержанта, было очевидно изначально как без наших подсчетов, так и без изысканий Килье. Но есть немало лиц, чей статус для меня заранее был неизвестен. Так, я попытался объединить в одну группу вспомогательный персонал и представителей “технического” звена администрации: различного рода **приставов, секретарей, клерков и королевских сержантов** (не путать с сержантами Шатле); в эту группу вошли:

—**судебные приставы** (*huissiers*): королевский пристав Парламента¹³³, ординарный королевский пристав Большого совета¹³⁴, пристав Шатле, бывший также конным сержантом¹³⁵; королевский инспектор (*audencier*) в Шатле¹³⁶,

---

¹³³ IRI. 3346.

¹³⁴ IRI. 795.

—**секретари**: парламентский секретарь по представлениям (greffier des presentations de Parlement)¹³⁷, секретарь епископского суда (greffier des officialitÿs de Paris)¹³⁸; нотариус и прокурор церковного суда (notaire et procureur ès cour d’Eglise¹³⁹).

—**клерки и помощники** (clercs et commis): клерк гражданского секретариата Парламента (clerc du greffe civil)¹⁴⁰, клерк секретариата Шатле¹⁴¹, клерк-помощник секретаря Казначейства¹⁴², помощник секретаря Палаты монет¹⁴³, и, наконец, просто парижский клерк¹⁴⁴;

— **королевские сержанты**: королевский фьефный сержант в Шатле (sergent fieffÿ)¹⁴⁵, королевский сержант в Шатле¹⁴⁶, сержант королевской юстиции из предместий Нотр-Дам-де-Шан и Сен-Жак¹⁴⁷,

Группа, состоящая из этих 16-ти дарителей заведомо фиктивна. Одни получали королевское жалование, другим платил их патрон, кто-то мог всю жизнь просидеть над переписыванием бумаг, для другого техническая работа по сверке финансовых отчетов явилась лишь первой ступенькой блестящей карьеры. Они принадлежали к разным судебным куриям и ничего, кроме некоего созвучия в названиях их должностей не объединяло их.

Анализ родственных связей дает, как и следовало ожидать, весьма пеструю картину. Отец клерка гражданского секретариата Шатле — “купец-землепашец”. Братья другого клерка и прокурора-нотариуса церковного суда —

---

¹³⁵ IRI. 1829, 4094.

¹³⁶ IRI. 4713.

¹³⁷ IRI. 1752.

¹³⁸ IRI. 2117.

¹³⁹ IRI. 2010.

¹⁴⁰ IRI. 809.

¹⁴¹ IRI. 466.

¹⁴² IRI. 2999.

¹⁴³ IRI. 1734

¹⁴⁴ IRI. 5272.

¹⁴⁵ IRI. 3276.

¹⁴⁶ IRI. 4403.

¹⁴⁷ IRI. 2480.

купцы-буржуа; кумом сержанта королевской юстиции и его дальним родственником был провинциальный экуйе. Королевский пристав Парламента щедро одаривает племянника-студента: дом в окрестностях Дрё, огород на территории Парижа, на месте которого ныне строится дом, и сумму в 150 ливров, которая была обещана жене дарителя ее дядей, экуйе, дворянином псовой охоты короля (l'un de gentilshommes de la venerie du Roi)¹⁴⁸. И хотя, дядюшка не торопился с выплатой обещанного, по своим социальным связям пристав Парламента выделялся из среды “крапивного семени”.

Число дарений по прямой линии в этой подгруппе достаточно велико — 12 актов (70%). Четверо дарителей упоминают ренты — клерк секретариата Шатле и все три сержанта. Королевский сержант Шатле упоминает ренту в 10 ливров за дом в Париже и передает сыну расписку на 11 золотых эку, подписанную неким стряпчим. Фьефный сержант упоминает три расписки и ренту, не уточняя их размеров. Вот пример действия “объективных” признаков и индексов: формальные критерии побудили меня сперва присоединить этих сержантов к сержантам Шатле. Однако объекты дарения буквально “разорвали” эту подгруппу. “Королевские” сержанты оказываются гораздо богаче “простых” сержантов Шатле и активнее их. Точно также “объективные” данные не позволили мне объединить в одну группу приставов и сержантов Шатле, вопреки указаниям авторитетного “Словаря Старого порядка”¹⁴⁹

Эти немногочисленные данных склоняют нас к тому, чтобы расположить подгруппу, при всей ее гетерогенности, все же выше уровня сержантов Шатле, и, возможно, даже чуть выше стряпчих и прокуроров Шатле.

Несколько десятков парижских служащих, отнесенных мной к данной категории дарителей составляют люди, объединить которых в одну группу позволяет лишь одно – в отличие от предшествующих групп, все они не были связаны ни с одной из судебных корпораций.

---

¹⁴⁸ IRI. 3346

¹⁴⁹ Dictionnaire de l'Ancien Régime / sous la dir. de Lucien Bély –Paris, 2002. P. 645-646/

Небольшую подгруппу составляют дарители, упомянувшие лишь свою **степень**. Это магистр искусств¹⁵⁰, бакалавр и два лиценциата канонического права¹⁵¹, лиценциат римского права¹⁵².

Одно дарение адресовано сыну, три — племянникам, одно — “постороннему студенту”. Пьер Остье, лиценциат канонического права, адресовавший дарение сыну, производит впечатление respectable дарителя “адвокатского” уровня. Его сын — студент в Бурже, а это само по себе было весьма престижно. Он дарит фьеф, ренты, имущество в Монтаржи, расписку на 180 ливров, оговаривая, что все это досталось ему в наследство от братьев и сестер (чей статус, к сожалению, не указан). Другой лиценциат канонического права дарит племяннику приобретенные права на наследство некоего булочника. Лиценциат римского права передает земли постороннему студенту “в вознаграждение за оказанные услуги”, что нетипично для судебных.

Бакалавр канонического права передает своему племяннику права на возмещение ущерба, нанесенного каменщиками, которых наняли соседи бакалавра: Франсуа де Сент-Андре, президент Парламента, Робер Дуде — президент Счетной палаты и вдова Гийома Люилье, докладчика прошений королевского дворца¹⁵³. Очевидно, что только надежда на защиту университетских привилегий придала скромному бакалавру смелости выступить против противников, входивших в судебскую элиту Парижа.

Итак, лиценциаты и бакалавры не образуют группы с устойчивыми специфическими признаками.

Девять **финансовых чиновников**:¹⁵⁴ казначеи отрядов коннетабля Монморанси¹⁵⁵ и господина де Сен-Валье¹⁵⁶; контролер сборов с домена

---

¹⁵⁰ IRI. 2526

¹⁵¹ IRI. 2272, 2892, 3721

¹⁵² IRI. 1011

¹⁵³ IRI. 2272.

¹⁵⁴ То есть, люди, занятые сбором или выдачей денег. Их следует отличать от представителей финансовой юстиции, например, того же Брисоннэ, президента Счетной палаты.

¹⁵⁵ IRI. 3429.

¹⁵⁶ IRI. 3027.

Бретани (*controleur de mortes-payes de Bretagne*), названным в акте также парижским буржуа,¹⁵⁷ и еще один обладатель должности контролера королевской лотореи (*controleur de la blanque de Paris*)¹⁵⁸; бывший сборщик и инспектор города, превоства и округа Парижа (*receveur et voyeur de Paris*), вдова сборщика штрафов и судебных пошлин Парламента¹⁵⁹, чиновник, связанный с откупам соли соляных налогов (*mesureur de sel*)¹⁶⁰, “Porteur de sel” (доставщик соли, служащий соляного налогового ведомства ?), а также “сержант Тальи и Эд парижского элексьона”, два последних дарителя являются участниками уже известного нам дарения студенту Жану Гийяру¹⁶¹

В этой подгруппе только контролеры и вдова сборщика судебных штрафов одаривают детей. Акты полковых казначеев и бывшего муниципального инспектора¹⁶² адресованы племянникам. Чиновник соляного ведомства одаривает своего дядю-студента, что является “признаком приниженности”.

Пожалуй, только Жан Сежурна, “controleur de la blanque” может претендовать на сравнительно высокое место в чиновной иерархии. Он единственный, кто составляет повторное дарение на имя сына, который также получает дарение от своего дяди, владевшего частью сеньории Дампьер¹⁶³. Помимо прав на сеньорию Дампьер студент Жорж Сежурна получает от отца долговое обязательство, подписанное Робертом Стюартом, маршалом Франции, на 365 ливров и 4 мюида зерна. Похоже, это был не частный заем, а оплата военных поставок, оформленных, как тогда часто бывало, в виде сделки между чиновником и маршалом¹⁶⁴. Кроме того, Жан Сежурна перевел на имя сына

---

¹⁵⁷ IRI. 2492.

¹⁵⁸ IRI. 484 . В 1539 г. король впервые ввел в Париже игру “blanque”, вроде лото, приносящую казне две тысячи ливров ежегодно. Guyot P., *Répertoire universel et raisonné de jurisprudence civile* Paris, 1784-1785 . Т.11, Р.42-46.

¹⁵⁹ IRI. 821.

¹⁶⁰ IRI. 293.

¹⁶¹ IRI. 4885.

¹⁶² Он составляет свой акт, будучи заключенным в тюрьму Консьержери.

¹⁶³ IRI. 3361.

¹⁶⁴ *Hamon Ph. L'argent du roi: Les finances sous François Ier*. Paris, 1994.

права на возбуждение тяжбы против парижских купцов по поводу соглашения о строевом лесе, купленном год назад у аббатства Св. Троицы в Вандоме.

Характерно, что состоятельный, но не связанный с чиновными корпорациями контролер, указывает на то, что он — парижский буржуа, полноправный член городской общины, тогда как для скромного прокурора Шатле достаточным казалось подчеркнуть принадлежность к прославленной курии.

Еще меньше мы можем сказать об оставшихся пяти служащих “муниципального уровня”. “Cribleur de blé” (контролер качества зерна)¹⁶⁵, парижский буржуа совместно со свояком, провинциальным мэтром-ремесленником, переводит на имя сына-студента деревенский дом и пахотные земли. “Porteur de grains aux Halles de Paris” (чиновник Парижского рынка?)¹⁶⁶ передает сыну права на получение дуэра своей первой жены, а также расписку некоего булочника на 60 су. Вдова “balancier” (весовщика)¹⁶⁷ дарит постороннему студенту права на движимое имущество в своем доме, а также виноградник на территории Шарентона и ренты из наследства своего дяди, присяжного виноторговца (то есть одновременно и купца и сборщика косвенного налога на вино). Стрелок Парижского прево переводит на имя брата-студента права на дуэр своей жены, вдовы мясника¹⁶⁸. Бывший лейтенант городской ночной стражи (lieutenant de guet), парижский буржуа, дарит дом в Париже постороннему студенту¹⁶⁹.

Чиновники этого ранга демонстрируют одновременно и свою отчужденность от судейской среды, и набор признаков социальной приниженности (дарений “посторонним студентам”, участие в коллективных дарениях); вместе с тем, они хорошо интегрированы в среду парижских буржуа. Впрочем, для построения каких-либо выводов у нас очень мало данных¹⁷⁰.

---

¹⁶⁵ IRI. 767.

¹⁶⁶ IRI. 5366.

¹⁶⁷ IRI. 8.

¹⁶⁸ IRI. 4951.

¹⁶⁹ IRI. 3736.

¹⁷⁰ И уж совсем сиротливо выглядят дарения, присчитанные мной к этой категории “по остаточному” признаку. . Это - кавалерист королевской ордонансовой роты под началом герцога Вандомского, который переводит

Таким образом, особенностью группы этих “чиновников –маргиналов” является сокращение числа дарений по прямой линии. Если даже прокуроры Шатле, стряпчие и сержанты чаще всего одаривают своих детей, то финансовые чиновники, люди, отнюдь не бедные, более склонны одаривать своих племянников, а то и вовсе “посторонних” студентов.

Б. ПРОВИНЦИАЛЫ.

Офисье. — Финансовые чиновники. — Адвокаты и лиценциаты. — Прокуроры и нотариусы.— Практики. — Сержанты, почтмейстеры и прочие.

Реалии жизни провинциальных офисье и судейских изучать сложнее: в провинции не было таких крупных курий как Парламент или Шатле, и если выделять группы по формальному признаку, они будут состоять из двух-трех дарителей, что затруднит их анализ. Поэтому я вынужден был , вводить некие дополнительные критерии для их объединения в группы.

В первую подгруппу по аналогии с Парижем я объединил **офисье** — владельцев судебно-административных должностей. В нее вошли акты тринадцати дарителей: первого президента Руанской счетной палаты¹⁷¹; руанского королевского нотариуса-секретаря¹⁷²; бальи Мелена, королевского советника¹⁷³; королевского прево города Реймса, также бывшего генеральным казначеем герцогини де Гиз¹⁷⁴; прево г. Ланьи¹⁷⁵; прево Бриенон л’Аривьер¹⁷⁶;

вместе с женой на имя племянника имущество в окрестностях Санлиса, причем патроним студента не совпадает с патронимами дарителей (IRI. 1151); ординарный королевский хирург (IRI. 2636) и некий поставщик (fourgier) господина де Сенсак (IRI. 1884), которые передают своим племянникам неразделенные права на наследство.

¹⁷¹ IRI. 1236.

¹⁷² IRI. 858.

¹⁷³ IRI. 1017.

¹⁷⁴ IRI. 4480.

¹⁷⁵ IRI. 4850.

¹⁷⁶ IRI. 1416.

капитана крепости Лак-ан-Барб, что в Бургундии¹⁷⁷, вдовы капитана и шатлена крепости Фер, что в графстве Форе¹⁷⁸; вдовы генерального лейтенанта бальяжа Санса¹⁷⁹; генерального лейтенанта бальяжа Манта и Мелена¹⁸⁰; вдовы лейтенанта по уголовным делам (“криминального лейтенанта”) бальяжа Витри де Шато-Тьерри¹⁸¹; “криминального лейтенанта” суда в Монморильоне¹⁸²; вдовы генерального лейтенанта в Виль-дю Руа¹⁸³.

Как видим, должности представлены самые разные, и я не взялся бы ни выстраивать их иерархию, ни судить на этом основании о статусе дарителей. Понятно, что Первый президент суверенной курии Нормандии относится к бюрократической элите, он и сыну передает долговое обязательство на огромную сумму в 1359 ливров. Но и у капитана бургундской крепости, должность которого я бы отнес к разряду малозначимых, братом оказывается могущественный Пьер дю Шатель, епископ Орлеанский — “grand aumônier du Roi” (буквально — раздатчик королевской милостыни, бывший практически руководителем церковной политики короля)¹⁸⁴.

Все акты, кроме одного, адресуются по прямой линии, видимо, социальное воспроизводство и дальнейшее продвижение связывалось дарителями с университетским образованием сыновей. Это относилось не только к чиновникам юстиции, но и к так называемым “чиновникам короткой роботы” — капитанам, королевским прево. Покойный капитан из графства Форе и его сын фигурируют в актах, как лиценциаты права, что, кстати, не мешает сыну оставаться студентом университета.

---

¹⁷⁷ IRI. 4222.

¹⁷⁸ IRI. 3386.

¹⁷⁹ IRI. 1125.

¹⁸⁰ IRI. 120.

¹⁸¹ IRI. 1915.

¹⁸² IRI. 645, 738.

¹⁸³ IRI. 3549.

¹⁸⁴ Из других источников мы знаем, что Пьер дю Шатель был покровителем гуманистов и энтузиастом создания “королевского коллежа”, королевской академии, альтернативной Парижскому университету (См.: *Lefranc A. Histoire du Collège de France*. Paris, 1893).

Бургундский капитан, а также вдова капитана из Форэ, упоминают в актах цензивы и феодальные платежи. “Криминальный лейтенант” перечисляет среди объектов дарения дворянскую усадьбу и феодальные ренты. А бальи Мелена передает сыну целый остров, входящий в цензиву аббатства Сен-Дени. Но в отличие от дворян и парижских офисье и адвокатов, они упоминают ренты лишь в трех случаях. Столько же упоминаний и о долговых обязательствах.

Если не считать брата-епископа, приближенного к королю, остальные родственные связи не отличаются высоким уровнем. Купцами были: брат “криминального лейтенанта”, дядя королевского нотариуса-секретаря, свояк генерального лейтенанта города Виль-де-Руа. Только у бальи Мелена брат был адвокатом Парижского Парламента. Это, а также наличие двух случаев передачи неразделенных прав на наследство¹⁸⁵, несколько отличает эту группу от их парижских коллег-офисье.

Характерную подгруппу составляют **провинциальные финансовые чиновники**. В нее входят 16 дарителей, то есть свыше пятой части всего корпуса провинциальных чиновников, тогда как в Париже их доля не превышала 5 процентов. В ее состав включены: пятеро элю (возглавлявших сбор налогов в фискальных округах-элексьонах); восемь различных сборщиков доходов (один из них, Флорен Ленуар, был сборщиком некоего сеньора, остальные королевскими сборщиками); трое контролеров.

Эти дарители выглядят даже щедрее провинциальных офисье. 16 финансовых чиновников составили 24 акта, не уступая дворянам по числу повторных дарений. Один из элю назван экюйе, четверо других дарителей — сеньорами. Кроме того, указание на обладание сеньориальными правами и правами на получение феодальных платежей есть еще в пяти актах. Девять человек (60%) передают ренты, что превышает даже дворянские показатели благополучия. Правда, средний размер ренты невысок — 4,5 ливра, но это если отказаться от учета акта одного из контролеров, упоминавшую ренту в 333 ливра¹⁸⁶. Кроме того, в акте одного из элю передается рента в 40 су, с недоимками за 24 года. Один из сборщиков дарит парижскую муниципальную ренту на сумму в 10 ливров, вспомним, что упоминание таких рент было

---

¹⁸⁵ IRI. 120, 858.

¹⁸⁶ IRI. 4473.

характерным свойством парижских офисье. Четверо дарителей упоминают долговые расписки на суммы от 25 до 500 ливров, причем их должниками были солидные люди: генерал финансов, вдова королевского гвардейца, сеньор.

Поскольку среди родственников провинциальных офисье было довольно много купцов, то я ожидал, что финансовые чиновники и подавно должны быть связаны с купцами. Два сборщика, действительно, происходили из купеческих семей¹⁸⁷. Но даже они упоминают о других своих родственниках-судейских.. Еще один сборщик Жан Лепрево Санлисского бальяжа, оказывается втянутым в затяжной процесс со своими родственниками, один из которых был секретарем Палаты вод и лесов¹⁸⁸, свояком Пьера Каде, контролера из Сезанна был Абзалон Пуле, чиновник королевского соляного амбара в том же Сезанне (*grenetier pour le Roi*)¹⁸⁹. Мы уже сталкивались с этим любопытным кланом выходцев из Санлиса, когда рассматривали акты каноника Адама Пуле. Тот же Пьер Каде упоминает и долговые обязательства на различные суммы. В частности — на 500 ливров, “за заботы, труды и расходы”, понесенные дарителем в период пятилетнего опекуинства над нынешней женой некоего Рауля Алельма¹⁹⁰. Через десять лет, в 1552 году, этот же Рауль Алельм встречается в нашем источнике уже как самостоятельный даритель, переводящий на имя племянника-студента большую ренту в 333 ливра¹⁹¹. Он именован в акте контролером королевских складов в Мо (*controleur de magasin du Roi*). Воистину, тесен был мир финансовых чиновников!¹⁹²

Но неожиданно оказалось, что эти вполне процветающие дарители составляют дарения по прямой линии менее, чем в половине случаев - значительно реже, чем большинство парижских судейских. Провинциальные финансисты одаривают своих племянников не реже, чем сыновей. Это может быть и простой случайностью: 16 человек не слишком большая группа. Вспомним, однако, что в дарениях восьми парижских финансовых чиновников

---

¹⁸⁷ IRI. 2405; IRI. 1430, 4503, 3100.

¹⁸⁸ IRI. 4806.

¹⁸⁹ IRI. 640–643.

¹⁹⁰ IRI. 859.

¹⁹¹ IRI. 4473.

¹⁹² см. об этом *Hamon Ph. Messieurs des finances*. Paris, 1998.

сыновья одаривались всего в трех случаях. Может быть, это связано с иным типом социального воспроизводства, ведь карьера этих чиновников не была связана напрямую с университетским образованием?¹⁹³

Отметим, что финансовые чиновники чаще, чем прочие демонстрировали склонность использовать судебные привилегии студентов. Так, например, сеньор де Гильевиль, бывший сборщик ординарных доходов Орлеанского домена, в 1548 г. дарит сыну-студенту остаток долга (*reliquant*) наследников своего помощника (*commis*) по сбору ординарных доходов в период с 1517 по 1523 г.¹⁹⁴ Сборщик Николя Лепрево, в 1553 г. переводит на имя сына свои права, отстаиваемые в судебных процессах о разделе имущества и по делу о несправедливой продаже (*vente a vil prix*), начатых еще в 1524 и 1525 гг.¹⁹⁵

Обратимся теперь вновь к группам, предопределявшим обязательное обладание степенью. Это шесть **провинциальных адвокатов**. Половина из них названы также лиценциатами. Вспомним, что из трех десятков парижских адвокатов о наличии степени упомянул лишь один. В провинции, вероятно, ученая степень еще не стала рутиной.

Четверо адвокатов адресуют дарения сыновьям. О родственных связях сведений мало — лишь о королевском адвокате шатленства Грей известно, что его отец — чиновник соляного ведомства (*grenetier*) в том же городе¹⁹⁶. Два адвоката обладают рентами, одна из которых зерновая. Еще двое упоминают расписки, в том числе на сумму в 100 экю, подписанную Фелибером де Боже, епископом Вифлеемским. Тот же адвокат шатленства Грей назван также экюйе, однако “дворянских”, “престижных” объектов дарения не упоминается. Следующую подгруппу составляют **провинциальные лиценциаты прав**. Как мы помним, в Париже подгруппа дарителей, не указавших иного статуса, кроме обладания степенью, была ничтожно мала и весьма разнородна. Провинциалы же демонстрируют совсем иную картину.

---

¹⁹³ Хотя Эташ Гримон, элю Манта, упомянул в акте о своей степени лиценциата прав.

¹⁹⁴ IRI. 2667.

¹⁹⁵ IRI. 4360, 4806; см. также IRI. 2555.

¹⁹⁶ IRI. 936

Восемь дарителей составили десять актов, шесть из которых адресованы детям. У нас нет упоминаний об их родственниках, но ряд признаков указывает на высокий социальный статус дарителей. Один из них — Франсуа Биго из Амьена — эжюйе¹⁹⁷, в другом дарении передается сеньория¹⁹⁸. Три дарителя владеют рентами. В одном акте указываются долговые обязательства на суммы в 172 ливра и в 7 ливров¹⁹⁹.

Лицензиат Рауль Шаль указывает на цель своего дарения: “чтобы помочь сыну содержать себя в парижских школах, ради любви к нему, а также чтобы сын стал порядочным человеком (homme de bien)”²⁰⁰. Лицензиат Жорж Трувтер дарит сыну две расписки некоего сеньора, недоимки по зерновой ренте, составляющую крупную сумму 654 ливра и ренту в 25 ливров. Все это должно служить сыну так долго, “сколько тот будет учиться и посещать школы этого королевства”²⁰¹.

Создается впечатление, что подгруппа провинциальных лицензиатов отличается от аналогичной парижской подгруппы большей однородностью и более высоким престижем.

Если наш парижский опыт можно распространить на провинцию, то мы вправе перейти теперь к тем чиновникам, чье социальное воспроизводство не предполагало обязательного владения степенью, а университетское образование являлось средством социальной мобильности.

Таковы **прокуроры и нотариусы**. Они образуют группу из 12 дарителей, составивших 14 актов. Шестеро были прокурорами в провинциальных судах, кроме того, один из прокуроров назван также сборщиком, другой стряпчим, а один был также нотариусом. К этой группе я отнес и секретаря суда, королевского нотариуса, бывшего также стряпчим и “просто” нотариуса.

Дарители этой подгруппы уже не именуют себя лицензиатами, нет среди них и дворян. Но двое названы сеньорами²⁰², один указал в качестве объекта

---

¹⁹⁷ IRI. 2581, 3275.

¹⁹⁸ IRI. 670.

¹⁹⁹ IRI. 1433.

²⁰⁰ IRI. 524.

²⁰¹ IRI. 1433.

²⁰² IRI. 1324, 3921.

дарения ценз²⁰³, другой — часть фьефа²⁰⁴. Об их родственных связях известно немногое — брат прокурора, сеньора де Муши был советником Шатле²⁰⁵, братом амьенского прокурора Жана Биго назван парижский купец-буржуа²⁰⁶. Более половины (семеро из двенадцати) дарителей адресуют дарения детям, трое — племянникам, двое — кузенам.

Ренты упоминаются только в двух случаях²⁰⁷. Зато кредиторами выступает половина дарителей. Среди обязательств названы разные суммы, от расписки мельника на 77 су до обязательства на 144 ливра, подписанного дворянкой, явно просроченного, так как оно датировано еще 1519 г.

Антауан де Маршан, сеньор де Берго, нотариус и шатлен Ампельпюи в Божоле, дарит все свое движимое и недвижимое имущество сыну “за добрые и любезные услуги..., чтобы тот смог лучше содержать себя в университете, продолжить обучение в нем и извлечь плод знания (*fruit de science*)”²⁰⁸. Королевский нотариус и прокурор из Бур-Аржентея передает своему племяннику ценз, земли, луга, виноградники, дом, навозохранилище (*fumier*) и права на различные держания. Этот дар совершен “по доброй любви к своему племяннику и крестнику”, “чтобы тот мог лучше содержать себя в школах, достичь мудрости и попасть в число людей знания (*parvenir au faict de science et au nombre des gens de savoir*), ...иметь книги, деньги и другие необходимые вещи”²⁰⁹.

В дарениях девяти **провинциальных стряпчих** большинство (7 актов) адресованы детям. Среди стряпчих нет ни дворян, ни сеньоров, ни упоминаний о сеньориальных правах. Чаще всего они передают деревенские дома и участки земли. Так, Фримен Гэнэ, стряпчий в светской курии Марли-сюр-Марн передает сыну земли, огород и часть дома, крытого соломой²¹⁰. Ренты не упоминаются ни

---

²⁰³ IRI. 3110.

²⁰⁴ IRI. 2606.

²⁰⁵ IRI. 1314.

²⁰⁶ IRI. 2608.

²⁰⁷ IRI. 949, 1314.

²⁰⁸ IRI. 3921.

²⁰⁹ IRI. 3528.

²¹⁰ IRI. 2216, см. также № 497, 2857, 4028, 4251.

разу; есть данные о двух расписках, причем известна сумма лишь одного обязательства в 20 золотых экю, подписанного сельским священником²¹¹.

В этой группе мы встречаем и коллективные дарения, и передачи неразделенных прав на наследство. Уровень социальных связей был достаточно скромен — брат одного из стряпчих также был стряпчим в Париже, свояк другого — прокурор Парижского Парламента²¹². Отец стряпчего из Лангра был виноградарем²¹³, братом стряпчего из Пюиссо — мясник из того же города²¹⁴. Стряпчий Жан Баре из города Лупа (Шартрского диоцеза) вместе с шурином — слесарем из того же города, передает пасынку-студенту, покойный отец которого был мясником, права на наследство тещи и тестя. Но удивительно, что в состав этого наследства входили земли, расположенные в Бургундии, Иль-де-Франсе, Перше и Нормандии²¹⁵. Непонятно, откуда у этой скромной семьи владения, разбросанные от Луары до Ла-Манша?

Еще более странным выглядит и другое коллективное дарение. Антуан Гюерино, стряпчий светской курии и купец (!), проживавший в Кокэни, что в приходе Морепа, а также Жан Суро, купец-“землепашец”, проживающий близ Монфор-Амори, от своего имени и от имени Катрин Гюерино, своей жены, передают брату и свояку-студенту Гийому Гюерино права на наследство Жака Гюерино, их отца и тестя, прево Шевреза. Через два года “землепашец” Робер Фоше из прихода Мольер и его жена Мари Оже, бывшая прежде вдовой Жилия Симеона, дарят права Мари Оже на дуэр от первого мужа тому же Гийому Гюерино, их брату и свояку²¹⁶. Видимо, Мари Оже была единоутробная сестра Гийома Гюерино, только так можно объяснить различие фамилий. Она уже успела овдоветь и выйти замуж вторично, видимо, она была старше студента и родилась от первого брака ее матери. Странно, что дети прево, которого я бы, не задумываясь, отнес к подгруппе офисье, занимают столь скромное положение: дочь замужем за купцом-“землепашцем”, муж падчерицы и вовсе простой

---

²¹¹ IRI. 75.

²¹² IRI. 2382.

²¹³ IRI. 496.

²¹⁴ IRI. 137.

²¹⁵ IRI. 2430.

²¹⁶ IRI. 2922, 3771.

крестьянин, а сын — стряпчий в местечке сельского типа (иначе оно не обозначалось по имени ближайшего территории прихода). Причем название это само по себе комично (“Кокэнь” — страна лентяев); трудно представить себе, что за “светская курия” там располагалась (может быть, речь шла о сеньориальном суде?). Возможно, мы, наконец, столкнулись с редким в нашем корпусе отражением процесса нисходящей социальной мобильности — статус детей был явно ниже родительского. Тогда университетская карьера Гийома оставалась последней надеждой семьи²¹⁷.

В целом число провинциальных прокуроров, нотариусов и стряпчих оказывается значительно меньшим, чем в Париже, но в их актах отражены те же тенденции, что мы наблюдали на парижском материале: в этих подгруппах все реже встречаются престижные объекты дарения и ренты, но происходит некоторое увеличение числа упоминаний о долговых обязательствах, часть из которых могли составлять различного рода гонорары за оказанные услуги. Провинциалы, как и парижане, объединенные в эти подгруппы, большую часть своих актов адресуют детям.

Если эти подгруппы судебных в провинции и в Париже вполне сопоставимы друг с другом, то **провинциальные сержанты** ничего общего с парижскими сержантами Шатле не имеют. В эту подгруппу входят акты: сержанта лесной стражи, экюйе (*sergent et garde en la forkt de Laye*)²¹⁸; королевского сержанта-смотрителя заказника (*garde de la garenne du Petit-Galandais*)²¹⁹; королевского сержанта, сеньора²²⁰; жены сержанта из Дюнуа²²¹; королевского сержанта из Боса²²².

---

²¹⁷ Возможен, хотя и менее вероятен, и иной вариант: Гийом — старший сын, надолго застрявший в университете, или попросту не желавший расставаться с университетскими привилегиями. Ведь в университет, действительно, чаще отдавали старшего сына. Тогда Антуан — совсем юный, начинающий “практик”, набирающийся опыта в захолустном суде, а Мари — дочь от второго и менее удачного брака их матери. Мари очень рано успела выйти замуж, овдоветь и снова выйти за “пахаря”.

²¹⁸ IRI. 1507.

²¹⁹ IRI. 1691, 2098.

²²⁰ IRI. 3113.

Сюда я отнес также акты: вдовы смотрителя королевской почты в Божоле²²³; смотрителя королевской почты в Бовэ-ан-Гитинэ, “королевского конюшего из числа ста двадцати” (*chevaucher d’ecurie du Roi du nombre des six-vingts, tenant la poste pour le Roi*)²²⁴; королевского квартирьера, сеньора (*marichal des logis du Roi*)²²⁵.

Все девять дарителей этой группы производят впечатление людей респектабельных, что подтверждается сведениями об их родственных связях. Сеньором был дядя жены сержанта лесной стражи, зятем Мишеля Раффона, хранителя королевского заказника, оказывается егерь из Сен-Жермен-ан-Лэ. Последний был женат на сестре студента, которому и передавал права на часть наследства своих родителей. В 1545 г. Мишель Раффон передал сыну небольшую ренту в 30 парижских су за фруктовый сад “с тем, чтобы он мог лучше и достойнее содержать себя в обучении каноническому праву в Париже”. А через год дарение составляла уже его вдова, передавшая сеньорию, земли, посадки ивняка (*saulseyes*), дома, усадьбу, виноградники при условии погашения ее долгов и выделения сыном необходимых средств для ее содержания. Семья Раффон еще раз встречается в регистрах Шатле: в 1549 г. Жан Раффон, уже обозначенный не как студент, а как кюре Сен-Вандриль (г. Пек), передал брату, сержанту лесного суда (*gucerie*) права на фьефы из наследства Мишеля Раффона за 150 ливров. Акты Раффонов свидетельствуют о довольно высоком социальном уровне: здесь и престижные объекты дарения, и обучение сына на высшем факультете. Но, похоже, что семья напрягает последние ресурсы: хозяйство обременено долгами, мать не оставляет за собой никакого имущества, в ход пошло наследство свояка.

Шестеро дарителей (т. е. две трети) адресуют акты своим детям, трое упоминают ренты: одну натуральную и две денежных (в 20 турецких и в 30 парижских су). Долговое обязательство фигурирует лишь однажды — вдова смотрителя почтовой станции передает своему брату-студенту долговые

---

²²¹ IRI. 3573.

²²² IRI. 2639.

²²³ IRI. 3758.

²²⁴ IRI. 3706.

²²⁵ IRI. 330.

расписки, связанные с деятельностью покойного мужа. Некий буржуа присужден уплатить 114 золотых экю за 12 снаряженных почтовых лошадей и 30 возов сена; другой буржуа должен 21 золотой экю в качестве рентной платы за 10 лошадей с упряжью и 6 возов сена. Видно, без помощи столичного брата, защищенного университетскими привилегиями, вдова не надеялась на погашение этих долгов.

О судебной тяжбе речь идет в дарении королевского квартирьера, сеньора дю Вилье, который передает сыну-студенту право на взыскание денег по суду с некоего Луи де Бастене, убившего свиноматку.

Как и после анализа парижских подгрупп чиновников, у меня осталось несколько дарителей, причисленных к этой категории лишь потому, что они находились на королевской службе: экюйе сеньор Пьер де Саль из ордонансовой роты под началом сеньора д'Агюйера передает племяннику право вести судебную тяжбу против неких лиц, захвативших его земли и разрушивших дом²²⁶. Роллан Юре, проживавший в Нуайоне стрелок ордонансовой роты под командованием принца Ларош-сюр-Йонн, дарит племяннику ренту пшеницей и овсом, дом в Ферте и движимое имущество, причем в публикации воспроизводился его длинный список: начиная с товаров, оставшихся в лавке его покойного отца и серебряной дарохранильницы, до покрывал и подушек с указанием стоимости каждого предмета²²⁷. Подобные перечни весьма характерны для посмертных описей, брачных контрактов, завещаний²²⁸. В нашем источнике они встречаются крайне редко, поскольку регистрировать предписывалось лишь дарения недвижимого имущества. Этот акт был составлен в 1550 г., накануне новой компании против императора. Возможно, что, отправляясь на войну, Роллан Юре регистрирует комбинированный документ, скорее похожий на завещание.

---

²²⁶ IRI. 2040.

²²⁷ IRI. 3425.

²²⁸ О возможностях подобного рода актов для изучения социальных структур и повседневной жизни общества см.: *Bourquin L. Les objets de la vie dans la première moitié du XVIme siècle a travers cent inventaires apris d'icis parisiennes // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1989. N 3. P. 484.*

Подведем итоги нашего поневоле затянувшегося анализа актов этой, четвертой по счету категории дарителей.

Офисье и судейские, хотя и не являются самой многочисленной категорией нашего корпуса, все же представлены гораздо полнее всех прочих слоев пропорционально своей реальной численности. При всей своей заведомой разнородности эта категория обладает общими признаками: относительной редкостью актов, адресованных посторонним студентам, и случаев передачи прав на ведение судебных процессов. Для большинства из них, включая и “крапивное семя”, характерен высокий процент дарений по прямой линии. Это позволяет предположить, что в их актах отражено чувство уверенности и в необходимости образования, и в своей возможности дать его сыновьям.

И в Париже, и в провинции, существовал водораздел, проходивший где-то между адвокатами и прокурорами. По мере продвижения ниже этой “образовательной ватерлинии” индексы свидетельствуют об убывании “признаков престижности” и нарастании “признаков приниженности”.

Но мир чиновников можно делить не только на высший и низший слои, иерархически, но и по иным параметрам. Например, на тех, кто связан с чиновными корпорациями и на “одинок”. Материальное положение последних может быть вполне солидным, но они менее склонны одаривать своих детей. Возможно, это связано с тем, что ни их собственное положение, ни дальнейшее продвижение в избранной ими сфере деятельности (финансах, администрации) не было напрямую связано с обладанием степенью.

Очевидны различия между парижанами и провинциалами. Последние значительно реже составляют повторные дарения. Кроме того, вновь проявляется тенденция, которую мы наблюдали уже на примере дарений священников. В Париже можно было встретить больше дарителей из низших слоев данной категории. Но если дарители, занимающие высшие места в иерархии парижского и провинциального мира чиновников, походят друг на друга, то провинциальные представители “крапивного семени”, уступая парижским собратьям в численности, выглядят менее стесненными в средствах. Отметим пока эти явления и вернемся к ним, когда будем сравнивать дарения иных категорий провинциалов и парижан.

§4. Горожане:

БУРЖУА, ТОРГОВЦЫ, РЕМЕСЛЕННИКИ:

КАТЕГОРИИ V, VI, VII

Первые три категории мы выделяли, руководствуясь формальными признаками — терминами, указывавшими на определенное социальное качество. Трудно отрицать, что у нас все же были основания заранее предполагать положение дворян и священников отличным от других групп населения. Анализ дарений этих категорий, лишь подкрепил изначальную гипотезу. Офисье и судейские не обладали единым формальным признаком. Но внеисточниковое знание подталкивало к сведению их в одну категорию, и, как показало знакомство с их актами, категория эта обладала единством в не меньшей степени, чем категории дворян, сеньоров и священников. С теми же, кто обозначил себя в актах как “буржуа”, дело обстоит иначе. Мы имеем формальный критерий выделения **пятой** категории дарителей. Но чем отличались горожане, обозначенные термином “буржуа”, от прочих своих соседей? Для ответа на этот вопрос надо сопоставить разные категории горожан, представленных в нашем источнике.

Доля провинциалов среди дарителей, обозначенных в актах как “буржуа” ничтожно мала (17 из 252). Мы вернемся ней тогда, когда речь будет идти о прочих провинциальных торговцах и ремесленниках, а начнем с актов, составленных парижанами.

А. ПАРИЖАНЕ

Категория 5А. “ПАРИЖСКИЕ БУРЖУА”

О термине “парижский буржуа”. — Просто “буржуа”, или буржуа-рантье. — Шесть корпораций, их внутренняя иерархия. — “Купцы-буржуа”. — Специализированные “купцы-буржуа”. — Буржуа-ремесленники; четыре поколения Роберов.

Термин “буржуа” мог иметь самое широкое значение, относясь ко всем горожанам или даже ко всем ротюрье²²⁹. Но в городской административной лексике так обозначали горожан, достаточно долго живущих в городе,

---

²²⁹ О расплывчатости этого термина даже в XVIII в., т. е. в эпоху четких социальных дефиниций, закрепленных помимо прочего в “Энциклопедии” Д. Дидро, см.: *Кожокин Е. М.* Французская буржуазия на исходе старого порядка // *Буржуазия и Великая французская революция.* М., 1989. С. 132–136.

владевших недвижимостью, пользующихся городскими привилегиями и выполнявших свои гражданские обязанности. Буржуа участвовал в муниципальной жизни, если не на уровне городского совета, то на уровне квартала и иных территориальных формирований, вплоть до компаний по вывозу нечистот (*compagnie pour boux*)²³⁰.

В этом смысле определение “буржуа” в общефранцузском масштабе вообще малопродуктивно для XVI в., поскольку набор муниципальных привилегий, и, следовательно, юридический статус буржуа был в каждом городе свой²³¹.

У термина “буржуа” существовало и более узкое значение. Так называли состоятельных горожан, отошедших от коммерции. Еще в XV в. Кристина Пизанская писала: “Буржуа — суть те, кто происходят из старых городских родов, имеют древние фамилии и гербы, являются главнейшими жителями города, владеют родовыми поместьями, домами и рентами, что позволяет им жить на свои средства”²³². В этом смысле термин иногда употреблялся в Париже и XVI в. В постановлении городского совета 1554 г. говорилось, что он должен состоять из десяти чиновников, шести купцов и шести достойных буржуа, не занимающихся ни трудом, ни продажей товаров, живущих своими рентами и доходами²³³.

В нашем корпусе дарений можно встретить различные значения слова “буржуа”. Так называются многие дарители из числа купцов и ремесленников.

---

²³⁰ *Registres des dйlibйrations de Bureau de la Ville de Paris*. N 2. P. 357; Vol. 12. P. 79; *Recueil gйnйral des anciennes lois franзais* / Ed. F.-A. Isambert et al. (далее — Isambert). Paris, 1821. T. 2. P. 675; *Le Roy de Lincy P. Histoire de l’Hфtel de ville de Paris*. Paris, 1846. P. 295–353; *Croix A. L’homme et son entourage // Histoire culturelle de la France*. Paris, 1997. Vol. 2: De la Renaissance a l’aube des Lumiйre; также см.: *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. М., 1999–2000. 4 т.

²³¹ *Corcia J di. Bourg, Bourgeois: Bourgeois de Paris from the Eleventh to the Eighteenth century // Journal of Modern history*. 1978. N 50. P. 207–233.

²³² *Pisan Cristine de. Le livre du corps du policie* / Ed. H. Lucas. Genive, 1967. P. 176.

²³³ *Registres des dйlibйrations de Bureau ...* Vol. 4. P. 341–342.

Может быть, они и есть полноправные члены городской общины, в отличие от тех, кто не обозначил себя в актах как “буржуа”? Но пока это лишь гипотеза.

Мы уже выяснили, что лишь семеро дарителей из судейских, причем весьма невысокого уровня по своему положению, “вспомнили” в актах о том, что они — буржуа. Хотя их все их коллеги обладали правами парижских буржуа, они не отражали этого в своих актах: чувство принадлежности к городской общине отступало перед гордостью осознания себя королевским чиновником, адвокатом или прокурором королевского суда²³⁴.

В актах можно обнаружить и более узкое значение этого термина. Если большинство “буржуа” указывает также сферу своей деятельности (например, “купец-буржуа” или “парижский буржуа-ювелир”), то какая-то часть парижан названа просто “буржуа” без каких-либо уточнений.

Таких “**просто буржуа**” 33 человека, составивших 40 актов.

Используем выработанные нами индексы “престижности/приниженности”, чья применимость проявилась на материале предыдущего параграфа.

Таблица № 17 а Парижские буржуа-ранте

Численный состав	33
<i>Индекс А</i> повторные дарения (вес признака)	21%
<i>Индекс В</i> Коллективные дарения	-
<i>Индекс Е</i> упоминания о рентах (вес признака)	16 (49%)
Упоминания о долговых обязательствах	7
<i>Индекс G</i> неразделенные. права на наследство	1
<i>Индекс H</i> сеньориальные объекты	4
<i>Индекс I</i> огороды	-

Лишь один из них, Гийом д’О, фигурирует в двух актах по-разному (в 1540 г. он назван “купцом-буржуа”, а в 1542 г. просто “парижским буржуа”).

---

²³⁴ Политическая история Парижа XVI в. свидетельствовала о противоборстве чувства городской солидарности с привлекательностью королевской службы. Напомню, что по оценке Робера Десимона Парижская лига 1585–1594 гг. была попыткой восстановить прежний приоритет городских ценностей. См.: *Descimon R. Qui йtaient les Seize? Paris, 1983.*

Трое буржуа названы также сеньорами²³⁵ или эжюйе²³⁶; “парижской буржуазкой” (bourgeoise de Paris) названа также Катрин Сегвин, вдова Жака де Вилье, виконта д’Арк²³⁷. В этой подгруппе девять женщин-дарительниц. Помимо четырех вдов парижских буржуа, пятеро именовались, подобно Катрин Сегвин, “буржуазками”²³⁸. В актах других подгрупп мы не найдем этого термина, также как и того, чтобы дарительница выступала в акте самостоятельно, без упоминания о том, что она чья-то жена или вдова²³⁹ (это встречается лишь у дворян).

Указания на родственные связи встречаются редко. Единоутробным братом вдовы виконта был нотариус Шатле²⁴⁰, братом²⁴¹ и отцом “буржуа” названы сеньоры, зятем²⁴² — парижский буржуа-хирург. Подавляющее большинство дарений, адресовано по прямой линии, но три из них передают имущество внукам.

Кредиторы этой группы указывают крупные суммы от 250 до 450 ливров. А среднее значение для их 16 рент составляет примерно 25 ливров, что даже превосходит “дворянский” уровень. Как и дворяне, эти буржуа часто дарят натуральные ренты, в основном зерновые. Один из них дарит сыну ренту “деньгами и курами на земли, которые надо будет превратить в виноградники”²⁴³.

Парижские дома названы лишь в трех актах. Зато помимо сеньории наши буржуа дарят еще и такие престижные объекты дарения как лес, фермы, метерии, рыбный пруд, мельницу,

Итак, по объективным показателям эта подгруппа “буржуа” весьма близка к дворянам : высокая доля рент, их солидные размеры, крупные суммы

---

²³⁵ IRI. 430, 978, 2465.

²³⁶ IRI. 1184.

²³⁷ IRI. 1190.

²³⁸ IRI. 1190, 1538, 1861, 3232, 3543.

²³⁹ IRI. 1538.

²⁴⁰ IRI. 2185.

²⁴¹ IRI. 3232.

²⁴² IRI. 4262.

²⁴³ IRI. 4529.

упомянутых долговых обязательств, наличие “престижных” объектов недвижимости. Похоже, что если не все, то многие в этой подгруппе соответствовали представлению Кристины Пизанской и муниципальных документов XVI в. о “буржуа-рантье”. Отойдя от дел в конце жизни, такие горожане именовали себя просто “буржуа”. В эту подгруппу входили и вдовы купцов, свернувшие дела и жившие за счет доходов от недвижимости и рент. Возможно, что какую-то часть в ней составляли и дворяне, считавшие для себя выгодным пользоваться правами парижских буржуа²⁴⁴.

Буржуа “шести корпораций”. Мы уже знаем, что большой вес в Париже имели представители шести привилегированных корпораций: суконщиков, бакалейщиков, объединенных с 1484 г. с аптекарями²⁴⁵, галантерейщиков, меховщиков, колпачников (сменивших в 1541 г. менял) и ювелиров. Из их числа избирались эшевены, во время торжественных процессий они открывали шествие парижских буржуа²⁴⁶ и имели право нести королевский балдахин. В своих актах буржуа из числа “шести корпораций” могут иногда обходиться и без термина “купец”(marchand). “Благородство” их занятий объяснялось как спецификой объектов торговли (предметы роскоши), так и тем, что они не занимаются ручным трудом. Исключение составляли лишь ювелиры, но они издавна находились под личным покровительством короля.

Таблица № 17 В. Буржуа “Шести корпораций”

---

²⁴⁴ Такими выгодами были юридические и экономические привилегии, в частности, право продажи вина со своих участков без обложения.

²⁴⁵ Несмотря на объединение, старые корпорации сохраняли элементы автономии. Так, например, статуты аптекарей оговаривали особую процедуру принятия шедевра, на которой присутствовали доктора медицинского факультета университета (*Felibien M. Histoire de la ville de Paris. Paris, 1725. T. 2. P. 928*). Кстати, и представленные в нашем источнике акты свидетельствуют об особых связях аптекарей с университетом. Аптекарь Жан Пенеше в дарении назван также “университетским присяжным посланником” (*messenger-jurij de l’University. IRI. 4370, 4372*). Возможно, он выполнял также функции университетского банкира.

²⁴⁶ *Десимон Р. Варфоломеевская ночь и парижская “ритуальная революция” // Варфоломеевская ночь: Событие и споры . М., 2001. С. 138–189.*

Численный состав	47
<i>Индекс А</i> повторные дарения (вес признака)	17%
<i>Индекс В</i> Коллективные дарения	1
<i>Индекс Е</i> Упоминания о рентах (вес признака)	16 (34%)
Упоминания о долговых обязательствах	8
<i>Индекс G</i> неразделенные права на наследство	7
<i>Индекс Н</i> сеньориальные объекты	1
<i>Индекс I</i> огороды	-

Случалось, что в повторных актах менялся термин, характеризующий дарителя. Например, Фурри Песм в 1542 г. назван просто “парижским буржуа”, а в 1543 г. “купцом-суконщиком, парижским буржуа”²⁴⁷. Забегая вперед, отмечу, что некоторые суконщики, галантерейщики ювелиры, фигурирует в актах и без указания на то, что они буржуа. Следуя все тому же формальному подходу, я не включил их в данную группу, а рассматривал в рамках категорий VI и VII. Но как бы то ни было, те дарители из числа “шести корпораций”, что хотя бы один раз назвались “буржуа” именовались так и при повторных дарениях.

Большинство указанных в их актах родственников составляли провинциальные купцы и ремесленники. Свояк одного из ювелиров — прокурор Шатле²⁴⁸, другого — парижский мэтр-стеклодув, с которым он и составляет коллективное дарение.²⁴⁹ Брат суконщика Жана Пуле — уже знакомый нам санлисский каноник Адам Пуле²⁵⁰; свояк суконщика Николя Фуро²⁵¹ также хорошо нам известен — это предприимчивый адвокат Шарль Гюедон.

Они указывают довольно много рент, но их размеры невелики. Зато суммы расписок впечатляют: суконщик упомянул расписки виконта Аваллона на

---

²⁴⁷ IRI. 28, 1197.

²⁴⁸ IRI. 4725.

²⁴⁹ IRI. 4010.

²⁵⁰ IRI. 413, 662, 1564.

²⁵¹ IRI. 1555.

сумму в 241 и в 140 ливров, вдова ювелира – расписку некоей дамы²⁵² на 711 ливров. Мы не знаем, шла речь о долгах клиентов, зато в одном случае известно, что переданное суконщиком обязательство на сумму 210 ливров 10 су 10 денье является платой за поставку сукна другим купцам²⁵³. Кроме одной сеньории, других указаний на “престижные” объекты нет: они передают дома в Париже и провинции, земли, виноградники, луга, огороды, “сарай с прессом”, “домик с низкой кухней”. В семи актах передаются права на наследство без уточнения.

Буржуа “шести корпораций” производят странное впечатление: крупные кредиторы и мелкие рантье. Это может отражать специфику деятельности “буржуа”, имевших дело с предметами роскоши. Дарения студентам долговых обязательств призваны принудить могущественных клиентов платить по счетам. Но, возможно, подобное соотношение кредитов и рент отражает и общее положение купцов, для которых движимое имущество составляло основу богатства, оно еще не успело воплотиться в сеньориях, фермах и рентах.

Внутри этой подгруппы буржуа объекты дарения распределены неравномерно, что отражает *таблица № 17*.

На долю ювелиров приходится больше всего дарений неразделенных прав на наследство, они реже упоминают ренты и расписки. Зато только суконщики имели таких уважаемых родственников, как адвокат и каноник, суконщику же принадлежит единственная в этой группе рента сеньориального происхождения.

ТАБЛИЦА № 17 В*Буржуа “шести корпораций”

Группа	сукон щ ики	Ювелир ы	Аптекари - бакалейщ ики	Галанте рейщ ики	Мехов Щ ики	Колпач ни ки
Численный состав	1 7	14	9	4	2	1
<i>Индекс</i> повторные	<i>A</i> 4	2			<i>I</i>	<i>I</i>

²⁵² IRI. 4725.

²⁵³ IRI. 1438. Того же происхождения все расписки, упоминаемые суконщиком, поставляющим шелковую ткань; их размеры — 373, 127, и 91 ливр (IRI. 1955).

дарения						
<i>Индекс E</i> ренты	7	2	6	1		
Расписки	5	2			1	
<i>Индекс G</i> права на наследство		5	1			1
<i>Индекс H</i> сеньориальные объекты	1					

Интересно, что имущественная иерархия внутри этой подгруппы, выстроенная на основании случайной выборки статистически нерепрезентативных данных, совпадает с порядком следования парижан во время торжественных процессий. В середине XVI в. первыми шествовали суконщики, за ними аптекари-бакалейщики, а замыкали процессию ювелиры²⁵⁴.

“Купцы-буржуа” (*marchand et bourgeois de Paris*). Рене Гаскон полагал, что так называли тех, кто специализировался на кредитных операциях, так как термин “банкир”, общеупотребительный в Лионе, в Париже не был распространен²⁵⁵. Они составляют большинство в нашей пятой категории “буржуа”.

Таблица № 17 С. Парижские “купцы-буржуа”

Численный состав	103
<i>Индекс A</i> повторные дарения (вес признака)	9,7%
<i>Индекс B</i> Коллективные дарения	6
<i>Индекс E</i> Упоминания о рентах (вес признака)	27 (26%)
Упоминания о долговых обязательствах	17
<i>Индекс G</i> неразделенные права на наследство	13
<i>Индекс H</i> сеньориальные объекты	1
<i>Индекс I</i> Огороды	4

При достаточно большом числе актов, адресованных сыновьям и внукам (63 акта — 60 %) возрастает доля дарений братьям и кузенам. Среди их

²⁵⁴ *Bryant L. M. The King and City in Parisian Royal Entry Ceremony. Genève, 1986.*

²⁵⁵ *Histoire économique et sociale de la France. Paris, 1977. Т. 1. Р. 304.*

родственников – парижские и провинциальные купцы (14 актов), у двоих родственниками оказываются ремесленники, и еще у двоих – крестьяне. Есть среди их родни и судейские: брат одного из дарителей — клерк секретариата Шатле²⁵⁶, а свояк другого — сборщик²⁵⁷. Зять четы парижских “купцов-буржуа” — бывший королевский комиссар в Мелене²⁵⁸. Но сеньоров среди их родственников нет²⁵⁹.

В пользу гипотезы Гаскона говорит то, что “купцы-буржуа” выступают кредиторами провинциальных купцов. Так, один передает сыну обязательство купца из Оверни на сумму в 1076 ливров 8 су 6 денье, другой упоминает расписки купцов из Мондидье и Компьеня на общую сумму в 618 ливров 16 су²⁶⁰.

Трудно определить, являются ли эти расписки результатом кредитных операций “купцов-буржуа”, или остались от каких-то торговых сделок. Но ясно, что дарители и сами активно занимались торговлей. Тьак, в одном дарении речь идет о расписке на сумму в 25 ливров за продажу 10 тыс. яиц²⁶¹. Пьер Тюрпен, “купец-буржуа” составляет три дарения сыну-студенту, переводя на его имя расписки за поставки леса и дров, а также некоторые партии этого товара в портах на Йонне²⁶². Похоже, что “купцы-буржуа” были не столько

---

²⁵⁶ IRI. 147, 466.

²⁵⁷ IRI. 2405.

²⁵⁸ IRI. 2904.

²⁵⁹ Исключением может служить лишь Николя Ленорман, “купец-буржуа” чей сын Жан де Юре назван в другом акте племянником уже известной нам Катрин Сегвин, вдовы виконта. Но у нас нет твердой уверенности в том, что речь идет об одном и том же студенте IRI. 1107–1108.

²⁶⁰ IRI. 2179, 2360. Размеры остальных обязательств скромнее — расписка в 40 ливров некоего купца-бакалейщика из Сен-Дени (IRI. 4322), обязательство в 20 ливров, подписанное “перевозчиком по воде” (voiturier par eau) IRI. 1250, обязательства на сумму в 18 ливров 12 су и в 60 су, подписанные купцами из Мелена (IRI. 2556).

²⁶¹ IRI. 839.

²⁶² Столько же актов составил и его отец Антуан Тюрпен-старший, “мэтр мостов и парижский буржуа”, передавший внуку ренты и права на ведение судебной тяжбы IRI. 429, 669, 702, 955, 1139, 2058.

банкирами, сколько, оптовиками, способными выступить и в качестве кредиторов.

Что касается рент, то их средний размер невелик, около 5 ливров. Только в одном дарении речь шла о платежах сеньориального происхождения²⁶³. В другом дарении указывается своеобразная комбинированная рента: “6 ливров, 2 курицы и 6 цыплят, а также ценз в 6 денье за метерию близ Бримона”²⁶⁴. Но чаще всего среди объектов недвижимости называются виноградники, просто земли и огороды.

В целом купцы–буржуа явно уступают подгруппе “просто буржуа” (“буржуа-рантье”), но по многим показателям близки к “буржуа шести корпораций”.

Купцы-буржуа с указанной специализацией. Некоторые “купцы-буржуа” отмечали в актах характер своей торговли. Это относится, например, к четверым торговцам подержанным платьем (*fripier*), четверым виноторговцам, трем содержателям гостиниц (*marchands-hôteliers*), трем рыбникам и т.д.

Таблица № 17D **Купцы-буржуа с указанной специализацией.**

Численный состав	29
<i>Индекс А</i> повторные дарения (вес признака)	7%
<i>Индекс В</i> Коллективные дарения	3
<i>Индекс Е</i> Упоминания о рентах (вес признака)	12 (41%)
Упоминания о долговых обязательствах	4
<i>Индекс G</i> неразделенные права на наследство	6
<i>Индекс Н</i> сеньориальные объекты	-
<i>Индекс I</i> Огороды	3

Среди родственников дарителей преобладают купцы и ремесленники из провинции. В одном случае родственником “купца-фрипье”, (кстати, именованного в другом своем акте просто “купцом-буржуа”) оказывается сержант Шатле. Этот же купец-фрипье передает расписку на сумму в 227 ливров; другие расписки гораздо скромнее: виноторговец упоминает расписку на 12 ливров, а торговец свечами и светильниками передает права на взыскание

²⁶³ IRI. 4747.

²⁶⁴ IRI. 4031.

денег за поставку свечей и масла на сумму 9 ливров²⁶⁵. Но почему-то рент они указывают довольно много, правда размер их невелик, в среднем около 5 ливров. В качестве объектов недвижимости названы луга и огороды, земли и виноградники.

Здесь же упомянут и самый юный студент нашего корпуса. Жан Клере, купец-отелье (владелец гостиницы), парижский буржуа, передавал “права на дом близ Сен-Кантена своему сыну Жану Клере, девяти лет отроду”²⁶⁶.

“Мэтры-буржуа”. Последнюю подгруппу парижских буржуа составляют мэтры-ремесленники. Среди них было двое портных (*tailleur des robes*), двое каменщиков, один из которых гордо именовался “мэтр, каменных дел бакалавр” (*bachelier is ouvrages de mazonnerie*)²⁶⁷, два столяра, два хирурга и др.

Таблица № 17Е. Мэтры-буржуа

Численный состав	24
<i>Индекс А</i> повторные дарения (вес признака)	12,5%
<i>Индекс В</i> Коллективные дарения	2
<i>Индекс Е</i> Упоминания о рентах (вес признака)	4 (16%)
Упоминания о долговых обязательствах	4
<i>Индекс G</i> неразделенные права на наследство	7
<i>Индекс Н</i> сеньориальные объекты	-
<i>Индекс I</i> Огороды	3

Их родственниками были, судя по актам, в основном парижские и провинциальные ремесленники. Мы уже знаем, что сыном “мэтра мостов” (подрядчика?) Антуана Тюрпена, был парижский “купец-буржуа”, торгующий лесом.

Буржуа Жан Барб, мэтр-портной и стригальщик (*tondeur*), его жена Мишель Робер, от своего имени и от имени Жака Робера, купца-мясника, проживающего в Фай-о-Лож, что в Орлеанском лесу, их шурина и брата, дарят студенту Филиппу Барбу, их сыну право на наследство их деда Матюрена Робера, сапожника из Шиль-о-Буа, что близ Орлеана. Через два года тот же Жан

²⁶⁵ IRI. 688.

²⁶⁶ IRI. 2756.

²⁶⁷ IRI. 1521.

Барб, названный уже “парижским буржуа, мэтром-стригальщиком” (*maître tondeur de grande force*²⁶⁸), перевел свои права на наследство тещи, жены крестьянина из Шиль-о-Буа, Жана Робера. Четыре поколения семьи Роберов из Орлеаннэ являет пример социальной мобильности: у сапожника из Шийя сын-землепашец, внук - мясник из соседнего городка, внучка — жена парижского буржуа, владельца мастерской по выделке сукон, и, наконец, правнук — студент²⁶⁹.

Долговые обязательства этой группы очевидно являются счетами за оказанные услуги : портной передает расписку графа Даммартена на сумму 139 ливров “за покупку четырех суконных платьев”²⁷⁰, один из хирургов отмечает расписку на 15 экю²⁷¹, другой — обязательство в 8 экю²⁷². 10 ливров 10 су должен выплатить мэтру-каменщику купец из Морти²⁷³. Получить по этим счетам мэтры надеялись лишь при помощи университетских привилегий.

Недвижимое имущество упоминается реже, чем у предшествующих подгрупп буржуа. Семеро дарителей (почти треть) передают студентам неразделенные права на наследство. Можно предположить, что “мэтры-буржуа” занимали низшую ступень в иерархии парижских буржуа.

Анализ 235 дарений парижских буржуа показал, что за различиями в терминологии скрывались вполне реальные различия в положении дарителей. Наиболее состоятельными оказываются парижане, обозначившие себя просто как “буржуа” (буржуа-рантье), далее идут “купцы-буржуа” и “буржуа шести корпораций”, причем последняя группа предстает иерархичной: суконщики явно занимают в ней наилучшее положение, а следом за ними идут

---

²⁶⁸ Один из словарей в качестве одного из устаревших значений этого слова дает термин "ножницы" (Darmsteter A, Nthomas H. Dictionnaire gйnйrale de la langue franзais. Paris, 1890-1930). Эти сведения мне любезно подсказала Е.Н.Кириллова. Но данный термин может относиться как к производственному процессу, так и к объему производства

²⁶⁹ IRI. 2260, 2803

²⁷⁰ IRI. 31.

²⁷¹ IRI. 3279.

²⁷² IRI. 400.

²⁷³ IRI. 1521.

бакалейщики-аптекари. Буржуа -купцы с указанной специализацией неплохо обеспечены рентами, но демонстрируют и признаки приниженности. Относительная приниженность подгруппы “мэтров-буржуа” уже вполне очевидна.

В нашем корпусе численность первых трех подгрупп буржуа значительно больше, чем двух последних, тогда как в действительности соотношение между ними, скорее всего, было иным. Но границы между подгруппами не были слишком жесткими и значения индексов “престижности и приниженности” изменяются плавно от одной подгруппы к другой. Характерно, что высокая доля дарений по прямой линии (60-70 %) остается стабильной для всех групп парижских “буржуа”. В целом парижские буржуа выглядят более однородной категорией, чем все прочие.

Категория 6А. “ПАРИЖСКИЕ ТОРГОВЦЫ”, НЕ НАЗВАВШИЕ СЕБЯ “БУРЖУА”

Терминологическая случайность или объективная реальность? — Адрес как социальный индикатор. — Казус книгопродавца Пассе. — Скорее лавочники, чем негоцианты.

85 парижан обозначают себя в дарениях как “marchand” (купцы или торговцы), обходясь при этом без термина “буржуа”. Среди них есть представители специальностей, еще не встречавшихся нам: мясники, пекари²⁷⁴, лошадиные барышники (courtiers des chevaux), кошельники, шорники, зеленщики. Но есть и дарители, не отличавшиеся от “буржуа” по своим занятиям — виноторговцы, книгопродавцы, рыбники, просто “парижские купцы” и даже те, кто мог бы входить в число “шести корпораций”: семь колпачников, галантерейщик, ювелир, и суконщик, занятый в производстве (drapier drappant)²⁷⁵.

Мы предположили, что употребление термина “буржуа” было знаковым. Но, как мы уже убедились, для чиновников и судейских такое оно было фактом личного выбора, как и указание на обладание университетской степенью.

---

²⁷⁴ К этой группе я отнес тех мясников и пекарей, которые обозначены как “торгующие” — marchands. При отсутствии этого определения мясники и пекари относились мной к категории ремесленников.

²⁷⁵ IRI. 2538.

Может быть, и для прочих горожан именованье “буржуа” зависело от прихоти составителя акта или нотариуса, а потому было случайным? Ведь по убеждению большинства историков, статус парижского буржуа был максимально открыт. Поэтому велика вероятность того, что отсутствие термина “буржуа” было вызвано случайными причинами, и, выделенная по числу формальному критерию, эта категория не имела никакого реального содержания, была фиктивной.

Таблица № 18 парижские торговцы-не буржуа

Численный состав	85
<i>Индекс А</i> повторные дарения (вес признака)	2%
<i>Индекс В</i> Коллективные дарения	
<i>Индекс Е</i> Упоминания о рентах (вес признака)	9(10)
Упоминания о долговых обязательствах	6
<i>Индекс G</i> неразделенные. права на наследство	19
<i>Индекс Н</i> сеньориальные объекты	-
<i>Индекс I</i> огороды	18

Существенное отличие этой категории от “буржуа” видно прежде всего в отсутствие повторных дарений. Еще одно различие заключалось в обилии актов с уточнением адреса дарителя. Например, “Валентин Робэ, парижский торговец-зеленщик (fruitier), проживающий на улице Сен-Мартен, прямо против церкви Сен-Николя-де-Шан”²⁷⁶. Доля таких актов у парижских буржуа она составляла 12 %, а у судейских - 9 %. Но в данной группе, адреса указывает большинство (67 %) дарителей. Вспоминаются слова Барбары Дифендорф: “Ремесленники и небогатые купцы указывали в нотариальных контрактах свою улицу или приход, тогда как королевские чиновники чаще ограничивались формулой: “в Париже”, что делает этот источник малопродуктивным для изучения расселения городской элиты”²⁷⁷.

Офисье или буржуа, передавая студенту дом, старательно описывали его местонахождение, указывая улицу, близлежащую церковь, а иногда еще и

²⁷⁶ IRI. 2422.

²⁷⁷ Diefendorf B. Paris city councilors in the Sixteenth century: The politics of patrimony. Princeton, 1983.

вывеску на доме. Но уточнять свой собственный адрес он не считал необходимым: он был человеком известным и уважаемым в городе или, по крайней мере, в квартале, не то, что простой зеленщик! Похоже, что мы получили еще один *индекс приниженности* парижан — рост числа актов с уточнением адреса дарителя.

Дарений по прямой линии – чуть больше половины, в этом они уступают судейским и “буржуа”. Социальные связи этих дарителей весьма неоднородны — 17 из них указывали в актах родственников одного с ними круга: парижских и провинциальных торговцев и ремесленников. Восемь человек оказались связаны с крестьянами, подмастерьями, слугами. Но попадались среди родственников и более солидные персоны — священник²⁷⁸, а брат одного из виноторговцев держал школу письма в Орлеане²⁷⁹.

Есть и указания на родство с судейскими, но примечательно, что их мы можем найти лишь в актах тех, кто мог бы претендовать на место среди членов “шести корпораций”, если бы именовался “буржуа”: свояком суконщика-шоссетье был уже известный нам элю Антуан де Валь²⁸⁰, тетка другого суконщика-шоссетье была замужем за стряпчим-прокурором из Буржа²⁸¹, сестра еще одного суконщика (*drapier drappant*) была женой провинциального стряпчего, тетка колпачника была замужем за мэром городка Марвиль²⁸².

Особый интерес представляют акты книгопродавца (*marchand-libraire*) Гийома Пассе, единственного, кто составил более одного акта. В 1541 г. Гийом Пассе, проживающий на холме Сент-Илэр, совместно с сестрой Мартой, дарят права на наследство отца, Жана Пассе, студенту Франсуа Бери, их брату с материнской стороны. Через год Гийом Пассе, проживающий на улице д’Экосс, дарит ему же ренту в 25 су на виноградники близ Орлеана. И, наконец, в 1545 г. все тот же Бери получает дарственную от Гийома Пассе, Жана Бланшара, подмастерья портного, проживающего на улице Омер, и Марты Пассе, его жены. Они передают студенту свои права на наследство Жана Пассе, по

---

²⁷⁸ IRI. 114, 3659.

²⁷⁹ IRI. 601. (*tenant l’йcole a l’écriture d’Orlyans*)

²⁸⁰ IRI. 2555.

²⁸¹ IRI,709.

²⁸² IRI. 1623.

прозвищу Барбье, проживающего в Неви и Жана Пассе, по прозвищу Барбье, книгопродавца и типографа, их отца, включая дома, земли и виноградники в Неви и Булей²⁸³.

Можно прочитать эти акты как процесс социальной деградации: брак дочери книгопродавца-типографа с подмастерьем похож на мезальянс. Оказавшиеся в тяжелых материальных условиях Гийом и Марта, связывали с университетской карьерой своего единоутробного брата все надежды, ради которых наследственные земли семьи Пассе переходили в руки Бери. Ведь несмотря на то, что в отличие от прочих парижских торговцев, Пассе составил целых три акта, его дарения не свидетельствуют о процветании семьи. Однако, возможно и другое прочтение: брак Марты Пассе мог быть и не таким уж мезальянсом. Ведь ни Жан, ни Гийом Пассе, ни его отец Жан Пассе по прозвищу Барбье, ни разу не фигурировали в выходных данных парижских изданий²⁸⁴. Это означает, что они не предпринимали изданий за свой счет, оставаясь либо ремесленниками, выполнявшими заказы, либо торговцами розничного типа, в то время как подмастерье Бланшар, видимо, был молод и еще вполне мог стать мэтром-портным, сровнявшись, а то и превзойдя в статусе свояка и покойного тестя.²⁸⁵ Стремясь защитить свое имущество от претензий прочих наследников, Гийом Пассе, его сестра и ее муж обращаются к своему родственнику-студенту.

Те редкие ренты, которые упоминают эти парижские торговцы, весьма невелики²⁸⁶. Самой крупной является рента в 10 ливров, которую даритель должен взыскать с дуэра своей тещи²⁸⁷. Суммы расписок также скромны от 10

---

²⁸³ IRI. 402, 638, 2030.

²⁸⁴ *Renouard Ph.* Documents sur les imprimeurs, libraires, cartiers, graveurs ... ayant exercé à Paris de 1450 à 1600. Paris, 1901; *Idem.* Répertoire des imprimeurs parisiens, libraires, fondeurs de caractères d'imprimerie... Paris, 1965..

²⁸⁵ В публикации Куайака упомянут некий Жан Бланшар, портной с улицы Муфтар (*Coyecque E.* Recueil d'actes notariés relatifs à l'histoire de Paris. Paris, 1905. Vol. 1).

²⁸⁶ в 8 су на дом в Этампе, (IRI. 1085) 25 су на виноградники (IRI. 638)

²⁸⁷ IRI. 3987.

до 20 ливров, или без уточнения : “некие суммы, как по распискам, так и без оных”²⁸⁸.

Среди объектов недвижимости преобладают дома и виноградники.²⁸⁹ Книготорговец Мишель Лефе, женатый на вдове возчика (voiturier par terre), передает пасынку дом в предместье Сен-Виктор с залом для игры в мяч²⁹⁰. Устройство площадок для этой игры, вошедшей в моду в XVI в., давало доход сотням парижан. Но в том же акте указывается движимое имущество и утварь (ustansile), что как мы помним, служит показателем приниженности (*Индекс К*). Другим таким индексом приниженности этой группы служит большое число дарений неразделенных прав на наследство.

Таким образом, целый ряд объективных показателей свидетельствует о том, что отсутствие в актах термина “буржуа” рядом с именем дарителя не было случайным. Группа парижских торговцев разительно отличается от категории “буржуа”: исчезают повторные дарения, возрастает число коллективных дарений и дарений неразделенных прав на наследство, сокращается доля упоминаний о рентах и расписках. Кроме того, мы обнаружили еще один показатель — склонность к упоминанию своего точного парижского адреса. Кстати, подгруппа торговцев, не указавших свой адрес (28 человек), выглядит несколько состоятельнее — у них чуть выше доля дарений рент и долговых обязательств и меньше дарений неразделенных прав на наследство.

В целом торговцы, не упомянувшие о том, что они “буржуа”, даже те из них, кто по своим занятиям вполне мог бы принадлежать к представителям “шести корпораций”, более походят на лавочников, чем на оптовиков-негоциантов.

Категория 7А . ПАРИЖСКИЕ РЕМЕСЛЕННИКИ

Мэтры и прочие. — Нарастание индексов приниженности. — Счета за поставки. — Пекари из предместий. — Дом близ сточной канавы.

Напомню еще раз, что к этой категории дарители причислялись мной не по профессиональному признаку. Определяющим было отсутствие термина

---

²⁸⁸ IRI. 1057. Лишь один кожевник упоминает об обязательстве на относительно крупную сумму в 90 ливров, но оно досталось ему в наследство от родственника — священника..

²⁸⁹ Лишь дин из “купцов-стригальщиков” передает сыну мельницу в бальяже Перш IRI. 4367.

²⁹⁰ IRI. 41.

“marchand”, понимаемого в качестве социального маркера. На самом деле многие из этих “ремесленников” занимались торговлей, равно как “купцы” могли заниматься непосредственно ремеслом.

Таблица № 19 парижские торговцы-не буржуа

Численный состав	138
<i>Индекс А</i> повторные дарения (вес признака)	(-3%)
<i>Индекс В</i> Коллективные дарения	
<i>Индекс Е</i> Упоминания о рентах (вес признака)	7
Упоминания о долговых обязательствах	8
<i>Индекс G</i> неразделенные. права на наследство	43
<i>Индекс Н</i> сеньориальные объекты	-
<i>Индекс I</i> огороды	8

Ремесленники, также как и торговцы, часто указывали свой адрес (79 человек из 138). При том, что индекс *индекс А* у них отрицателен, *индекс В* (участие в коллективных дарениях) велик.

47 ремесленников названы “мэтрами”. Если среди “мэтров” доля тех, кто указал свой адрес, составляет 46%, то среди остальных ремесленников этот показатель существенно выше (71%).

Дарения, адресованные детям и внукам, составляют, как и у других парижан, примерно половину всех актов. Есть и довольно редкий случай: дарение, адресованное племянником дяде-студенту. Особого упоминания заслуживает акт Паскье де Лада, седельщика, живущего близ ворот Сен-Жак. Он дарит права на имущество тестя и тещи студенту Антуану де Лассаль и его жене Жошен Брейе, которые приходятся ему свояком и свояченицей²⁹¹. Это единственный случай упоминания о женатом студенте. Антуан де Лассаль мог быть бакалавром медицинского факультета, где к тому времени celibat для преподавателей был уже не обязателен. Но, возможно, он был каким-нибудь “подданным” университета: педелем, писарем, присяжным книгопродавцем и т. д.

²⁹¹ IRI. 4608.

Многие исследователи отмечают свойственную ремесленникам XVI в. склонность к эндогамии²⁹². Это хорошо подтверждают наши акты: возчик составляет акт совместно с братом-каретником²⁹³, лодочник (*voiturier par eau*) объединился со свояком — мэтром рыбаком (*maitre pecheur a verge*)²⁹⁴.

Отец типографа, то есть представителя сравнительно новой отрасли, был крестьянином²⁹⁵, что заставляет вспомнить акты книгопродавца Гийома Пассе. Кстати, все семеро других ремесленников, упомянувших о своих родственниках-крестьянах, указали в дарениях свой точный парижский адрес.

Ремесленники оказываются также связаны со слугами, чего прежде мы не встречали. Парижский мэтр, изготавливавший пояса, составляет дарение совместно с братьями — торговцем бумагой и слугой какого-то дворянина²⁹⁶; дядя портного был садовником господина де Ля Пойе²⁹⁷. Свояком пекаря из предместья Сен-Лоран был парижский поденщик (*mainouvrier*)²⁹⁸. Реже речь шла о родственных связях в мире чиновников: у мэтра-шоссетье братом был “сержант с жезлом”²⁹⁹, свояком мэтра-футлярщика был тот самый “*cribleur de blé*”, которого я отнес к муниципальным чиновникам³⁰⁰. Но в целом доля родственных связей с представителями слоев, расположенных по своему статусу ниже уровня самих дарителей, явно превышает процент указаний о наличии родственников в более высоком социальном слое.

---

²⁹² См. например, исследования, посвященные Дижону: *Farr J. R. Hands of Honor: Artisans and their world in Dijon, 1550-1650. Itaca; London, 1988. P. 262; Holt M. Popular political culture and mayoral elections in sixteenth-century Dijon // Society and Institution in Early Modern France: Essays presented to J. Russel Major. Georgetown, 1991; Idem. Wine, community and Reformation in sixteenth-century Burgundy // Past and Present. 1993. N 138 (février). P. 58–93.*

²⁹³ IRI. 2855.

²⁹⁴ IRI. 3594. См. также IRI. 1087; 2502, 3049

²⁹⁵ IRI. 4681.

²⁹⁶ IRI. 4211.

²⁹⁷ IRI. 2587.

²⁹⁸ IRI. 1835.

²⁹⁹ IRI. 1366.

³⁰⁰ IRI. 67.

Расписки ремесленников, как и у мэтров-буржуа, часто являются неоплаченными счетами клиентов. Мэтр-слесарь Гийом де Фуа отражает в своем дарении довольно крупную сделку: он передает сыну расписку на сумму в 25 экю, выданных на транспортные расходы слесарю из Бомон-сюр-Уаз, которому даритель поручил доставить в Англию 500 заготовок для арбалетов (arbiers d'arbalite) и партию "шляп" (chapeaux), возможно так назывались также какие-нибудь детали вооружения³⁰¹. Расписку на 70 ливров упоминает мэтр-позументщик среди прочих объектов дарения, призванного расквитаться с посторонним студентом. Кровельщик переводит сыну помимо прочего 350 ливров, которые ему должны выплатить за кровельные работы³⁰², счета за свою работу передает и каретник из предместья Сен-Марсель³⁰³.

Дени Алабарб, пекарь, из предместья Сен-Марсель, дарит сыну ренту в 8 ливров, выплачиваемую его братом-землепашцем из Нормандии, который задолжал дарителю также сумму в 8 ливров и 72 локтя льняного полотна³⁰⁴.

При том, что и расписок и рент ремесленники упоминают мало, мэтры-ремесленники (независимо от того, указали они свой адрес или нет), указывают их чаще других. Так, 4 парижских ливра должен выплачивать мэтру-пекарю некий шевалье³⁰⁵. Уже знакомый нам мэтр позументщик в дарении постороннему студенту упоминает ренту в 25 ливров, конституированную на своего родственника³⁰⁶. Однако самую крупную ренту упоминает ломовой извозчик: 421 ливр 10 су "ренты на частных лиц" (sur les particuliers)³⁰⁷.

Но очевидно, что среди прочих дарителей-ремесленников своей активностью выделяются пекари. Пекарь-булочник в Париже всегда был заметной фигурой, он пользовался в народе репутацией неумолимого кредитора, и подозревался в

---

³⁰¹ IRI. 962.

³⁰² IRI. 4889.

³⁰³ IRI. 1698.

³⁰⁴ IRI. 4609.

³⁰⁵ IRI. 4779.

³⁰⁶ IRI. 5126.

³⁰⁷ IRI. 5306.

незаконных махинациях³⁰⁸, служил мишенью для расправы во время народных волнений. Кстати, среди парижских ремесленников, зарегистрировавших дарения студентам, пекари составляли самый большой отряд — 10 человек; кроме того, еще трое marchand-boulangers были причислены мной к предыдущей категории. На втором месте по числу упоминаний идут портные: 7 мужских (tailleur de robes), 5 дамских (couturier), далее идут шестеро возчиков (voiturier par terre), к которым можно прибавить также ломового извозчика (hasquetier), пятеро плотников, пятеро чесальщиков шерсти, четверо каменотесов и три каменщика, четверо типографов.

Передаваемые дома по большей части были расположены в провинции — в селах и городках. На парижские дома указывают шестеро дарителей, но это именно те дома, в которых живут сами ремесленники. И только один них упоминает сразу два дома. Ломовой извозчик — перевозчик гипса, проживал на улице Круа, близ Понт-о-Биш (“моста с ланями”). Он передает сыну-студенту дом из двух корпусов с садом на улице Круа, примыкающий к стенам приорства Сен-Мартен-де-Шан и дом напротив городских стен между воротами Тампль и Сен-Мартен, примыкающий к сточной канаве (egoutz)³⁰⁹. Видимо, “мост с ланями”, близ которого жил сам даритель, был мостом через сточную канаву.

Но самым распространенным видом дарения среди ремесленников была передача неразделенных прав на наследство. Ее осуществило свыше трети ремесленников, что намного больше, чем у прочих горожан. Выше у них была и доля дарений посторонним студентам. Порой ремесленники заявляют со своим желанием “расквитаться” с ними за некие услуги. В одном из таких актов мотивы дарения прояснены с подкупающей откровенностью. Портной Пьер Перше дарит студенту Тома Лемуану права на возбуждение иска (des droits et actions a exhercer) против отца - Рене Перше, поскольку “указанный Пьер Перше считает, что не к его чести было бы возбуждать иск против собственного отца”³¹⁰.

---

³⁰⁸ *Versoris N.* Livre de raison de Me Nicolas Versoris, avocat au Parlement de Paris, 1519-1530 / Ed. G. Fagniez // *Mémoires de la Société de l'histoire de Paris et de l'Ile-de-France*. 1885. Т. 12. P. 99–222.

³⁰⁹ IRI. 5306.

³¹⁰ IRI. 2587.

В целом группа ремесленников демонстрирует полный набор признаков приниженности.

Как и следовало ожидать, в более выгодном положении по отношению ко всей группе оказываются дарители, названные “мэтрами”. Дарители, указавшие свой точный адрес, кажутся чуть беднее тех, кто свой адрес опустил. Но как и в предыдущей группе, эти различия представлены в виде слабой тенденции.

Теперь, наконец, оставим Париж и обратимся к провинциальным дарителям.

Б. ПРОВИНЦИАЛЫ

Географический ареал

В Шатле зарегистрировали свои дарения 161 провинциал из числа буржуа, купцов и ремесленников. По числу дарителей лидирует город Санс — 6 человек (в ту пору это была церковная митрополия). Далее идут Амьен и Мо (по 5 дарителей). По 4 - в Орлеане, Труа и в Сен-Дени – “спутнике” Парижа (вспомним того сержанта Шатле, который также был буржуа Сен-Дени). По три дарителя отмечено в Санлисе, Этампе, Монтаржи; по два - в городах Невер, Бове, Мант, Эперне, Шартр, Мулен-Энгельберт, Монтро-Фот-Йонн. По одному в таких крупных центрах, как Руан, Суассон, Реймс, Оссер, Бурж, Тур, Блуа. Остальные (свыше 100 человек) были уроженцами мелких и средних городов и сел.

Дарителями могли выступать и жители таких отдаленных от Парижа провинций, как Маконнэ, Форэ, Лангедок, есть даже купец из далекого Лиссабона³¹¹. Но большую часть дарений составили жители Иль-де-Франса (39,5%). Следом идут выходцы из Шампани, проживавшие в основном по берегам Йонны, Сены и Марны (18%). 15% составляют жители Орлеаннэ (за счет жителей Шартрского диоцеза и плато Бос). 9% приходится на обитателей прочих Луарских областей — Турени, Берри, Нивернэ, Форэ. Выходцы из Пикардии составляют 5% и 2,5% — из Бургундии. По одному дарению

---

³¹¹ он дарит студенту, сыну брата, права на наследство сестры — жены парижского мэтра-каменщика IRI. 2967.

приходится на Нормандию и Мэн. Зона происхождения дарителей, совпадает в основных чертах с зоной юрисдикции Парижского парламента. Конечно, сфера юрисдикции Шатле была гораздо уже, ограничиваясь частью современного Иль-де-Франса. Но может быть, мы имеем дело с особой юридической зоной, в которой дарители уже выработали привычку апеллировать в парламент Парижа? Внутри этой зоны явное преобладание имеют районы, связанные с Парижем речной сетью — города по Уазе, Йонне, Марне, Сене. Области Востока и Северо-Востока по своим экономическим связям с Парижем и по роли в иммиграционном потоке в столицу издавна превосходили влияние прочих областей Франции.³¹²

Категория 5Б. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ БУРЖУА.

Респектабельные дарители. — Щедрый Антуан Куртуаз. — Лесной заказник с изгородью из боярышника. — Яблони сорта “Бонди”.

Провинциалов, обозначивших себя как “буржуа”, мало — всего 17 дарителей. Это семеро “просто” буржуа, составивших в общей сложности 12 актов и десять “купцов-буржуа”, составивших 19 актов. Столь высокое число повторных дарений обеспечено этой группе за счет Антуана Куртуазы, купца-буржуа из Мулен-Энгельберта, который составил в один день — 28 декабря 1547 г. — сразу семь дарений³¹³, лишь немного уступив “рекорду” экуйе Луи де Призи. Но в любом случае, дарения провинциальных “буржуа” демонстрируют ряд “индексов престижности”, в их числе много дарений по прямой линии (75% — 14 случаев), отсутствие коллективных дарений, сравнительно высокий статус упомянутых родственников. Дядя купца-буржуа из Жьена — каноник того же города, свояк купца-буржуа из Монтаржи — кантор собора в Сансе, а дед жены буржуа из Санса — королевский прокурор в Эрви-Ле-Шатель.

---

³¹² Любой купец, привозящий товары в Париж по Сене, обязан был взять себе в компаньоны кого-нибудь из парижских буржуа и зарегистрировать эту “компанию” в муниципалитете. Сохранившийся регистр этих сделок дает представление о характере торговых связей Парижа. См.: *Le Registre des compagnies franzaises (1449–1467)* / Ed. J. Favier. Paris, 1977.

³¹³ IRI. 1634-1640.

В десяти актах упоминаются долговые расписки на суммы, чей средний размер составляет сумма в 70 ливров, что примерно соответствовало уровню парижских “купцов-буржуа”. Шестеро передают ренты. .

Среди многочисленных дарений Антуана Куртуаза, передающего сыну луга, и виноградники, упоминается также некая рента, которую местный кюре должен выплачивать пшеницей со своей десятины, а расписка на 30 ливров, каноника собора Сен-Мартен в Кламси за аренду дома, огорода и виноградника в этом городе. Среди объектов дарения можно встретить и такие престижные виды недвижимости, как фьеф³¹⁴ и лес³¹⁵. Буржуа из Орлеана упоминает лес с заказником (garenne), он же передает права на ведение процесса против Жана и Жака Гольше, разрушивших насыпь и уничтоживших кусты боярышника, закупленные для того, “чтобы оградить указанный лес и заказник”³¹⁶.

В прочих дарениях указываются деревенские дома, луга, земли, сад, виноградники. Обстоятельно, как человек, близкий к земле, перечисляет объекты дарения Жак Кэн, санлисский буржуа: зерновая и денежная ренты, долговые расписки, а также виноградники и земля с “некоторыми специальными фруктовыми деревьями (arbres fruitiers spécifiques), такими как яблони сорта “Бонди”, персик, вишни, груша сорта “Кузен”³¹⁷.

Если не считать обстоятельства в описании земель и связанных с ними тяжб, то провинциалы этой группы сопоставимы с парижскими “буржуа” и даже “буржуа-рантье”. Тем более, что одно из дарений³¹⁸ составлено “буржуазкой” (bourgeoise) Шартра. Вспомним, что в женском роде употребление этого термина отмечалось только в высшей подгруппе парижских “буржуа”.

Категория Б. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ КУПЦЫ.

Престижные родственники и богатые дарения.— Лошадь под муаровой попоной Пьера Клемана. — Дело о ереси. — Скорее негоцианты, чем лавочники.

---

³¹⁴ IRI. 1693.

³¹⁵ portion d’une coupe de bois de haute futaille IRI. 315.

³¹⁶ IRI. 1745.

³¹⁷ IRI. 3212, 313.

³¹⁸ IRI. 2079.

По сравнению с “буржуа” купцов, обошедшихся при составлении актов без этого термина, среди провинциалов было несопоставимо больше — 108 человек, составивших 122 дарения.

Таблица № 19 провинциальные торговцы

Численный состав	108
<i>Индекс А</i> повторные дарения (вес признака)	(13%)
<i>Индекс В</i> Коллективные дарения	
<i>Индекс Е</i> Упоминания о рентах (вес признака)	30 (27%)
Упоминания о долговых обязательствах	29
<i>Индекс G</i> неразделенные. права на наследство	
<i>Индекс Н</i> сеньориальные объекты	5
<i>Индекс I</i> огороды	5

Они обозначены просто как “купцы”, и только 19 дарителей указывают специализацию своей деятельности. Среди них суконщики, один из которых назван “*drapier drappant*”³¹⁹, шоссетье, купец-сайетье (*sayetier*)³²⁰, бакалейщик, галантерейщика, колпачник, то есть те, кого в Париже отнесли бы к числу представителей “шести корпораций”. Но есть также мясники, пекари, купцы-бондари, содержатель гостиницы, купец-кузнец, купец-котельщик.

Один из купцов, Пьер Дебре из Невера, именуется также сеньором³²¹, в других дарениях передается фьефы благородном держании³²², сеньории и фермы, земли и сеньория³²³. Это, безусловно, свидетельствует о высоком социальном престиже данной группы. Доля дарений по прямой линии здесь,

³¹⁹ IRI. 1160.

³²⁰ Сайета — род ткани из смеси шерсти и шелка. В анализируемом акте (IRI. 5255) купец-сайетье из Амьена передает сыну ренту в 25 ливров, составляющую часть наследства его брата — бакалавра теологии. Производство сайеты, действительно, было распространено исключительно в Пикардии. Правда, это явление относят к XVII в. См.: Histoire de la France urbaine. Paris, 1981. Т. 3. Р. 325.

³²¹ IRI. 5044.

³²² IRI. 1430. 3420.

³²³ IRI. 245. 2672

однако, была меньшей, чем в уважаемых группах парижан — 55 актов (51%). Но провинциальные купцы “не-буржуа” отличаются от аналогичной парижской группы уровнем социальных связей: лишь однажды говорится о представителе “низшей” категории:³²⁴, в четырех случаях родственниками были судейские, а в десяти актах братьями, кузенами и свояками провинциальных купцов названы представители мира церкви — от простых священников, викария и капеллана до каноников и декана одной из парижских церквей.

Провинциальные купцы нередко выступают как кредиторы. Наиболее типичной для этой группы следует признать расписку на сумму 18 ливров³²⁵. Эта величина достаточно скромная, но провинциальные купцы все же производят впечатление активных кредиторов. Часть расписок является результатом различных торговых сделок. Так, например, Жан Пассаже, купец из Бриерра, что близ Мена-на-Луаре, передает сыну долговые обязательства “как в деньгах, так и натурой, в частности, на дюжину грабов, два дуба и 26 фунтов конопли — наполовину из мужских, наполовину из женских растений”³²⁶. В другой расписке речь идет о 64 су за продажу упряжи³²⁷. Симон Беранже передает племяннику четверть суммы, которую ему должны купцы, вошедшие с ним в компанию для рубки леса у сеньора де Вьемезон³²⁸. Еще одну расписку за поставку партии леса передает купец из Пуату³²⁹. В другом дарении говорится об улаживании расчетов между купцами из Манта, объединившимися для торговли вином³³⁰.

Купцы могут выступать в актах и как ростовщики. Один из них передает расписки за продажу вина и за займы денег³³¹. Пьер Фагот, купец из Тоннера,

---

³²⁴ Купец из Шони Бодо Беранже составил дарение племяннику совместно с сестрой и ее мужем-поденщиком из Бомон-ан-Бьена IRI. 534.

³²⁵ Самое крупное обязательство на сумму 435 ливров образовано из задолженностей по рентам, выплачиваемым архидьяконом Мелена, а самое мелкое исчисляется всего одним экю.

³²⁶ 26 livres de chanvre moitié mble moitié femelle. IRI. 2728.

³²⁷ IRI. 3420.

³²⁸ IRI. 2300.

³²⁹ IRI. 542.

³³⁰ IRI. 337.

³³¹ “pour vente de vin et prkt d’argen”t IRI 1960.

упоминает расписки различных жителей окрестных городков и деревень на мелкие суммы: в частности, 4 ливра, 7 су и 6 денье ему должен иконописец (imagier) Филипп Жермен³³². Их должниками выступают также дьякон, каноник, сеньор, купцы и ремесленники³³³.

В группе провинциальные купцов, так же как и у провинциальных “буржуа” упоминаний о расписках примерно столько же, сколько упоминаний о рентах. В основном речь идет о рентах, выплачиваемых пшеницей, рожью, ячменем, овсом. Санлисский купец уточняет, что речь идет о пшенице “хорошего качества, годной к продаже, сухой и чистой, измеренной мерой Санлиса”³³⁴. Денежное выражение указано лишь в восьми актах, поэтому средняя величина — 33 ливра — может оказаться чистой случайностью. Но очевидно, что в этой группе доля упоминаний о рентах в три раза выше, чем среди парижских торговцев.

Среди объектов недвижимости часто указываются дома, как деревенские, так и городские, как правило, расположенных в том же городе, где жил сам даритель. В 15 случаях упомянуты “земли”, но “виноградники” названы лишь в пяти актах, что отличает этих дарителей от парижан, которые, часто одаривали студентов именно виноградниками, расположенными вблизи столицы. Помимо сеньорий среди престижных объектов недвижимости упомянуты ферма, метерии, мельница, лес, хлев при скотобойне³³⁵ и “место, на котором должна будет разместиться дубильная или сукновальная мельница” (auquel u a place pour faire moulin a fouller draps ou battre tan)³³⁶. Еще одно отличие от парижан состоит в том, что провинциальные купцы часто передают движимое имущество — мюиды вина, сетье зерна, урожай, пару быков с ярмом и повозкой³³⁷ и др.

Акты купца из Мо Пьера Клемана могут служить любопытной иллюстрацией многообразной деятельности этих дарителей. С 1542 по 1544 год он адресует

---

³³² IRI. 1485.

³³³ IRI. 2672; 865; 544; 946, 2300, 2070, 1485, 2082.

³³⁴ IRI. 4420.

³³⁵ IRI. 4664; . 893, 3365; 4764, 4420; 1499; 1489;

³³⁶ IRI. 2245.

³³⁷ IRI. 629; 946; 4430, 4202; 2065.

пять дарений своему сыну Клоду. Ему передаются права на взыскание различных долгов, как записанных в расходную книгу, так и по обязательствам³³⁸; сто мюи вина, хранящихся в парижских погребках³³⁹; просроченные долговые обязательства³⁴⁰; ренты пшеницей, строевой лес, прозываемый “Буа Миньо”, что между Бевалем и Нёфшателем; два дома в Мо, на улице Сен-Николя, из коих один под знаком креста; дом в Даммартен-ан-Гоеле, право сбора пошлин в том же городе, именуемое “прилавочным правом” (*droit, appellé le droict d'estelagie*), ренты с виноградников в Вилленуа и другие ренты из наследства матери, а также лошадь под муаровой попоной вкупе со сбруей для верховой езды³⁴¹.

Из мотиваций дарений мы узнаем, что Клод Клеман, единственный сын Пьера Клемана и Женевьевы Фуль, отличается скромностью и хорошим поведением. А составляя последнее дарение, родители выражали желание “всеми силами помочь сыну и пособить ему своим имуществом, надеясь, что он сможет столь хорошо и мудро распорядиться этим, что достигнет степени и мудрости так, чтобы суметь стать порядочным человеком”³⁴².

Пьер Клеман кому-то отпускает товары и дает ссуды, ограничиваясь лишь записью в своей конторской книге, с кого-то требуя расписок. Как и многие купцы из Шампани, он доставляет в Париж большие партии вина. Он оценил выгоды привилегий университета: одно дело переводить на имя студента права на получение ренты с недвижимости или даже права в судебном процессе, другое — оформить большую партию вина как имущество для личного потребления скромного студента и вывести его из-под обложения косвенными налогами.

Провинциальные купцы чаще парижан оказываются втянутыми в судебные тяжбы. Здесь и иск по поводу продажи земель неким стряпчим, совершенный в то время, когда их владелец находился в тюрьме Консьержери, дело об опеке, и

---

³³⁸ “divers creances tant inscrits sur son papier journal que par obligation” IRI. 606.

³³⁹ IRI. 629.

³⁴⁰ IRI. 1123.

³⁴¹ IRI. 1500.

³⁴² “qu’il pourra parvenir a estre homme de bien” . IRI. 1499.

процесс против компаньонов, и другие тяжбы³⁴³. Клод Байар, тот самый купец, упомянувший недоимки по ренте, конституированной на архидьякона г. Мо, передает свои права в тяжбе с наследниками лейтенанта Санлисского бальяжа по поводу откупов с земель на Йонне³⁴⁴. Очевидно, купец был “денежным человеком”, способным давать крупные ссуды и заниматься откупами налогов.

В Орлеане в 1549 г. купец Жак Кампиньи и его сын Адам дарят студенту Полю де Кампиньи, их сыну и брату, права на взыскание убытков “по причине ложного обвинения и заведомой клеветы”, возведенной на Адама де Кампиньи, в том, что он якобы провозглашал, распространял и распевал содержание листка или памфлета (*cartel ou libelle*), в силу чего он был причислен к тем, кого в Орлеане в 1546 г. объявили еретиками. Адам был заключен в тюрьму и содержался в орлеанском Шатле, парижском Консьержери и тюрьме орлеанского официала.

Трудно избавиться от ощущения, что акты провинциальных купцов “интереснее” актов парижан, им в большей степени свойственен личностный характер. Это впечатление усиливают характерные мотивации дарений. В следующей главе мы поговорим о возможных причинах такого явления.

Итак, если в Париже “*marchand*”, не обозначивший себя как “буржуа”, походит скорее на лавочника, то его провинциальный собрат скорее негоциант, ничуть не ниже парижских “купцов-буржуа”. На это указывают и индексы и сравнительно высокий уровень социальных связей. Отличия от парижских “буржуа” лишь в том, что у провинциалов число упоминаний о расписках примерно равно числу упоминаний о рентах, движимое имущество среди объектов дарения они указывают чаще, и реже, чем парижане, передают виноградники.

Вопрос, почему они не обозначили себя как буржуа, остается открытым. Группа 17 провинциальных буржуа выглядит в целом немного “престижнее” остальных провинциальных купцов, но между ними не существовало никакого качественного разрыва, подобного тому, что мы наблюдали в парижской ситуации. То, что провинциалы выглядят более “престижно”, чем аналогичные им группы парижан, мы уже встречали в дарениях священников и судейских из

---

³⁴³ IRI. 2679; 4698; 938, 377;1971.

³⁴⁴ IRI. 2672.

“низших” подгрупп. Но почему провинциальные буржуа так слабо представлены в корпусе дарителей? По-видимому, различия между “буржуа” и “не-буржуа” были существенны лишь для парижан.³⁴⁵

Категория 7Б. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ РЕМЕСЛЕННИКИ.

Нарастание “признаков приниженности”. — Появление специфически “сельских” признаков.

Эта группа состоит из 36 дарителей, составивших 35 актов. “Мэтрами” названы лишь двое — Тъери Фурнэ и Жан Судлен (maotres des forges d’acier); оба они владели чем-то вроде плавильных печей в Сен-Мартен д’Аблуа в бальяже Эперне³⁴⁶.

Таблица № 20 провинциальные ремесленники

Численный состав	36
<i>Индекс А</i> повторные дарения (вес признака)	- 3%
<i>Индекс В</i> Коллективные дарения	5
<i>Индекс Е</i> Упоминания о рентах (вес признака)	3
Упоминания о долговых обязательствах	6
<i>Индекс G</i> неразделенные. права на наследство	7
<i>Индекс Н</i> сеньориальные объекты	-
<i>Индекс I</i> огороды	2

Эта группа демонстрирует полный набор признаков приниженности: *индексов В и G* при отрицательном значении *индекса А*, в этой группе дарения по прямой линии составляют менее трети (11 актов), и в двух случаях дарителями выступают племянники студентов³⁴⁷. Среди родственников упомянуты в основном ремесленники, землепашцы, а тестем ткача из

³⁴⁵ Обладание статусом буржуа, помимо различных налоговых льгот, давало право на *garde bourgeoise* — особый порядок наследования, что было весьма существенно при составлении нотариального акта. См.: *Olivier-Martin F. Histoire de la Coutume de la Prevftй et Vicomtй de Paris. Paris, 1931. Т. 2.*

³⁴⁶ IRI. 707, 1258.

³⁴⁷ IRI. 3148, 3937.

окрестностей Суассона был пастух (berger)³⁴⁸. Лишь у одного из кузнецов дядя был сельским кюре³⁴⁹, а свояком столяра из Лупа был стряпчий из того же города³⁵⁰.

Только два мэтра-“металлурга” производят впечатление уважаемых дарителей, более близких к предыдущей группе. Оба адресуют свои акты сыновьям, один дарит все расписки, “которые у него есть”, другой — сумму, которую надлежит получить за продажу строевого леса. В остальных случаях упомянутые расписки принадлежат не самим ремесленникам, но являются частью оспариваемого наследства их родственников.³⁵¹ Упоминаемые ренты конституированы на недвижимость. Так, например, две ренты — в 32 су и в 16 су на два дома — упоминает сельский портной³⁵². Любопытно, что этот даритель “из села Ган” (de village de Gan), упоминает также хозяйственную утварь (ustensille), что, как мы увидим ниже, роднит акт с дарениями крестьян.

В семи случаях ремесленники упоминают различные дома, а Габриэль Винье, кузнец из Маконэ, передает постороннему студенту дом в Париже, доставшийся дарителю по наследству от дяди-священника. В шести случаях ремесленники передают участки земли, в четырех — виноградники, есть также упоминание о луге и о саде. Сапожник из Корби, помимо дома в деревне близ Брей-сюр-Сомм, передает сыну права на возбуждение процесса против “трех жителей этой деревни, которые разломали указанный дом и растащили его на свои надобности”³⁵³.

В мотивации своего дарения кузнец из Марли желает сыну “достичь святого духовного сана” (estat de prebstrise)³⁵⁴. Духовной карьеры желает также своему племяннику ткач из прихода Сен-Реми, “чтобы он лучше мог содержать себя в

---

³⁴⁸ IRI. 13.

³⁴⁹ IRI. 2829.

³⁵⁰ IRI. 2430.

³⁵¹ И только шорник из Берри передает своему дяде-студенту право на получение суммы в 53 ливра, присужденной ему судебным постановлением Парижского Парламента IRI. 3184.

³⁵² IRI. 4435.

³⁵³ IRI. 1642.

³⁵⁴ IRI. 941.

школах и достичь святого церковного чина (parvenir aux saintes ordres d'йglise) и затем молить Бога за него”³⁵⁵. Отметим, что в данном случае, как и в дарении портного, передающего кухонную утварь, мы имеем дело с дарениями сельских жителей.

Таким образом, если провинциальные купцы (скорее – негоцианты) превосходили аналогичную группу парижан (скорее – лавочников), то провинциальные ремесленники, напротив, парижанам уступали.

§5. Категория VIII. КРЕСТЬЯНЕ

Черты гипергамии. — Из крестьян в гуманисты. — Загадка клана Ланселенов. — Ренты, кредиты и оловянная посуда. — Сакральность знания. — Ожидание любезных услуг. — Локализация дарителей. — Влияние большого города.

В работах, дающих общий взгляд на социологию образования в XVI в., крестьяне, как правило, не берутся в расчет³⁵⁶. В нашем источнике, однако, они играли заметную роль — их 110 человек, на чью долю приходится 110 актов³⁵⁷.

Чаще всего они именовались “землепашцами” (laboureur), но также “купцами и землепашцами” (marchand et laboureur), виноградарями (laboureur de vignes, vigneron); я отнес сюда также нескольких “огородников” (jardinier) и крестьян, занимавшихся ремеслом: бондаря, портного и могильщика (?)³⁵⁸.

Крестьяне адресуют свои дарения по прямой линии менее, чем в половине случаев (в 47% от общего числа). Выше, в отношении подгруппы финансовых чиновников, я предположил, что это может свидетельствовать о меньшей ориентации группы на университетское образование. Очевидно, что крестьянские семьи имели меньше шансов увидеть своих детей в университете, чем семьи горожан. Тогда же, когда кто-нибудь из родственников, пусть даже и

---

³⁵⁵ IRI. 4082.

³⁵⁶ Histoire mondiale de l'йducation. Paris, 1981. Vol. 2. P. 263; Huppert G. Public schools in Renaissance France. Urbana, 1984.

³⁵⁷ Это не значит, что каждый крестьянин составил по одному акту. Трое выступали с повторными дарениями, но в одном случае свои акты составили двое, а в другом трое крестьян.

³⁵⁸ laboureur de vigne et tombier IRI. 782.

из тех ветвей рода, что давно жили в городе, оказывался студентом, он получал дарения от довольно широкого круга родни.

Мы уже поняли что дополнительным “индексом приниженности” мог бы стать факт появления в группе дарений, адресованных племянником своему дяде – студенту. Крестьяне составляют такие акты в четырех случаях. Много дарений адресовано племянникам. Вспомним наши рассуждения о некотором естественном преобладании дарений племянникам по “женской линии” (таблица № 4 , столбец III). Но у крестьян диспропорция вопиющая, только трое из 28 студентов-племянников имеют с дарителем общий патроним. Вряд ли это может быть лишь случайностью. Не имеем ли мы дело с “женской гипергамией”? Дочери крестьян имели больше шансов выйти замуж за купцов, ремесленников, мелких чиновников, чем крестьянский сын жениться на горожанке. В актах горожан мы не раз сталкивались с упоминанием имущества тестя-крестьянина. Часто путь крестьянской семьи к университетскому образованию мог идти по следующей схеме: дочь крестьянина выходила замуж за горожанина, ее сын, становясь студентом, получал дарения от своего деревенского дяди-брата матери. Обычно речь шла о правах на наследство деда и бабки.

Но анализ указаний на родственные связи в крестьянских дарениях демонстрирует и иной, более быстрый способ социального возвышения. При наличии способностей, упорства, везения и самоотверженной помощи семьи, крестьянский отпрыск мог получить сан священника и, в свою очередь, облегчить доступ к университетскому образованию младшим родственникам.

Наиболее ярко этот путь реконструируется по акту Перетты Туза, вдовы крестьянина из Шампани Пьера Бельманье. Она заключает сделку со студентами Медаром Бельманье и Медаром Туза, своим сыном и своим племянником. Вдова дарит студентам свою часть наследства покойного брата — Жака Туза, “публичного лектора греческого языка нашего господина короля в Парижском университете” (*lecteur publique du Roy nostre sire en la langue greque en l’Universitй de Paris*), “принимая во внимание то, что они были племянниками покойного Жака Туза и оказывали ему различные услуги, и чтобы содержать их в учении”³⁵⁹. Жак Туза или Туссен — фигура, достаточно

---

³⁵⁹ IRI. 2464.

известная знатокам французского гуманизма. Он входил в круг Гийома Бюде, был одним из лучших эллинистов Европы, первым став профессором греческого языка в корпорации королевских лекторов: учебного заведения, основанного Франциском I, от которого принято (пусть и не слишком обоснованно) отсчитывать историю Коллеж де Франс. Племянники в этом дарении получают права на части наследства ученого — дом в Сен-Жермен-де-Пре, движимое имущество и доходы, которые он получал со своих должностей приора, каноника и кюре, при условии выполнить условия завещания и выделить 200 ливров в “ящик для бедных”.

Братья Лэне из далекого диоцеза Авранш передают своему кузену, обучающемуся в Наваррском коллеже, дом в предместье Сен-Марсель и иные владения в Париже и в Бри из наследства своего брата-священника³⁶⁰. “Купец-землепашец” Ноэль Роз дарит сыну владения, полученные от Гильома Роза, священника в Оссере³⁶¹. Есть еще несколько подобных дарений³⁶², отличающихся от прочих крестьянских актов характером передаваемых объектов³⁶³. Уже одних эти акты показывают, что роль выходцев из крестьян в университете была в ту эпоху гораздо большей, чем это принято считать.

Еще одно исключение, но характеризующее, скорее, первый путь возвышения крестьянской семьи, представляет собой комплекс дарений магистру искусств, студенту коллежа Монтэгю Пьеру Венсану (или Венжану). С 1543 и по 1549 г. на имя этого студента было составлено 8 актов³⁶⁴, в которых упоминалось свыше двух десятков родственников. Речь шла, судя по всему, о тяжбе по поводу сеньории, ценза и фермы Борепер, в приходе Шарли-сюр-Марн, близ Шато-Тьерри. Многочисленные родственники передавали Венсану

---

³⁶⁰ IRI. 4882.

³⁶¹ IRI. 1097.

³⁶² IRI. 481, 855, 1110, 2324, 4025.

³⁶³ Я не мог включить в корпус источников любопытное “обратное” дарение Жофруа Гранже, преподавателя (docteur regent) своему брату - землепашцу из Бурбоннэ (IRI. 5140).

³⁶⁴ Первые шесть дарений, составленных с 1543 по 1546 г., были зарегистрированы в Шатле одним актом (в публикации N 2489). IRI. 2489, 2956, 2988.

свои права на наследство Мартена Ланселена, статус которого неизвестен, но ясно, что он приходился дедом студенту. Большинство из сыновей, зятьев и внуков Мартена Ланселена названы “землепашцами”. Но один из сыновей, Робер Ланселен, назван адвокатом Парламента, а, в свою очередь, его сын — бакалавром канонического права (кстати, только он в своем акте уточняет степень Пьера Венсана и его коллеж). Другой сын Мартена Ланселена назван купцом в Фонтен-ле -Флери, а его дети — купцом в Шеврезе, “купцом-землепашцем” в Фонтен-Ле-Флери и “землепашцем” в Лувенсьене. Еще один кузен студента, Гильом де Ваше, сын Перетты Ланселен, назван парижским “купцом-буржуа”. Родственником отца студента был Жан Венсан — парижский священник, а свойственником матери — некий Батист Бушар, прокурор Санлисского бальяжа.

Трудно сказать, кем был Ланселен-старший; возможно, он принадлежал к тому слою сельского населения, который занимал промежуточное положение между крестьянами и феодалами³⁶⁵. Возможно, это был крупный арендатор. Но примечательно, что термин “купец-землепашец” появляется лишь в третьем поколении этой семьи, члены которой предпочитали именоваться просто “землепашцами”. Этот клан оказывается связанным и с миром провинциальных и парижских буржуа, и с миром церкви, и с судейскими, причем довольно высокого уровня. Прежде в дарениях адвокатов нам не попадалось упоминаний о крестьянах. Считается, что чиновников от их крестьянских предков отделяло несколько поколений. Возвышение Ланселенов не может не удивлять своей скоростью. Но ведь сама специфика источника предполагает знакомство с не совсем обычными семьями.

В восьми случаях указаны родственники — крестьяне и виноградари. В остальных речь идет о купцах и ремесленниках, в основном, зятьях и свояках. Среди девяти упоминаний о долговых обязательствах, самое крупное принадлежит Жану Эмери — землепашцу из Санлиса. Он передает племяннику обязательство на 1000 ливров, подписанное Мишелем Кастром, экюе из Санлисского бальяжа³⁶⁶. Это очень много: во всем нашем корпусе актов более

---

³⁶⁵ *Червонная Т. М.* Французская деревня по юридическим источникам XVI в. Саратов, 1992. С. 21–42.

³⁶⁶ IRI. 1968.

крупную сумму упоминает лишь один “купец-буржуа” и дворянская семья, находящаяся в родстве с самим коннетаблем Монморанси. Конечно, перед нами исключение, предупреждающее об опасности использования среднеарифметических данных. Ведь следующая по величине долговая расписка, упомянутая в крестьянских дарениях, называет сумму всего 10 экю (оно принадлежит тем самым Ланселенам и представляет собой стоимость проданного луга). У крестьян, как и у провинциальных купцов и ремесленников, в актах можно найти упоминания о натуральных займах. Например, обязательство в деньгах и зерне³⁶⁷ или обязательство на 100 фунтов пеньки, подписанное неким крестьянином.³⁶⁸

Крестьяне вдвое чаще упоминают ренты, чем расписки. Средний размер ренты в этой группе достаточно высок и он составляет 8,5 ливров, что выше уровня столичных ремесленников, торговцев и мелких чиновников. Впрочем, это может быть случайностью, поскольку суммы указаны лишь для десятка рент.

В 13 актах крестьяне передают городские дома. В трех случаях это дома в Париже³⁶⁹, их упоминают те, кто передает права на наследство своих родственников-священников. В 15 актах речь идет о домах в деревне.

Неудивительно, что в большинстве дарений речь идет о передаче недвижимости. Наиболее часто используется термин “земля” — в 20 актах. Лишь в одном акте передаются права на часть метерии³⁷⁰. В 11 случаях речь идет о виноградниках, в трех об огородах и в четырех о “недвижимости”.

Специфика крестьянских актов проявляется в дарениях движимого имущества. Жак Грель, два сына которого были студентами (что уж совсем необычно для крестьян), дарит им “земли и виноградники в Кормей близ Парижа, дом, восемь ульев, отару в 50 голов, а также все движимое имущество, домашнюю утварь, оловянную посуду”³⁷¹. Движимое имущество упомянуто и в

---

³⁶⁷ IRI. 586.

³⁶⁸ Это дарение составил огородник из парижского предместья, Жан Мас. IRI. 4131.

³⁶⁹ IRI. 481, 2464, 4882.

³⁷⁰ IRI. 927.

³⁷¹ IRI. 2641.

других актах: “движимое имущество, две коровы и два поросенка”³⁷², “движимость, белье, оловянная посуда”³⁷³.

Дарения неразделенных прав на наследство составляют в этой группе пятую часть, а в 13 случаях речь идет о коллективных дарениях. Четыре акта адресованы посторонним студентам, причем дважды указаны мотивы: Гийеметта Бютт, вдова землепашца, землепашец Гийом Гарнье и его жена Марион Бютт, землекоп (pionnier) Дени Фуа и его жена Луиза Бонай, вдова Оноре Бютта, передают студенту Пьеру Бунье свои права в тяжбе, которую они ведут в Парламенте против монахов Сен-Дени по поводу заключения в тюрьму покойного Преже Бютта³⁷⁴. В другом акте Жюльен Перен, виноградарь из Шатевилье и его жена дарят студенту Симону Сакле права на дом, доставшийся им по наследству от тестя. Причина дарения — “услуги, оказанные Жаном Сакле, парижским купцом-буржуа, проживающим в предместье Нотр-Дам-де-Шан, отцом указанного Симона”³⁷⁵.

Специфически крестьянской чертой в мотивациях дарений было пожелание церковной карьеры. Таких актов шесть, и это больше, чем у всех остальных категорий дарителей, вместе взятых. Видеть сына или племянника священником было вековой мечтой крестьян, надеждой на быстрое изменение социального статуса семьи. Чаяния родителей-крестьян и те трудности, которые возникали перед студентом, не имеющим родственников в мире церкви, откровенно изложил Жан по фамилии Жан из деревни Пюто в приходе Сюрезн. Он и его жена “заявили, что Дени Жан, студент в Парижском университете, их сын, указал им на степень и достоинство священства (leur a faict remonstrer le degry et le dignitй de prebstrise), для достижения коих он обрел первые и скромные чины (premiere et intimes ordres), но все же опасается получить отказ, так как он был и остается лишенным всякого имущества. По этой причине он покорнейше просил ... отца и мать выделить ему что-нибудь в аванс наследства”³⁷⁶.

---

³⁷² IRI. 5326.

³⁷³ IRI. 3681; IRI. 1297

³⁷⁴ IRI. 318.

³⁷⁵ IRI. 2218.

³⁷⁶ IRI. 3646.

Университетская карьера в глазах крестьян оставалась одним из видов церковной деятельности и поэтому окружалась ореолом сакральности. Крестьянская чета составляет дарение, “учитывая склонность к Антуану де Валру, крестнику указанной пары, а ныне студенту Парижского университета, каковой возымел намерение с Божьей помощью достичь сана священства”³⁷⁷. Это единственный случай, когда в наших актах воспроизводится упование на Божью помощь³⁷⁸. Возможно, крестьяне полагали, что студент ближе к Богу, дарение студенту было не только частью стратегического плана социального возвышения семьи, но и благочестивым поступком. Пьер Белиар, землепашец-портной из Булони, и его жена желают сыну достичь священных духовных чинов, достойнее содержать себя в этом звании, “посвятить себя божественной службе (*vacquer au service de vuy*) и молить Бога за своих родителей”³⁷⁹. Еще один акт составляется дабы “помочь студенту достичь наивысшей мудрости (*parvenir a plus grande science*) и святых духовных чинов, а также молиться за дарителей”³⁸⁰.

Можно усмотреть в этом дань некоему архаизму сознания крестьян. Но это не исключало и вполне утилитарного подхода к дарениям. Так, в 1549 г. целый клан родственников, один из которых назван виноградарем из Шабли, адресует дарение Этьену Миттесу, их сыну и племяннику³⁸¹, “с тем, чтобы он имел после этого лучшую возможность достичь мудрости и образованности (*affin qu'il ayt mieux sy aprïs de pouvoit parvenir aux sciences et lettres humaines*), и чтобы он мог сохранить признательность в будущем, и как напоминание о благодеяниях и любезных услугах, которые они надеются получить от указанного Этьенна

---

³⁷⁷ IRI. 4677.

³⁷⁸ Я проверил в архиве не все акты, анализируемые мной по публикации, (см. Главу III, §2) но, похоже, что такая формулировка, действительно, нетипична для дарений студентам университета. Но она была стереотипной в брачных контрактах и во взаимных дарениях супругов.

³⁷⁹ IRI. 931.

³⁸⁰ IRI. 1573 см. также IRI. 3683

³⁸¹ Поскольку термин “виноградарь” употреблен по отношению лишь к Пьеру Гарнье, то при подсчете общего числа дарителей-крестьян я учел лишь его, хотя скорее всего остальные участники дарения также были крестьянами.

Миттеса, когда он войдет в возраст (*luy devenu en age*)”. Кстати, студенту передавались всего-навсего права на часть комнаты в доме, расположенном в предместьи Шабли, на улице Сент-Эспан³⁸².

Попытаемся разделить эту категорию на какие-нибудь подгруппы, выделить внутреннюю иерархию. Ведь среди землепашцев могли быть и крупные арендаторы-фермеры и крестьяне-середняки и разоряющиеся бедняки³⁸³. Наряду с формально- терминологическим критерием, я попробовал сгруппировать крестьян по их месту жительства. Ареал их локализации в общих чертах напоминает картину, характерную для всех наших провинциалов, разве что чуть более полно представлена житница Парижского бассейна — плато Бос. Но региональные группы оказались слишком малы: что может дать анализ четырех актов из Бовези, даже если их сопоставить с тремя актами из Юрпуа? Тогда я распределил крестьян на группы в зависимости от их удаленности от Парижа.

ТАБЛИЦА № 21

---

³⁸² IRI. 3162, 3163.

³⁸³ Люблинская А. Д. Французские крестьяне в XVI-XVII вв. Л., 1978. С. 46–49.

Распределение крестьянских актов по степени удаленности от Парижа

		Расстояние от Парижа в километрах				Всего
		0-10 км	10-30 км	свыше 30	не установлено	
1	всега дарений	15	33	58	4	110
2	“виноградари”	1	3	7	0	11
3	“огородники” и ремесленники	5	0	0	1	6
4	“купцы-землепашцы”	1	2	8	0	11
5	упоминание расписок	1	2	8	0	11
6	упоминание рент	4	6	7	1	18
7	Неразделенные права на наследство	8	7	7	2	24
8	“земля”	3	3	12	0	18
9	“виноградники”	2	6	3	1	12
10	дом в городе	0	11	3	1	15
11	дом в деревне	1	3	11	0	15
12	родственники — священники и чиновники	0	4	6	1	11
13	родственники — купцы и ремесленники	3	5	3	0	11
14	родственники — крестьяне	1	1	3	0	5

Вся грубость такого агрегирования очевидна уже потому, что крестьянин, живший на берегу Сены в 80 км. выше Парижа оказывался связан с мегаполисом теснее, чем тот, кто был отделен от него пятью лье сухопутного пути. Но все же данные, сведенные в *таблице № 21* представляют определенный интерес.

По-настоящему далеко от Парижа (на расстоянии свыше 100 км.) локализируются лишь 14 крестьян. Это именно они регистрируют в Шатле акты, связанные с наследством их родственников-священников.

В ближней к Парижу зоне, в его предместьях и селах, удаленных на расстояние не свыше 10 км., проживают все имеющиеся в нашем корпусе “огородники” и “землепашцы-ремесленники”, что вполне естественно. Но интересно, что доля “купцов-землепашцев” уменьшается с приближением к Парижу, всего один из них живет в первой зоне. Примерно такая же закономерность прослеживается и на тех крестьянских актах, где упоминаются долговые обязательства (хотя, как мы поняли, кредиторы вовсе не тождественны “купцам-землепашцам”). Единственный кредитор из

пригородной зоны похож, скорее, на горожанина: это тот огородник, которому некий крестьянин помимо денег задолжал еще и 100 фунтов пеньки.

Но распределение рент несколько иное, упоминания о них встречаются и в окрестностях Парижа. Но в пригородной зоне “крестьянские ренты” не были результатами коммерческого кредита, но они выплачивались за мелкие участки земли (кстати, именно землепашец из окрестностей Парижа упоминает самую маленькую ренту из всего корпуса дарений — 2 су 1 денье).

Процент дарений неразделенных прав на наследство у крестьян достаточно высок, хотя и ниже, чем у провинциальных ремесленников. Но заметим, что доля таких актов возрастает по мере приближения к Парижу. Распределение упоминаний о дарениях недвижимости создает впечатление, что крестьяне, живущие вдали от Парижа, чаще упоминают пахотные земли, а крестьяне из пригородов — виноградники. Крестьяне из пригородной зоны упоминают не парижскую недвижимость, а сельские дома или дома, расположенные в небольших городках Парижского бассейна — Аржентей, Корбей, Сен-Жермен-ан-Лэ и др. Упоминания о парижских домах принадлежат актам крестьяне из отдаленных районов. Круг родственных связей также указывает на большую престижность крестьян из периферийной зоны.

Разумеется, для столь малых числовых рядов все эти “тенденции” не более, чем игра случая, но взятые в комплексе, они определенно указывают на нарастание “признаков приниженности” в актах крестьян по мере приближения к столице. Если в отдаленных районах даритель чаще выступает как хозяин, сохранивший свои земельные владения и способный быть кредитором, взять в аренду ферму или метерию, и порой уважительно именуемый “купцом-землепашцем”, то даритель из окрестностей Парижа чаще владеет лишь клочком виноградника, получает мелкие ренты за свои отчужденные наследственные дома или земли. Общеизвестно, что вблизи крупных городов под воздействием активной скупки земли горожанами все быстрее размывалась категория крестьян, именуемая “землепашцами”³⁸⁴.

---

³⁸⁴ История крестьянства в Европе / Под ред. З.В.Удальцовой. М., 1986. Т. 3. С. 74–86 (текст написан А.Д.Люблинской); *Червонная Т. М.* Крестьянство юга Парижского бассейна в 16–17 вв. // Средние века. М., 1971. Вып. 33/34. С. 154–168; *Jacquart J.* La crise rurale en Ile-de-France, 1550–1670. Paris, 1974.

Но подождем с выводами о роковом воздействии большого города на судьбы крестьянства и еще раз вспомним специфику нашего источника. Из того, что вблизи Парижа встречалось больше дарений студентам, сделанных малоземельными крестьянами, еще не следует, что в других местах крестьяне были более зажиточными. Просто в окрестностях столицы даже *такие* крестьяне могли иметь детей или близких родственников в Парижском университете. В данном случае наши данные можно интерпретировать и как свидетельство ускорения социальной мобильности по соседству с гигантской агломерацией и гигантским университетом. Крестьяне, огородники, виноградари и ремесленники-землепашцы дополнительно получали здесь небольшой, но вполне реальный шанс социального возвышения.

§6. НИЗШИЕ СЛОИ. ДАРИТЕЛИ, ЧЕЙ СТАТУС НЕ УСТАНОВЛЕН.

КАТЕГОРИИ IX–X

Подмастерья. — Парижские поденщики и слуги. — Провинциалы. — Низшие, как ни странно, беднее прочих. — Незнакомцы как контрольная группа. — Жители приходов и цензив. — “Demeurant”. — Парижанки. — Те, о ком неизвестно ничего.

Девятая категория выделена в достаточной мере умозрительно. Сюда отнесены дарители, которые не вписались в предыдущие группы и чей социальный статус, по моим представлениям, был самым низким — подмастерья, поденщики, слуги.

ТАБЛИЦА № 22

Группа	Подмастерья	Поденщики	Слуги	провинциалы
Численный состав	20	12	5	10
<i>Индекс А</i> повторные дарения	2	-		5
<i>Индекс В</i> коллективные дарения	6	2	2	
<i>Индекс Е</i> ренты	1	-		
Расписки	1	-		
<i>Индекс G</i>	11	9	5	2

неразделенные права на наследство				
--------------------------------------	--	--	--	--

Разнородность этой категории бросается в глаза. Подмастерья все-таки входили в корпорацию, хоть и занимая в ней подчиненное место. Роллан Мунье в упоминавшемся относит их вместе с мэтрами-ремесленниками и низшими купцами-буржуа к нижнему ярусу среднего слоя парижан³⁸⁵. Но из его же исследования ясно, что подмастерья по своему имущественному положению и по статусу из этого среднего слоя выпадали³⁸⁶.

Из двадцати парижских **подмастерьев** в нашем корпусе пятеро являются подмастерьями стригальщиков или ворсовщиков (*tondeur de draps*). Только у них мы встречаем случаи повторных дарений³⁸⁷ и единственное упоминание о расписке. Никто не указывает своего адреса, в то время как такие указания есть у большинства всех прочих подмастерьев, а мы помним, что для Парижа это явление служит дополнительным индексом пониженности. Похоже, что стригальщики составляли среди подмастерьев своего рода элиту.

Подмастерья склонны к участию в коллективных дарениях вместе с братьями и свояками: портным и слесарем, сукновалом, гончаром³⁸⁸. Подмастерье мельника вместе с братом-купцом одаривает своего племянника³⁸⁹, а подмастерье ювелира составляет дарение племяннику вместе со своей матерью, вдовой ювелира³⁹⁰. В этом случае не известно, обозначался ли покойный как “буржуа”, но дарение выпадает из общего ряда, поскольку в нем упоминается

³⁸⁵ *Mousnier R. Recherches sur la stratification sociale a Paris aux XVIIe et XVIIIe siècles. L'échantillon de 1634, 1635, 1636. Paris, 1975.*

³⁸⁶ Для XVI в. аналогичный вывод можно сделать, оценивая довольно хорошо изученное положение типографских подмастерьев. *Parent A. Les métiers du livre a Paris au XVIe siècle (1535–1569). Genève, 1974. P. 185–204; Pallier D. Recherches sur l'imprimerie a Paris pendant la Ligue, 1585–1594. Genève, 1975. P. 21–34.*

³⁸⁷ IRI. 2257, 3673, 4728, 4824.

³⁸⁸ IRI. 3049; 2257; 3508, 3673.

³⁸⁹ IRI. 114.

³⁹⁰ IRI. 4236.

рента. Очевидно что речь здесь идет скорее об ученике, чем о “вечном подмастерье”.

В половине случаев среди родственников упомянуты сельские жители: свояком подмастерья ковровщика был батрак (*gagne-denier*)³⁹¹, отцом подмастерья бондаря и тестем подмастерья скорняка были крестьяне³⁹². Но были связи и с более высокими социальными слоями: родственником подмастерья мельника был священник³⁹³, а у подмастерья *cartier* (мастера, изготавливающего игральные карты?) родственником был экспедитор королевской аптеки³⁹⁴. Правда в обоих случаях но степень родства не уточняется, несмотря на совпадение патронимов.

По прямой линии адресуют свои дарения только 8 подмастерьев (40%). В двух актах фигурируют деревенские дома, в одном — городской, а также земли, огороды и просто имущество (*bien*). В 11 случаях речь идет о дарениях неразделенных прав на наследство. Доля таких актов, как мы видим, здесь выше, чем во всех изученных ранее группах и категориях дарителей.

Следующую подгруппу составляют **парижские поденщики** (*manouvrier*), неквалифицированные рабочие. Их - дюжина, из которых восемь указали свой точный адрес. Поденщики участвуют в коллективных дарениях вместе со свояками: пекарем и сапожником³⁹⁵. Кроме того в актах упомянуты еще двое родственников-крестьян, а также мэтр-цирюльник из Санса³⁹⁶.

По прямой линии они адресовали 7 дарений. Правда, в двух из них речь идет о дарениях пасынкам. Ни рент, ни долговых обязательств в их актах не встречается. Лишь один раз упомянут виноградник³⁹⁷, еще в одном дарении речь идет о судебной тяжбе по поводу права выкупа какого-то наследственного

---

³⁹¹ IRI. 3911.

³⁹² IRI. 3673, 1814.

³⁹³ IRI. 114.

³⁹⁴ *voiturier de l'apothique de roi*. IRI. 1864.

³⁹⁵ IRI. 1835; 3291.

³⁹⁶ IRI. 813, 2440; 4569.

³⁹⁷ IRI. 1835.

имущества³⁹⁸. Во всех остальных случаях, то есть в 9 актах, говорится о передаче неразделенных прав на наследство.

Еще одну подгруппу составляют **слуги**: слуга в бане³⁹⁹, повар с улицы Бьевр, повар кардинала Медонского⁴⁰⁰, портье в доме Гизов⁴⁰¹, церковный служака⁴⁰².

Родственники известны только у поваров. Братом кардинальского повара был купец, братом второго — *hotelier*. Банщик адресует свое дарение постороннему студенту, остальные родственникам: трое — сыновьям и один — племяннику. Все эти акты представляют собой передачу неразделенных прав на наследство.

Если из представителей низших дарителей парижан 37 человек, то провинциалов лишь десять. Опять мы видим ту же тенденцию — уменьшение среди актов провинциалов числа дарений, содержащих признаки приниженности.

Дарения в **провинции** составили: слуга эжюйе из Боса⁴⁰³; лакей лионского губернатора⁴⁰⁴; некий лакей из Говиля (от его имени составляет акт его брат-тоговец бумагой)⁴⁰⁵; четверо поденщиков, двое пастухов, один из которых также назван поденщиком, батрак⁴⁰⁶.

Конечно, такое объединение произвольно. Пропасть между лакеем губернатора и батраком была не меньшей, чем между президентом Парламента истряпчим. В основном дарители этой подгруппы участвуют в составлении коллективных актов, объединяясь с поденщиками и батраками же⁴⁰⁷, а слуга эжюйе составляет акт со своим братом-купцом⁴⁰⁸. Только одно дарение

---

³⁹⁸ IRI. 3291.

³⁹⁹ IRI. 4062.

⁴⁰⁰ IRI. 2021, 710.

⁴⁰¹ IRI. 2508.

⁴⁰² IRI. 2275.

⁴⁰³ IRI. 1601.

⁴⁰⁴ “*valet de chambre*” IRI. 1989.

⁴⁰⁵ IRI. 4211.

⁴⁰⁶ “*homme de bras*” IRI. 5084.

⁴⁰⁷ IRI. 273;534.

⁴⁰⁸ IRI. 1601.

адресовано сыну⁴⁰⁹. В трех актах речь идет о передаче прав на ведение судебных тяжб.

Поденщик желает своему племяннику “достичь святых духовных чинов”, уподобляясь в этом крестьянам.

Итак, статус этих дарителей явно ниже статуса представителей прочих категорий, вот то немногое, что может объединить между собой эти разнородные подгруппы. Но удивительно, что несмотря на свои мизерные размеры, они подтверждают действие подмеченных ранее тенденций. “Низшие слои” демонстрируют полный набор признаков приниженности. Отчетливо видна концентрация “бедных” в Париже, которую мы наблюдали в предыдущих категориях. В этой “низшей” категории преобладание парижан во много раз выше среднего соотношения по всему источнику.

Впрочем, в том, что дарители из числа “низших” слоев выглядят беднее прочих, мало удивительного. Любопытнее сам факт их родственных связей со студентами. Неожиданностью является то, что не только племянники, но порой и сыновья поденщиков и подмастерьев становились студентами.

76 человек вообще не упомянули в актах своего статуса. К сожалению, публикаторы, как уже говорилось, опустили titres d'honneur — наличие или отсутствие слов “почтенный человек”, “честный человек”, “благородный человек” могли бы несколько прояснить ситуацию. Но поскольку этими данными мы не располагаем, то такие дарения можно было бы исключить из анализируемого корпуса актов. Но я не стал этого делать и решил использовать данную категорию как контрольную. Ведь при ее анализе нельзя подпасть под действие априорных утверждений типа: “купцы богаче крестьян”.

По формальным признакам эту **десятью** категорию можно разделить на несколько подгрупп. Часть дарителей составила свои акты с указаниями на место своего проживания. 16 человек указали при этом **свой приход** или **цензиву**, что явно указывает на их принадлежность к сельским жителям. На долю этих 16 дарителей приходится всего 12 актов за счет того, что некоторые из них объединялись в коллективных дарениях, в том числе и друг с другом. Так, Мишель Астид, вдова Мишеля Мале и Жак Мале, ее сын, живущие в

---

⁴⁰⁹ IRI. 441.

Римодей, что в приходе Тува Клермонского диоцеза и Луиза Астид, вдова Ан Мале, адресуют дарение Жану Мале, учителю школы и студенту, их сыну, брату и племяннику⁴¹⁰.

Понятно, что особый интерес представляют сведения о родственных связях. В одном из актов упомянут брат-крестьянин⁴¹¹, в том же акте говорится о наследстве парижского капеллана, приходящегося дядей дарителю. Родственниками двух дарителей были парижские братья - возчики⁴¹². В двух случаях братом и дядей дарителей названы принципалы парижских коллежей⁴¹³. Еще в одном акте упомянут родственник-священник⁴¹⁴.

Детям адресуют свои акты шестеро, то есть менее 40%. Впрочем, ясно, что в коллективных актах студентом по определению мог быть сын только одного из составителей. Долговое обязательство упомянуто лишь в одном акте: Андре Пунье из Пюиреля (приход Сен-Морис) передает сыну какие-то обязательства, связанные со сбором денег⁴¹⁵. Еще в одном дарении упомянуты ренты⁴¹⁶. Дарений недвижимости также немного: тот же Андре Пунье передает выгон, Антуан Могуин из прихода Сен-Мартен, “находящийся в настоящее время в Париже по своим делам”, дарит кузену свои права на парижскую недвижимость из наследства своего дяди-принципала⁴¹⁷. Жак де Гюерус, житель прихода Первенше, дарит сыну Жану де Гюерусу земли, а также недоимки по цензам, которые нужно получить “за земли в указанном приходе”⁴¹⁸.

---

⁴¹⁰ IRI. 4342.

⁴¹¹ IRI. 448.

⁴¹² IRI. 1701.

⁴¹³ IRI. 3728, 4979.

⁴¹⁴ IRI. 4862.

⁴¹⁵ “сгйances sur la recette de chabannes” IRI. 1064.

⁴¹⁶ IRI. 963.

⁴¹⁷ IRI. 497.

⁴¹⁸ IRI. 1320. Этот акт был составлен в 1544 г., а в 1552 г. трое парижских купцов передавали свои права на дом, крытый соломой, и огород некоему Жану Гюериусу, студенту, проживающему в коллеже де Лизье, никак при этом не оговаривая своего родства с ним (IRI. 4136). Не идет ли речь о том же студенте? Это вполне вероятно, несмотря на то, что между составлением актов прошло

Чаще всего (в 8 случаях) в этой группе передаются неразделенные права на наследство.

Можно ли описать собирательный облик дарителя из этой подгруппы? Это сельский житель. Ряд признаков сближает его с “землепашцами” — невысокая доля дарений по прямой линии, преобладание дарений неразделенных прав на наследство, склонность к составлению коллективных актов, малое число упоминаний о рентах и кредитах. Но от крестьян их отличает не только упоминание о доходах, получаемых с цензов, но и участие в финансовых операциях. Большей детализацией отличаются условия дарений. Так Жанна Жосс, вдова Амбруаза Могуина, проживающая в приходе Иге, передает сыну, студенту и священнику, права на наследство своего дяди-священника, принципала коллежа де Сэз Парижского университета. Она делает это “в дар за добрые и любезные услуги, которые означенный мэтр Могуин оказывал и оказывает своей матери, и чтобы содержать его в школах Парижа или в иных местах, а также чтобы молить Бога за нее, а именно: читать и отмечать каждую пятницу в течение всего года мессу во имя Христова в конце которой указанный мэтр Жан Могуин будет читать страстную проповедь, а если не сможет служить указанную мессу в пятницу, пусть прочтет ее на другой день”⁴¹⁹. Если требование молитв за дарителя встречалось в крестьянских актах, то расписывать подробный порядок месс им не приходило в голову (во всяком случае это не отражено в публикации).

Следующую группу составляют 35 дарителей, для обозначения своего адреса использовавших только один термин “**demeurant**” (проживающий) в том или ином месте. На их долю приходятся лишь 23 акта. О некоторых из них сообщаются также дополнительные сведения, например: “Жан Миль, слепец, проживающий в Совиньи”⁴²⁰, “Пьер де Ласкалье, проживающий обычно в Вандоме и находящийся ныне в Париже по своим делам”⁴²¹. К этой группе я

восемь лет. Ведь коллеж де Лизье был предназначен для выходцев именно из той части Нормандии, где и находился приход Первенше (близ городка Мортань).

⁴¹⁹ IRI. 3728.

⁴²⁰ IRI. 3430.

⁴²¹ IRI. 1349.

отнес и жителей Шабли, родственников виноградаря, тех самых, которые так красноречиво мотивировали дарение студенту прав на комнату⁴²².

Помимо этой семьи составляют коллективные дарения и другие “demeurant”. Родственниками членов этой подгруппы оказываются также возчик, батрак, кюре и каноник⁴²³. По прямой линии адресуют свои акты 16 дарителей (45%) — большей цифры трудно ожидать при таком количестве коллективных дарений. В четырех случаях акты составляются в пользу посторонних студентов, причем об одном из них сказано, что он — друг дарителей.

В четырех актах упоминаются расписки на небольшие суммы, самой крупной из которых является обязательство в 64 эю, подписанное неким каноника церкви в Вандоме⁴²⁴. Столько же упоминаний и о рентах; в одном акте речь идет о двух рентах на сумму в 4 эю и в 5 парижских су⁴²⁵. В двух других случаях упомянута рента пшеницей, ренты зерном и деньгами⁴²⁶. Из недвижимого имущества, помимо пресловутой комнаты близ Шабли, передается дом в Париже⁴²⁷, дом с землей и виноградником, дом, огород и земли, амбар и стойла и просто “biens”⁴²⁸. Дарения неразделенных прав на наследство встречаются у четверти из этих дарителей.

Судя по всему, дарители, этой подгруппы были горожанами, хотя одни жили в мельчайших бургах, другие в городах типа Санса и Вандома.

В **пяти актах**, дарители обозначены просто как **парижане** (demeurant a Paris), точнее, как парижанки, поскольку четыре из пяти актов составлены женщинами, а один супружеской парой, так что отсутствие социальных характеристик могло быть специфически женским свойством нотариального поведения.

---

⁴²² IRI. 3116.

⁴²³ IRI. 2854; 5084; 3018; 684.

⁴²⁴ IRI. 1349.

⁴²⁵ IRI. 825.

⁴²⁶ IRI. 570; 883.

⁴²⁷ IRI. 3018.

⁴²⁸ IRI. 3845; 9; 3916; 273, 2466.

Разброс социальных признаков довольно велик. Жанна Буше⁴²⁹, вдова некоего Жака Фурнье, проживающая на улице Бар-дю-Бек, адресует дарения сыну-студенту. Ее акт перегружен престижными объектами — здесь и сеньориальная усадьба, и даже замок, окруженный водой (*donjon et йdifices, clos de fossйs а l'eau*), и фьеф, и мельница, и ренты. К тому же живет она в аристократическом квартале Парижа, в Тампле. Возможно, покойный Жан Фурнье был дворянином. Столь престижный набор объектов дарения возможен и для соледного парижского офисье, но, думается, что в этом случае вдова все же указала бы должность покойного мужа.

Но в другом акте этой маленькой подгруппы Изабо Годен передает племяннику права на наследство своего отца — гончара из провинции, а также один экю, который должна ей тетка⁴³⁰. Жанна Массон переводит племяннику права на наследство родителей, расположенное “как в Пикардии, так и в Нормандии”, а через четыре года права на это же наследство переводит ее сестра — мать студента и жена парижского виноторговца⁴³¹. Изабо Лешевалье передает своему сводному брату (*son frige de rigе*) имущество и доходы, причитающиеся ей по смерти матери, а также 200 ливров, оставшиеся от продажи наследственных земель ее отцом, 11 ливров арендной платы, которую нужно получить с некоего “землепашца” в Гатинэ.⁴³²

Таким образом, подгруппа дарителей, о которых ничего не известно, кроме того, что они парижане, при всей своей гетерогенности по объектам своих дарений производят впечатление вполне состоятельных людей.

О дарителях **следующей подгруппы** вообще нет **никаких данных**.

На 19 таких человек приходится 19 актов, что выше, чем в предыдущих подгруппах.

Среди них шестеро женщин, выступающих в актах самостоятельно. Из них три вдовы, сестры Мари и Катрин Лезгюйе⁴³³ и Шарлотта Ле Руай, жена Бена

---

⁴²⁹ IRI. 2120.

⁴³⁰ “*par elle prkтй а sa tante*” IRI. 4353.

⁴³¹ IRI. 2532, 3775.

⁴³² IRI. 4772.

⁴³³ IRI. 1544.

Оливье, живущая от него отдельно и дееспособная по закону⁴³⁴. Напомню, что такие акты встречались у дворян. Свояками дарителей были парижский купец, слесарь⁴³⁵ и адвокат Парламента. Это весьма престижное родство, но из того же акта выясняется, что отцом или дедом дарителя был крестьянин⁴³⁶. Робер Ларсонье участвует в дарении совместно с братом — привратником дома Гизов и свояком — подмастерьем, а Симон д'Орзуак с парижским буржуа-фриппье⁴³⁷. Дважды указываются расписки. Так, одна вдова передает среди прочего своему внуку различные суммы, причитавшиеся ее покойному мужу за продажу шелковых тканей⁴³⁸. 8 человек передают различные ренты. С такой долей упоминаний о рентах мы сталкивались в весьма престижных группах. Среди прочих упомянута рента в 30 ливров, которую должен выплачивать некий купец⁴³⁹. В одном из дарений помимо ренты указаны и иные объекты: пять сенье ячменя и три фунта воска, которые должен выплачивать какой-то “сборщик с земель шатленства”⁴⁴⁰. Встречаются престижные объекты дарения: “rentы на различные метерии и домены”⁴⁴¹, “цензы, ренты и сеньориальные права”⁴⁴². Но трое дарителей передают неразделенные права на наследство.

Эта подгруппа в целом выглядела бы “престижнее” прочих, если бы не была столь неоднородной. Наверное, следует различать одиночек и тех, кто указан в коллективном дарении. Если в первом случае дарители могли полагать, что их особа известна и не нуждается в иных характеристиках, то во втором — статус дарителей не уточнен (возможно, в силу издательского произвола) из-за их второстепенной роли в дарении.

Анализируя дарителей этой десятой категории, трудно не заметить, что мы имеем дело скорее с антигруппами. Без опыта работы с прочими категориями

---

⁴³⁴ “*autorisй par justice, au refus de son mari*” IRI. 5381.

⁴³⁵ IRI. 259; 2388, 2389.

⁴³⁶ IRI. 4478.

⁴³⁷ IRI. 3508; 4454.

⁴³⁸ IRI. 997.

⁴³⁹ IRI. 4478.

⁴⁴⁰ IRI. 1013.

⁴⁴¹ IRI. 1420.

⁴⁴² IRI. 973.

социальная реальность нашего источника не лишена внутренней согласованности и не находится в кричащем противоречии с общепринятыми представлениями о социальном устройстве французского общества. Иными словами, “богаче” и “престижнее” в нашей модели выглядят именно те слои, которым и *положено* быть богаче и престижнее. Причем те, кто обозначен в нотариальном акте как “экюйе”, “шевалье”, “барон” проявляют тенденцию являться именно дворянами, “землепашцы” производят впечатление крестьян, а “парижские буржуа”, судя по всему, в основном и были парижскими буржуа, занимаясь торговлей, предпринимательской деятельностью, владея городскими домами. Результаты трудно назвать обескураживающими. Волга на сей раз впадает именно в Каспийское море. Но это, если вдуматься, не так уж и мало. Ведь волжская вода имеет немало шансов попасть как минимум в Азовское море. К тому же впадение Волги в Каспий бесспорно только в современных атласах и на снимках из космоса. По пачке “Беломора” доказать эту истину уже сложнее, а по некоторым древним картам вообще невозможно. И то, что социальная реальность, реконструируемая по нашей выборке, в целом соответствует априорным представлениям о ней — не так уж банально, как может показаться. Приведу несколько аргументов в пользу этого.

Первое. Вспомним, что согласно многим современным теориям социологов, среди которых уже цитированная мной концепция Люка Больтански и Лорана Тевено, — существуют не жесткие “объективные” социальные структуры, но временные конвенции, “договоренности”, системы соглашений по данному конкретному поводу, так называемые “*грады*”. И, действительно, в нашем случае мы имеем дело с исключительной ситуацией. Что бы мы ни говорили, но детей и племянников в университет отдавала лишь незначительно малая доля французов XVI в. И ясно, что крестьянин, сын которого учится в университете, уже этим фактом своей биографии разительно отличается от односельчан. Да и дворянину более пристало держать в руках шпагу или присматривать за сбором своего урожая, чем штудировать “Пандекты”. Равно как редкий ремесленник или купец мог похвастать ученой степенью своего сына. Для большинства “университетская ситуация” была чем-то более или менее исключительным. И оказавшись в этой необычной ситуации, они вовсе не были *обязаны* воспроизводить “объективную” социальную структуру, даже если таковая и

существовала. И все же, как показал уже первый раздел данной главы, они ее *в общих чертах* воспроизводят, что само по себе удивительно.

Второе. Поневоле получившийся длиннейшим второй раздел, показывает, что эти общие тенденции проступают лишь в *конечном счете*, пробиваясь через разноголосицу индивидуальных казусов, производящих впечатление хаоса.

Мы пытались как-то классифицировать дарителей, подобрать критерии стратификации. Но они сплошь и рядом играли не по правилам. Мы встречали богатых крестьян и бедных дворян. Братом крестьянки оказывался рафинированный гуманист. Некий ремесленник одаривал студента с супругой, что невозможно по определению. Экуюе почему-то оказывается родственником купца-шоссетье, адвокаты Парламента — кузенами и племянниками крестьян. Любой из дарителей мог составить экстравагантный акт, “выламывающийся” из общей тенденции. Многие, как мы видели и как еще увидим, так и поступали.

И все же. Один адвокат мог быть бесконечно оригинален, но не тридцать адвокатов. И в этом одна из тайн социальной истории. Чтобы экстравагантность стала тенденцией, нужна группа. И чем она больше, тем тенденция выглядит убедительнее. Это еще один трюизм, но трюизм, в котором убеждаешься на собственном опыте, стоит не так уж и мало. Одно дело заучить слова о том, что “люди вступают в определенные, необходимые, и от воли не зависящие отношения” и совсем другое — самому наблюдать, как из хаотического нагромождения конкретных фактов кристаллизуются надличностные структуры и как категории, выделенные по “фиктивным” критериям, неожиданно обретают черты объективного существования.

В нашей модели, если мы говорим о социальной структуре и даже о социальной иерархии, речь не идет о строго определенных уровнях, разделенных перегородками. В источнике общности походят, скорее, на звездные скопления: вокруг одной точки, ядра всей совокупности, группируются дарители, в разной мере обладавшие характерными для данной группы признаками. Края этих скоплений находили друг на друга, и мы постоянно сталкивались с дарителями, которых трудно было отнести к той или иной группе. Возможно, в этом и заключена специфика данного “града” — “университетской Франции”.

Третье. Наша работа не была бесполезной уже только потому, что в ходе ее удалось выработать некую систему критериев, косвенных показателей,

позволяющих отыскивать место данной группы в обществе. По отдельности ни один из этих критериев ненадежен, и даже взятые вместе, они оказываются бесполезными на индивидуальном уровне и начинают “работать” только в общностях, насчитывающих не менее 15–20 человек. Вероятность наших наблюдений пропорциональна численности группы. Наблюдения, сделанные нами о парижских пекарях или о финансовых чиновниках, не более чем шаткие гипотезы, но заключения, относящиеся ко всему низшему чиновничеству, претендуют уже на большее. Это естественно, раз мы имеем дело с вероятностными процессами. Этот самодельный инструментарий позволял нам открывать не только уже открытые двери, но и восполнять лакуны. Источник постоянно преподносил нам сюрпризы. Оказалось, что купцы-землепашцы не были единственными богачами среди крестьян, что если сержанты Парижского Шатле были париями судейского мира, то провинциальные сержанты — весьма уважаемыми людьми, что капелланы относились не к низшему, а к среднему духовенству, что среди парижских подмастерьев почему-то элитой были подмастерья-стригальщики. Но были и более существенные открытия.

Наша модель противоречит расхожему мнению о том, что правом именовать себя “буржуа” обладали все постоянно живущие в Париже жители. Она указывает на вполне ощутимый разрыв между теми, кто в актах назвал себя “буржуа” и теми, кто хоть и давно жил с ними рядом и, порой, даже занимался тем же делом, но этим “титолом” не пользовался. Есть немало оснований полагать, что за этой разницей в нотариальных актах стояла некая реальность. Не могут обманывать столько показателей применительно к группе почти в сто человек.

И здесь мы подходим к щекотливому вопросу о соотношении нашей лабораторной модели с реальностью. В моей монографии предпринимались попытки такого сопоставления. Я предположил, что основываясь на численности некоторых групп, можно путем экстраполяции сделать выводы о численности как всего Парижа, так и отдельных категорий населения⁴⁴³. Предложенные мной выводы не были затем ни подтверждены, ни опровергнуты, хотя с тех пор А. Л. Пономарев применил свой хитроумный

---

⁴⁴³ Уваров П. Ю. Французы XVI в.... С. 203–208. Глава называлась “Игра в цифры”.

метод экстраполяции нотариальных данных на все общество⁴⁴⁴. Возможно, в дальнейшем этот метод можно будет опробовать и на парижском материале. Но в предлагаемой работе я опускаю эти размышления, прежде всего потому, что на данный момент пока никак не могу объяснить природу этой количественной связи модели и общества.

Кроме того, при анализе “университетской” модели я отметил напряженности и даже противоречия, существующие как между отдельными категориями, так и внутри них, и предположил, что грядущий социальный кризис Религиозных войн можно было бы предсказать, основываясь на интерпретации наших данных⁴⁴⁵. Я и сейчас не отказываюсь от своих гипотез, но и этот пассаж я предпочел опустить. Рассуждения на данную тему неизбежно вызвали бы споры о том, имеет ли историк право “предсказывать назад”. Думается, что обсуждать эти проблемы можно и должно⁴⁴⁶, однако это увело бы нас далеко в сторону.

Размышления над полученными данными порождают три группы вопросов.

1. Насколько специфична наша модель? Уместно ли будет разделение корпуса дарителей на те же категории, если мы возьмем не дарения студентам, а какой-нибудь другой тип актов? Умозрительно можно предположить, что университетская ситуация может высвечивать французское общество в уникальном ракурсе. Для проверки наших наблюдений нужен некий контрольный материал.

2. Очевидно, что дарители составляли свои акты не для того, чтобы дать историкам представление о Франции XVI в., но решая какие-то свои жизненные задачи. Мы моделировали эти задачи, исходя из наших представлений о социальных процессах и опираясь на “здравый смысл”. Для одних мы говорили о целях социального воспроизводства, для других о социальном продвижении семьи, для третьих о желании использовать университетские привилегии. Но

---

⁴⁴⁴ Пономарев А. Л. Кого нет, того не сосчитать? Или сколько в Византии было знати и купцов // Математические модели исторических процессов. М., 1996. С. 236–244.

⁴⁴⁵ Уваров П. Ю. Французы XVI в... С. 225–237.

⁴⁴⁶ Уваров П. Ю. Развилки и игральные кости, альтернативы и случайности (Попытка инвентаризации) // Одиссей, 2000. М., 2000. С. 78–85.

каковы были реальных устремления самих дарителей? Это один вопрос, но он предполагает и вопрос другой: а надо ли это нам? Может ли проникновение в мир чувств, эта попытка интериоризации исторического объяснения существенно повлиять на наши выводы? Ведь мы основывались в данной главе на показателях не зависящих от воли людей, на индексах, имеющих статистическую природу. И, наконец, если все же необходимо проникать во внутренний мир действующих субъектов (назовем их так, чтобы избежать слова *актеры* или еще того хуже — *акторы*), то возможно ли это на основании нотариальных актов?⁴⁴⁷

3. Руководствуясь объективирующим подходом перейдя от анализа “валовых” показателей в первом разделе данной главы, к “ручной переборке” актов во втором разделе, мы постоянно сталкивались с несводимостью отдельных случаев друг к другу, с уникальностью индивидуальных ситуаций. Практически в каждой группе нам попадались казусы, требующие их полного пересказа. Они явно выпадали из общего ряда, и вообще затрудняли типологизацию, но вместе с тем обладали особой информативной ценностью. Как уже отмечалось для избранного в данной главе метода исследования эта неизбывная индивидуальность является “информационным шумом”. Может ли она сама по себе стать предметом исследования, давая информацию как об индивидууме, так и об обществе в целом? Если – да, то какой следует избрать ракурс исследования, какие вопросы следует задать источнику в этом случае? И, главное, как будет соотносится этот “индивидуализирующий” подход с подходом “объективирующим”?

---

⁴⁴⁷ Мы можем найти в документах (но уже в оригиналах, а не в публикации) немало эксплицитных выражений чувств, мотивирующих действия дарителя. Некоторые говорят о доброй склонности к студенту, о стремлении обеспечить его всем необходимым, или же о необходимости расплатиться с ним за оказанные услуги. Одни желают ему скорейшего получения степени, другие достижения “священных духовных чинов”, но насколько можно верить этим пожеланиям? Ведь мы имеем дело с нотариальными актами, со стереотипными формулами.

Поискам ответов на вопросы двух последних групп посвящены следующие главы нашего исследования. Но перепроверку университетской модели, мы предпримем незамедлительно.

Раздел третий: Контрольные замеры.

§1. БРАЧНЫЕ КОНТРАКТЫ.

Методика работы и соотнесение с предыдущими данными. — Дворяне и сеньоры: два типа поведения.— Судейские и чиновники – эндогамия, гипергамия и “женехи на вырост”. — Буржуа: невест больше, чем женихов. — Отличаются ли торговцы от буржуа на сей раз? — Замкнутый мир ремесленников. — Крестьянские контракты. — Подмастерья, поденщики и служанки. — Подведение итогов. — Странная регулярность.

Если нам нужно произвести “контрольный замер” корпуса дарителей, то сделать это имеет смысл более или менее представительном материале. Как отмечалось, после дарений студентам, вторым по величине рядом однотипных документов являются дарения в форме брачных контрактов. Странно было бы не воспользоваться возможностью проверки, предоставляемой самим источником.

Брачные контракты традиционно считаются привилегированными источниками для социальной истории. Как отмечал Роллан Мунье, “с небольшим преувеличением можно сказать: социальная группа — это люди, которые заключают между собой браки”. Брачный выбор составляет основу всей системы общения (социальности). Причем если эндогамия (т. е. тенденция к заключению браков в своей среде) является необходимым признаком социальной группы, в то же время характер экзогамных связей (браков, заключенных вне своей среды) указывает на место группы в обществе⁴⁴⁸. Вспомним, что именно на анализе брачных контрактов основывался амбициозный проект реконструкции социальной иерархии парижского общества⁴⁴⁹. Помимо указания на то, с кем заключают браки представители той

---

⁴⁴⁸ *Mousnier R. Problèmes de la méthode dans l'étude des structures sociales des XVIe, XVIIe, XVIIIe siècles // Mousnier R. La Plume, la faucille et le marteau. Paris, 1970. P. 14.*

⁴⁴⁹ *Mousnier R. Recherches sur la stratification sociale à Paris aux XVIIe et XVIIIe siècles: L'échantillon de 1634, 1635, 1636. Paris, 1975.*

или иной социальной группы, брачные контракты содержат не менее ценную информацию, оговаривая размеры приданого, “вдовьей доли” (*douaire*), права на получение части имущества до раздела (*presiput*), размеры совместного имущества (*communauté*).

В не раз уже цитированном исследовании Робера Десимона о парижских лигерах содержится прекрасный биографический индекс, где для большинства из участников указываются суммы, оговоренные в брачных контрактах, что придает всем социальным выкладкам и обобщениям автора достоинство верифицируемости⁴⁵⁰. На суммах, упомянутых в брачных контрактах, во многом основана иерархия чиновников, выстраиваемая Бернаром Килье. Это — исключительно информативный источник, дающий представление о том, в какой правовой традиции действуют семьи (разные кутюмы предполагали разные модели брачного договора), об уровне социальных связей (упоминания родственников и друзей, улаживающих свои отношения с молодоженами путем подарков), о властных отношениях (часто в качестве свидетеля приглашался сеньор, патрон или иной уважаемый человек). Конечно, брачные контракты могут так или иначе исказить реальное положение дел, например, завышать размеры приданого, чтобы создать завышенное представление о своей кредитоспособности⁴⁵¹. Но это, конечно, не снижает ценности данного типа источников для социальной истории.

В нашем корпусе брачных контрактов значительно меньше, чем дарений студентам, но все же в публикации указывается немалое их число — 327 актов. И все же я отказался от использования этого источника в качестве базы для предпринятой реконструкции. И тому есть немало оснований.

При всей своей информационной насыщенности, брачные контракты являются чрезвычайно сложным источником, состоящим из многих элементов. Причем в историографии уже сложились жесткие требования, порожденные накоплением большого материала. Для полноценного исследования надо знать все условия

---

⁴⁵⁰ *Descimon R. Qui йtaient les Seize?...* указания на ливры и эю сопровождались в этой работе переводом их на килограммы золота для большей наглядности.

⁴⁵¹ *Dessert D. Argent, pouvoir et sociйtй au Grand siicle.* Paris, 1984.

контракта (соотношение “вдовьей доли и “утреннего дара” жениха, оговоренный порядок наследования и др.)⁴⁵².

В нашем источнике данные представлены в значительно искаженном виде. Прежде всего, потому, что регистрировались не просто нотариально оформленные брачные контракты, но лишь те из них, которые содержали элементы, представленные в виде дарений недвижимости. И если мы можем говорить о зарегистрированных дарениях студентам, как о пятипроцентной выборке, то репрезентативность зарегистрированных в Шатле дарений в виде брачных контрактов оценивается по отношению к реальным контрактам лишь долями процента.

Но дело даже не в этом. Произвол издателей оказался в данном случае на порядок выше, чем по отношению к университетским дарениям, более простым по своей структуре. В публикации отсутствуют упоминания о свидетелях; о приданом или о других имущественных аспектах говорится лишь в том случае, когда они содержат что-либо, показавшееся издателям “забавным” или важным с точки зрения парижского краеведения. Начисто исключены разнообразные благочестивые формулировки, редко воспроизводятся прочие условия и оговорки. Все это в сочетании со значительно меньшим по сравнению с университетскими дарениями числом зарегистрированных брачных контрактов, делает этот ряд документов менее пригодными для реконструкции социальной реальности. Конечно, проводить подобную работу на основе публикации можно, и, может быть, даже нужно (например, в учебных целях⁴⁵³). Но при этом надо помнить, что модель “Франции брачных контрактов” отделена от гипотетической “реальности” большим числом всевозможных экранов по

---

⁴⁵² Например, если представители первой группы систематически заключают браки с представительницами второй и при этом суммы приданных неизменно и существенно превышают вклад жениха, то мы можем поставить первую группу выше второй на иерархической лестнице

⁴⁵³ Так, анализу брачных контрактов была посвящена дипломная работа А. В. Луковенковой, защищенная в Санкт-Петербургском университете в 1991 г., на эту же тему был подготовлен доклад Е. Е. Савицкого в 1998 г. в семинаре “Происхождение Старого порядка во Франции” (Центр им. Марка Блока, Российский Государственный Гуманитарный университет).

сравнению с моделью “университетской Франции”, для которой, впрочем, своих экранов тоже хватает.

Но для сопоставления, в качестве вспомогательного средства контроля, эту модель все же можно использовать, ведь главный интересующий нас аспект — то, с кем заключались браки, все же отмечен публикаторами.

Итак, сколько же брачных контрактов имеется в нашем распоряжении? Цифра, названная в издании, как выяснилось, завышена, поскольку основана на предметном указателе. Один и тот же акт мог регистрироваться дважды, например, женихом отдельно, родственниками невесты отдельно, но в указателе он фигурирует как два разных документа. Иногда брачный контракт мог только упоминаться: мы сами сталкивались с такой ситуацией, когда в дарении студенту упоминалась тяжба, ведущаяся по поводу прав, отошедших дарителю согласно давнему брачному контракту. Несмотря на то, что это совершенно иной тип дарения, номер этого акта указывается среди “брачных контрактов”. Кроме того, я отсеял немало актов, в которых статус хотя бы одной из сторон не оговорен, а также акты, где одной из сторон является священник, одаривавший, например, свою племянницу, выходящую замуж.

Таким образом, в нашем распоряжении осталось 266 пар.

Разнося указания по соответствующим категориям, определяющим я считал указание на статус жениха (в подавляющем большинстве случаев в публикации указывался его собственный статус, но иногда, видимо, в случае особой молодости жениха, указывался статус его отца или иного родственника) и на статус первого из упомянутых родственников невесты. Обычно это был ее отец или отчим, реже дядя, опекун и др. Если речь шла о вдове, то важным для меня был статус ее последнего мужа. В некоторых, очень редких случаях, невеста обладала самостоятельным статусом (дворянки, несколько парижских “буржуазок” и несколько служанок), и тогда я отдавал предпочтение этой информации.

Не прорабатывая детально содержание контрактов, я лишь фиксировал суммы, так или иначе упоминаемые в качестве приданого или дара новобрачным. Такие сведения содержались далеко не во всех актах нашей публикации, и зачастую были лишь “довеском” к дарению недвижимости (ради которого, собственно и предпринималась регистрация всего контракта или его части в Парижском

Шатле). Поэтому, если я и буду говорить о цифрах, то надо помнить, что речь идет о данных, потребных лишь для того, чтобы дать общие ориентиры.

Попробуем сопоставить уже давно знакомый нам из *таблицы № 1* состав дарителей студентам с со сведениями о женихах и невестах, заключавших брачные контракты.

ТАБЛИЦА № 23

Распределение дарений студентам и дарений в виде брачных контрактов по категориям дарителей

КАТЕГОРИИ ДАРИТЕЛЕЙ	Дарения студентам			Дарения в виде брачных контрактов			
	Человек	Акто в	% от общей численност и	Жених и	Невест ы	ВСЕГ О	% от общей численнос ти
1. Дворяне	65	86	5,3%	22	18	40	7,5%
2. Сеньоры	25	27	2,1%	6	11	17	3,2%
3. Священники	48	54	3,9%				
4. Офисье и судейские	234	281	19%	124	99	223	42%
5. “Буржуа”	252	296	20,5%	25	56	81	15,2%
6. “Торговцы”	193	208	15,8%	31	32	63	11,8%
7. Ремесленники	174	167	14,2%	35	30	65	12,2%
8. Крестьяне	110	110	9%	7	13	20	3,8%
9. Низшие слои	47	48	3,9%	16	7	23	4,3%
10. Неустановл.	76	60	6,2%				
ИТОГО	1224	1337	100%	266	266	532	100%

Расхождение между двумя частями таблицы сразу же обращает на себя внимание и, признаюсь, несколько обескураживает.

Можно было предположить, что офисье и судейские, чье профессиональное становление и карьерный рост были особым образом связаны с университетским образованием, должны быть *избыточно представлены* в дарениях студентам по сравнению с другими группами. И эта избыточность должна была выявиться при анализе актов, никак с университетским

образованием не связанных. Действительно, если адвокаты или советники парламента имели больше шансов видеть своего сына в университете, чем дворяне, купцы или крестьяне, то женились они уж никак не чаще других.

Но получается, что чаще. Во всяком случае, они гораздо чаще других групп регистрировали свои брачные контракты в Шатле. Почему это происходило, трудно сказать. Пока единственное, что приходит на ум — большая, чем у других законопослушность, или, скорее, лучшее знание законов.

Как мы видим, доля чиновников и судейских среди женихов и родственников невест увеличилась по сравнению с университетскими дарениями, главным образом за счет как городских элементов — буржуа, торговцев, ремесленников, так и крестьян (а также исчезнувших из списка третьей и десятой категорий). Доля дворян и сеньоров не уменьшилась, а даже немного увеличилась. Таким образом, университетские дарения оказываются более “демократичным” источником по сравнению с брачными контрактами.

Это, пожалуй все, что мы можем сказать на основе “валового” сопоставления двух рядов актов. Гораздо любопытнее оказывается сопоставление конкретных категорий и подгрупп, причем отдельно — женихов и отдельно — “невест”.

Дворяне, как женихи, так и невесты чаще других групп указывают суммы приданного и даров новобрачным. Типовой (медианной) величиной может служить сумма в шесть тысяч ливров. По сравнению с другими группами дворяне достаточно редко женятся на вдовах (в 4х случаях из 22) и из 18 невест, только две дворянки, вступающие в брак, оказались вдовами. В других группах, как мы увидим, их доля могла быть гораздо большей. В основном, дворяне и дворянки вступают в брак с ровней (15 случаев для женихов и 13 случаев для невест). Эту группу с известной натяжкой можно назвать эндогамной. Среди прочих брачных партий дворян встречаются придворные, военные, владельцы судебных должностей, сеньоры. По сравнению с тем, как дворяне фигурировали в университетских дарениях, в брачных контрактах они чувствуют себя словно бы увереннее и никаких сомнений в их социальном лидерстве не возникает.

Группа **сеньоров** демонстрирует совсем иное брачное поведение. Они женятся на ком угодно, только не на невестах из своей группы. Среди брачных пар — семьи дворян, адвокатов, мелких клерков, провинциальных купцов, королевских секретарей. Разброс немногочисленных сведений о приданных весьма велик —

от 600 ливров до 12 тысяч ливров⁴⁵⁴. Таким образом, брачное поведение сеньоров подтверждает то, о чем мы догадывались уже и раньше – в реальности такой социальной группы не существовало.

Группа “офисье”, владельцев должностей, в отличие от сеньоров, склонна к эндогамии. Так, женихи вступают в брак с дочерьми и вдовами владельцев должностей в Париже (в 9 случаях из 17), а провинциальных офисье и дворян. Размеры упоминаемых сумм приданого не на много отличаются от “дворянских” параметров и составляет в среднем четыре тысячи ливров.

Специфичным является упоминание должности в качестве свадебного подарка. Так, в 1551 г. ординарный королевский докладчик Андре Гийар, сеньор д’Исль и Мари Роберте заключают брачный контракт, по которому мать невесты, вдова Жана Роберте, шевалье и секретаря финансов, обещает дать будущему супругу своей дочери 18 тыс. ливров наличными и 800 ливров ренты. Со своей стороны, отец жениха, советник Королевского совета (Conseil privé) Андре Гийар передает (“резигнирует”) свою должность сыну в качестве свадебного дара молодым, отмечая, что сын ничего ему за это не должен⁴⁵⁵.

Родственники невест из числа офисье также производят впечатление весьма однородной, и престижной группы. Впрочем, в четырех случаях (из 21) невесты из этой группы выходят замуж за дворян, об обладании должностями не упоминавших. И еще в трех контрактах речь идет о браках с адвокатами. Любопытно, что женихи из числа офисье на дочках адвокатов не женились. Это вполне объяснимо. Адвокаты, как мы уже поняли, были весьма активной, но не слишком однородной группой. Среди них были профессиональные, “вечные” адвокаты и “стажеры”, проходившие адвокатуру перед стартом к королевским судебным должностям. С последними и заключали браки дочери офисье: среди избранников был, например, адвокат Франсуа Брисоннэ, один из отпрысков уже известной нам прославленной фамилии чиновников и людей церкви. Упомянутое в этом акте приданое весьма солидно — 8 тысяч ливров⁴⁵⁶. Что касается дочерей адвокатов, то они, по определению, могли принадлежать лишь

---

⁴⁵⁴ IRI. 4189 и IRI. 3766

⁴⁵⁵ IRI. 3956.

⁴⁵⁶ IRI. 276.

к семьям “вечных” адвокатов, навсегда застрявших на этом поприще, и не представляли собой выгодных партий для амбициозных офисье.

Анализ группы брачных контрактов, составленных **адвокатами**, подтверждает гипотезу о них, как о “женихах на вырост”. Начнем с того, что если в предыдущих группах соотношение женихов и невест было примерно равным (с незначительным преобладанием невест), то среди адвокатов наблюдается явная диспропорция: 28 женихов-адвокатов и только семеро невест.

Адвокатов-женихов больше, чем адвокатов — участников университетских дарений. И эта группа оказывается мало расположенной заключать браки с дочерьми или вдовами своих коллег. Лишь один адвокат Парламента женился на дочери адвоката Шатле. Но в отличие от сеньоров, эта группа демонстрирует некоторые общие черты брачного выбора. По-видимому, “классической моделью” можно считать брак адвоката и дочери прокурора, в нашей выборке это относится к десяти адвокатам из 28 (шестеро женились на дочерях прокуроров Парламента и четверо на дочерях прокуроров Шатле) с приданными от 2 до 8 тысяч ливров. Сюда же можно отнести браки с дочерьми нотариуса и парламентского грёфе (секретаря). Таким образом обеспечивалась социальная мобильность прокурорских семей: если не их зятья, то хотя бы внуки имели неплохие шансы занять искомые должности. Удачным можно назвать брак одного из адвокатов с богатой вдовой парижского грёнетье (чиновника соляного ведомства) с приданным в 10 тысяч ливров. Адвокаты порой женились на вдовах парижских буржуа и парижских медиков (соответственно в трех и двух случаях).

Эти сведения о матримониальных обычаях парижских адвокатах хорошо иллюстрируют биографию Николя Версориса, парижского адвоката, чьим “дневником” мне доводилось заниматься⁴⁵⁷. Первой его женой была Дениз Базанье, дочь прокурора Шатле (причем одна из двоюродных сестер Версориса, дочь прокурора Парламента, в свою очередь вышла замуж за адвоката Шатле из рода Базанье), а второй — вдова университетского медика.

---

⁴⁵⁷ Уваров П. Ю. Дневник Николя Версориса (1519–1530): Круг общения и степень информированности горожанина // Общности и человек в средневековом мире. М.; Саратов, 1992. С. 53–59.

Исключением выглядит брак адвоката Большого королевского совета с вдовой королевского типографа⁴⁵⁸. Несмотря на пышный титул первого мужа, женитьба на вдове ремесленника для адвоката Парламента, да и адвоката Шатле была бы скандальным мезальянсом. Для нас этот брак важен в качестве косвенного свидетельства приниженности Большого королевского совета как судебной курии. Персонал Большого совета не имел постоянной резиденции, следуя за двором, да и объем компетенции этой курии был крайне ограничен⁴⁵⁹.

Помимо уже упоминавшихся адвокатских невест из мира судейских, следует отметить и двух дочерей сеньоров, одна из которых упоминает крупную ренту в 200 ливров. Кстати, и среди адвокатов многие именовались экуюе и большинство были сеньорами.

Отметим также, что в 11 случаях речь шла о браках с вдовами (как мы помним, в предыдущих группах упоминаний о вдовах было существенно меньше).

Дочери и вдовы адвокатов регистрировали брачные контракты в Шатле значительно реже. Среди их женихов – адвокат и прокуроры Шатле, парижский буржуа, мелкие финансовые чиновники. В этой группе невест в двух случаях из семи речь шла о вдовах адвокатов, а еще в четырех о дочерях покойных адвокатов. Рассчитывать на блестящую партию дочерям адвокатов не приходилось. Наиболее удачным может, считаться брак вдовы адвоката с мажордомом графини Валентинуа⁴⁶⁰, то есть со слугой всемогущей в ту пору Дианы де Пуатье.

Группа **прокуроров** как Парламента, так и Шатле демонстрирует зеркальное отражение брачной стратегии адвокатов. На сей раз прокуроры в значительно реже выступают в качестве женихов, чем в роли родственников невесты (в случае прокуроров Парламента соотношение 6:14, прокуроров Шатле 5:12). Прокуроры женятся по большей части на вдовах (в шести случаях из 11), на вдовах буржуа и прокуроров, мелких провинциальных чиновников. Характерно, что о первом муже невесты одного из прокуроров Шатле известно, что он был парижским буржуа и владел лавками во дворце Правосудия, точнее арендовал

---

⁴⁵⁸ IRI. 4709.

⁴⁵⁹ *Doucet R.* Les Institutions de la France au XVIe siècle. Paris, 1948. Vol. 1; *Knecht R. J.* Renaissance Warrior and Patron The Reign of Francis I. Cambridge, 1994.

⁴⁶⁰ IRI. 2996.

их у короля. Брачный выбор, таким образом, не выходит за рамки одной среды. Другой прокурор Шатле вступил в брак с вдовой адвоката из Санса (с относительно крупным приданым в 1200 ливров). Чаще в актах прокуроров упоминаются приданные от 300 до 700 ливров. В целом среди женихов-прокуроров не наблюдается ни стремления вступить в брак с представительницами более престижной группы (гипергамии), ни явных мезальянсов. Можно говорить о некоей однородной скромности их брачных контрактов.

Невесты, чьими родственниками были прокуроры, ведут себя иначе. Прежде всего, велик разброс значений упоминаемых ими сумм приданного, есть упоминания о 5 и даже о 8 тысячах ливров и о скромных приданных в 200–300 ливров. В последнем случае речь идет о браках со стряпчими (“практиками”) и с парижскими буржуа. Но, как мы уже поняли, чаще всего (в 6 случаях из 14) женихами дочерей и вдов прокуроров выступали адвокаты. И только в двух случаях прокуроры Парламента. Одна из прокурорш вышла замуж за постельничего (*sommelier*) королевы. Но о невесте известно, что она уже к тому времени овдовела дважды и оба раза была замужем за прокурорами Парламента⁴⁶¹.

Схожим образом подбирались брачные партнеры для невест из семей прокуроров Шатле — пять адвокатов и два прокурора. Среди женихов есть и парижский торговец, но также и еще один королевский постельничий. Этот жених Жанны де Витри, вдовы прокурора Шатле титуловался пышнее, чем жених вдовы парламентского прокурора: “Диметрий Пайелаго, экюйе, ординарный постельничий короля, хлебодар, капитан и консьерж Отеля и парка в Турнеле”⁴⁶².

Прокуроры и прокурорши Шатле в качестве женихов и невест несколько отличаются от того, что мы о них узнали по дарениям студентам. Тогда мы констатировали, что прокуроры Шатле были заметно беднее и “приниженнее”, чем прокуроры Парламента. В данном случае столь резкой грани проследить не удастся. Прокурорши и особенно прокуроры Шатле во многом близки к своим

---

⁴⁶¹ IRI. 4971.

⁴⁶² Вспоминается сразу Портос и прокурорша мадам Кокнар, но реальная жизнь оказывалась куда интереснее литературы. Об удивительных матримониальных приключениях вдовы одного из скромных прокуроров Шатле мы расскажем в последней главе.

парламентским коллегам. Это достаточно цельная группа, с медианой приданных где-то порядка 400 ливров. Разве что у их дочерей и вдов несколько больше было женихов из числа парижских торговцев.

Парижские **стряпчие** были достаточно большой группой среди составителей брачных контрактов. Опыт анализа университетских дарений показал нам, что они были людьми не слишком уважаемыми, и во многом уступали прокурорам Шатле. Многие из стряпчих обучались у прокуроров, и, вероятно, пределом их мечтаний было проникновение в ряды прокурорской коллегии. Мы еще не сталкивались со столь сильным дисбалансом в соотношении стряпчих-женихов и невест из семей стряпчих (22 жениха и всего 5 невест). Стряпчих, вероятно, также можно рассматривать как группу “женихов на вырост”, но от адвокатов их отличало очень многое, и, прежде всего, уровень брачных притязаний.

Стряпчие гораздо чаще, прочих судейских, роднились с буржуазной средой. Стряпчие-женихи заключают контракты с дочерьми и вдовами пяти парижских буржуа и еще двух парижских торговцев, не упомянувших об этом “титуле”. Один из стряпчих женился на вдове столяра из предместья Сен-Марсель, другой на дочери крестьянина из Иври, селения неподалеку от Парижа. Как мы помним, и в случае с университетскими дарениями, именно на уровне “стряпчих” среди упомянутых родственников начали преобладать купцы и ремесленники.

Некоторым из стряпчих все же удавалось породниться с судейскими. Среди их невест дочь прокурора парламента и вдова прокурора Шатле (в этих контрактах упомянуты самые крупные суммы приданного — 600 ливров наличными и 40 ливров ренты в первом случае и 1500 ливров во втором), дочь провинциального стряпчего (за нее дают 100 экю приданного), вдова и дочь судебных приставов, дочь сержанта Парлер-о-Буржуа (муниципального ведомства речной торговли). Ко времени составления контракта отец невесты уже умер, но его брат, пристав Счетной палаты, выделил племяннице неплохое приданое в 330 ливров наличными и 20 ливров ренты (надо отметить, что там, где основным родственником невесты выступали дядья, размеры приданного и выбор брачной партии обычно были скромнее, чем у других невест той же группы).

Немногочисленные невесты из семей стряпчих вступали в брак с буржуа, медиком, в двух случаях — с парижскими стряпчими и в одном со стряпчим провинциальным. В последнем случае вдова стряпчего, совмещавшего свою

деятельность с обязанностями университетского служащего — педеля нормандской нации, выдала свою дочь за уроженца города Базаса, “ходатая по делам города Бордо”⁴⁶³. В целом, стряпчие-“практики” выполняли роль своеобразной социальной мембраны между мирами судейских и буржуа.

Мы почти ничего не можем сказать определенного о группе **провинциальных чиновников и судейских**. Как и в случае с прокурорами, число невест вдвое превышает число женихов (10:5), что, впрочем, объясняется не столько каким-то специфическим их положением, сколько особенностями регистрации, которая чаще всего происходила по месту жительства жениха.

Эта группа изначально образована исключительно по формальному принципу, потому и не обладающая характерными признаками. Среди женихов есть и скромный грёфье секретаря президиального суда в далеком Ажене, женившийся на дочери парижского буржуа, и влиятельный лейтенант бальяжа, берущего в жены дочь советника Парламента с приданым в 3 тыс. ливров.

Столь же мало определенного мы можем сказать и о невестах. На вершине в этой группе следует, видимо, расположить контракт дочери первого президента счетной палаты Дижона, выходящей за советника Парижского Парламента с приданным в пять тысяч ливров. Собственно, речь идет об изменении брачного контракта, согласно одной из статей которого четыре тысячи из пяти, выделенных в приданое невесте ее отцом, должны оставаться в собственности новобрачной. Последняя же, после первого года совместной жизни переводит эти деньги в разряд совместного имущества, “принимая во внимание крепкие и совершенные дружеские чувства, которые к ней питает указанный сьер де Дорми, её муж, с тем, чтобы дать ему лучший повод для продолжения этого”⁴⁶⁴.

Наиболее типичные суммы, упоминаемых в контрактах невест этой группы, находятся в пределах от 1200 до 1500 ливров. Невесты довольно богаты, но их семьи остаются от этого не менее загадочными для нас. Какие возможности открывала должность грёфье — секретаря суда? Был ли это технический исполнитель, сродни нотариусу, или же должностное лицо, наделенное влиянием? Так, вдова грёфье превоства Аржентей выходит замуж за купца из

---

⁴⁶³ IRI. 1711.

⁴⁶⁴ “en consideration de la grande et parfaite amytie que luy porte ledit sieur Dormy son mari, affin de luy donner meilleur occasion de y continuer”, IRI. 2265.

соседнего Понтуаза⁴⁶⁵ — вряд ли это можно назвать блестящей партией. Но дочь графа из города Тура приносит солидное приданое в четыре тысячи ливров адвокату парламента Пьеру Папийону, обладавшему также должностью советника Палаты Вод и Лесов, сыну советника Парламента. Последнее указание свидетельствует о том, что мы имеем дело с типичным адвокатом-стажером. Ему уже прикупили должность, правда, пока не очень престижную, но в недалеком будущем он сменит отца в Парламенте, а может, двинется и еще дальше.

Финансовые чиновники, напротив, проявляют удивительную однородность как группа. Она состоит из 8 женихов и 8 невест. В половине случаев они вступают в брак со своими коллегами или с офицерами судебных курий. Мы уже сталкивались с контрактом дочери покойного секретаря финансов Жана Роберте⁴⁶⁶. Ее контракт вовсе не производит впечатления “сиротского” — 18 тысяч приданого и брак со старейшей парижской чиновничьей династией Люилье⁴⁶⁷. Столь же крупная сумма упомянута в контракте Клода Пинара, королевского нотариуса-секретаря, экстраординарного казначея артиллерии и Марии Обепин, дочери покойного Жюль Д’Обепина, казначея и генерального сборщика бюро случайных доходов (так называлось ведомство, занимавшееся столь важным и щекотливым для монархии делом, как продажей королевских должностей). В данном случае, 18 тысяч ливров дает жениху дядя невесты — епископ Лиможский Себастьян де л’Обепин, докладчик прошений Дворца.

16 тысяч ливров дарит Мари Ривьер, вдова гренадцы своему будущему супругу, адвокату, но не простому адвокату, а, судя по всему, “мужу на вырост” — Франсуа Алеграну, из известного рода адвокатов и финансистов. Из другого акта мы узнаем, что он — сын генерала курии косвенных сборов⁴⁶⁸.

Примечательно, что это единственная группа, в которой суммы приданного указываются во всех контрактах (финансисты привыкли к точности). Средняя величина приданного составляла около четырех тысяч ливров.

---

⁴⁶⁵ IRI. 5043.

⁴⁶⁶ См. Meyer C. A., Bentley-Cranch D. Florimond Robertet, homme d’état français. Paris, 1994.

⁴⁶⁷ IRI. 3956.

⁴⁶⁸ IRI. 5328.

Самым скромным, и, по-видимому, маргинальным, в этой группе следует назвать контракт вдовы контролера сокровищницы королевы, вышедшей замуж за парижского буржуа, имевшего, правда, степень лиценциата. Вдова принесла ему приданое в 40 ливров ренты (что соответствует 320 ливрам капитала), и ряд земель. Но в акте содержалась характерная оговорка, что все это вернется к дарительнице, если она на свои средства купит будущему супругу должность королевского секретаря или должность аудитора Счетной палаты в Париже до истечения восьмилетнего срока со дня свадьбы.

Если в качестве составителей дарений студентам финансовые чиновники производили впечатление некоей чужеродности в среде прочих чиновников и судейских, то в своих брачных контрактах они предстают как вполне деятельная, компактная и весьма уважаемая группа с высокой степенью эндогамности.

В целом же анализ брачных контрактов подтверждает сконструированное нами представление об иерархии чиновного мира.

Сохраняется ли подобная иерархичность в мире парижских буржуа? Как мы помним, парижане и парижанки, назвавшие себя в университетских актах просто “буржуа”, без уточнения своего рода занятий, расценивались нами в качестве своеобразной городской элиты. Чаще всего, это были уже немолодые люди, отошедшие от коммерческой деятельности и живущие за счет своих рент и иных доходов с недвижимости.

В случае брачных контрактов в пользу этой гипотезы говорит одно обстоятельство: мы не знаем возраста вступающих в брак женихов-“буржуа”, но они женятся на вдовах в шести случаях из семи. Среди их партий — вдовы судейских: адвоката Шатле, прокурора Шатле и стряпчего⁴⁶⁹ в двух последних случаях упоминаются достаточно взрослые дети невест.

Но и невесты из этой группы в семи случаях из девяти оказываются вдовами парижских буржуа. Кстати, как и в случае с университетскими дарениями, именно в этой группе появляется термин “bourgeoise” — “буржуазка”, и женщины выступают в качестве полностью самостоятельных субъектов сделки.

---

⁴⁶⁹ IRI. 5266, 692, 4464.

В пользу привилегированности положения этой группы женихов и невест говорят и брачные союзы с семьями адвокатов⁴⁷⁰, а особый ходатай короля⁴⁷¹ дарит невесте- вдове парижского буржуа целых шесть тысяч ливров.

Но остальные партии были не столь блестящи — прокуроры Шатле⁴⁷², главный клерк прокурора Парламента, но также повар, содержатель гостиницы (hotelier), подмастерье хирурга-цирюльника. В том случае, если брачный выбор не выходил за пределы среды купцов и ремесленников, размер приданных был гораздо скромнее — 500–600 ливров.

Скорее всего, в группу “просто буржуа” входили, как и удалившиеся на покой рантье, так и вдовы, не стремившиеся к детализации в описании точного рода занятий покойного мужа. Для них важнее было указать статус буржуа. Впрочем, одна гипотеза не противоречит второй.

Более сложный случай представляют **“буржуа шести корпораций”**. Как и у прокуроров, невест в этой группе вдвое больше, чем женихов (11:5). Среди женихов преобладает эндогамия, а доминирование суконщиков (драпье) ощущается еще сильнее, чем в случае с университетскими дарениями — женихи из других корпораций попросту отсутствуют. Суконщики упоминают в актах солидные суммы (до 5 тысяч ливров), все пятеро женятся на дочерях или вдовах буржуа, причем в трех случаях из пяти — на вдовах суконщиков.

Невесты этой группы также демонстрируют тенденцию к эндогамии. Три вдовы суконщиков, как мы поняли, выходят за суконщиков же. Но все же дочь аптекаря выходит за мерщика дров (муниципального чиновника), дочь бакалейщика — за прокурора Парламента, принося ему 700 ливров ренты (5600 ливров капитала), вдова ювелира, собирающаяся замуж за другого прокурора Парламента, указывает более скромную, но также довольно солидную сумму в тысячу ливров. Еще одна вдова ювелира выходит замуж за грэфье президиала Аженского суда.

Таким образом, наш источник свидетельствует о наличии некоторой женской гипергамии в среде парижских буржуа привилегированных корпораций. Если,

---

⁴⁷⁰ IRI. 4695, 5266.

⁴⁷¹ “soliciteur general des affaires du Roi” IRI. 4588.

⁴⁷² IRI. 4892.

конечно, принять на веру, что статус прокурора был в глазах современников более высоким, чем статус ювелира или аптекаря.

В многочисленной группе парижских **купцов-буржуа** доля женихов еще меньше, они чуть ли не втрое уступают невестам по своей численности (их соотношение — 12:33).

В половине случаев из дюжины они женятся на вдовах. Их брачный выбор ограничивается кругом парижских буржуа. Из этого есть лишь два исключения. Купец-буржуа женится на вдове доктора медицины, но жених обозначен как “capitaine des cent vingt archers de la ville de Paris”: речь идет либо выборном капитане городского ополчения, либо о купце, сочетавшем свои занятия с отправлением муниципальной должности⁴⁷³. Во втором случае Жан Одри-младший, купец и парижский буржуа заключает брак с дочерью экойе Антуана де Вильнева, прокурора Парижского Парламента, сеньора де Бомарше. О родителях жениха ничего не известно, но с его стороны молодым жалуют 200 ливров наличными и 12 арпанов земли дядя и тетя жениха — Николя Бутен, адвокат Парижского парламента и его жена Женевьева Ами, дама де Люпланте, что близ Шартра⁴⁷⁴. Речь, таким образом, идет об уже знакомом нам симбиозе прокурорских и адвокатских семей, захватывающем в свою орбиту и тех отпрысков, которые связали себя с торговлей.

Невест, чьими родственниками были бы парижские купцы-буржуа, намного больше. Половину из них составляют вдовы (17 из 33). Они чаще, чем женихи из их группы, склонны к заключению браков вне своей среды. За буржуа выходят только шесть невест, причем, все — вдовы, которые приносят приличные приданные, наиболее типичным из которых является приданное в 600 ливров.

Вдвое чаще дочери и вдовы парижских буржуа-купцов выходят замуж за судейских, от адвокатов до стряпчих. В одном случае женихом оказывается даже не сам стряпчий, а клерк. Впрочем, речь идет не о вдове или дочери, а о племяннице, находящейся под опекой своего дяди. По-видимому, она еще и прислуживала то ли в семье своего опекуна, то ли в его лавке. Как бы то ни было, жених получив 200 ливров приданного, со своей стороны выдал дяде

---

⁴⁷³ IRI. 1152.

⁴⁷⁴ IRI. 3997.

невесты обязательство не требовать с него никаких сумм, ни в качестве вознаграждения, причитающегося невесте за время, проведенное со своим дядей, ни за арендную плату за сдачу прилавка для торговли сливочным маслом на Центральном рынке⁴⁷⁵. Продолжит ли жених свою деятельность (что маловероятно, поскольку клерки должны быть холостяками), станет ли самостоятельным стряпчим, или начнет торговать за указанным в контракте прилавком, неизвестно.

Но это не единичное свидетельство коммерческих контактов судейских с буржуа. Гийом Морен, парижский купец-буржуа, обязуется выделить своему будущему зятю, королевскому приставу Счетной палаты в день свадьбы сумму в полторы тысячи ливров “своим галантерейным товаром” (*en marchandise de mercerie de son estat*), а также передать ему права на половину лавки в большом зале Дворца правосудия с обещанием сдать им вторую ее половину, когда истечет срок найма ее нынешним съемщиком⁴⁷⁶.

Правда, как следует из приписки, сделанной через три месяца, стоимость галантерейного товара оказалась ниже обещанной суммы. Поэтому бабушка невесты — Жанна Годар, вдова землепашца Жана Морена и ее сын Гийом Морен, отец невесты обязуются передать молодым движимое имущество, находящееся в задней комнате дома на улице Вьей Пеллетри, под знаком Китового ребра (*à l'enseigne de la Cotte de Balayne*)⁴⁷⁷. Среди этой группы актов мы находим также брачный договор Жанны д'Аррас, вдовы парижского купца-буржуа с уже знакомым нам экуйе Антуаном де Вильнёвом, прокурором Парламента, сеньором Бомарше. Как видим, брачные контакты с миром купцов стали частью социальной стратегии этой семьи⁴⁷⁸.

Дважды браки заключались с подмастерьями. В одном контракте речь идет о подмастерье в таверне. Но речь шла о странном браке между кузенами или свойственниками — парижский купец-буржуа и его жена приходились дядей и тетей одновременно и жениху и невесте, проживавшей у них в услужении. Во втором случае женихом дочери парижского купца-буржуа оказывался

---

⁴⁷⁵ IRI. 4273.

⁴⁷⁶ IRI. 3989.

⁴⁷⁷ IRI. 3989.

⁴⁷⁸ IRI. 1632.

подмастерье суконщика, но служил он у своего отца, буржуа-суконщика и вряд ли принадлежал к категории “вечных подмастерьев”, о чем свидетельствует и неплохое приданое для брака подмастерья — 200 ливров.

В остальных 13-ти случаях, браки заключались с торговцами и ремесленниками, по каким-то причинам не обозначенными как буржуа. Подтверждается ли наш тезис о том, что отсутствие этого “титула” скрывало за собой какое то качественное различие в имущественном и социальном статусе? На первый взгляд, данные нашего контрольного замера свидетельствуют об обратном. Ведь, то, что значительная часть невест из группы парижских выходила за торговцев и ремесленников, не обозначенных как “буржуа” указывает или на родство этих групп, или на иррелевантность термина “буржуа”.

Но обращает на себя внимание, одно обстоятельство. Если невесты этой группы тех, кто по роду своих занятий мог бы принадлежать к числу “буржуа шести корпораций” (“купец-ювелир”, два суконщика, галантерейщик), но как буржуа не обозначенные то в брачные контракты упомянуты суммы, по меркам этой группы немалые, от 300 до 1125 ливров, а среди невест нет ни одной вдовы. Если это не случайное стечение обстоятельств, то можно предположить, что, как в случае с браком с подмастерье суконщика, речь идет о довольно богатых, но сравнительно молодых людях, еще не получивших полной самостоятельности и поэтому, не ставшими полноправными буржуа. Парижский купец-буржуа, выдававший свою дочь за такого жениха мог быть уверен, что и его внуки будут расти в семье парижских буржуа.

Шесть из остальных восьми невест этой подгруппы — вдовы. В их контрактах размер приданного не указывается, точнее, публикаторы не воспроизводят таких данных. Так, например, вдова буржуа-книгопродавца выходила замуж за книгопродавца-переплетчика, а вдова купца-буржуа за мэтра-кожевника (отдельщика кожи — *soigoueur de cuirs*), причем оговаривалось, что последний обязуется обходиться с ней хорошо и любезно, как подобает порядочному человеку любить и обходиться со своей женой, а никак не иначе ⁴⁷⁹. Являются ли такие акты свидетельством отрицательной социальной динамики — вдова, стесненная в средствах лишена возможности подыскивать “приличную”

---

⁴⁷⁹ “ainsi que ung homme de bien doit traicter et aymer sa femme, et non autrement”
IRI. 3067

партию? Или же речь идет, как в первом случае о продолжении дела — вдова, сменившая мужа в лавке, выходит за компаньона или младшего партнера?

В двух оставшихся случаях, когда контракт заключают не вдовы, а дочери, буржуа этой группы, размер приданного указан — 200 экю получает парижский торговец, вступивший в брак с дочерью буржуа-виноторговца⁴⁸⁰ и почти столько же — 500 ливров — получает мэтр-камзольщик, женившийся на дочери торговца свечами, парижского буржуа⁴⁸¹. Собственно, только эти два акта размыывают границу между “буржуа” и “не-буржуа”, поэтому, если изначальный наш тезис и не был подтвержден брачными контрактами, то пока нельзя сказать, что он ими опровергнут.

Таким образом, брачные контракты буржуа-купцов, как и буржуа “шести корпораций” демонстрируют схожие тенденции: подгруппа женихов значительно уступает подгруппе невест, женихи регистрируют главным образом свои брачные контракты с вдовами, демонстрируя тенденцию к эндогамии. Невесты, напротив, в большей степени “экзогамны” — браки со “своими” регистрируют в Шатле почему-то, в основном, вдовы. Дочери буржуа достаточно часто вступают в брак с судейскими и мелкими чиновниками, но иногда можно наблюдать нечто вроде “мезальянсов”. В целом, обращает на себя внимание большее число вдов, регистрирующих свои браки, по сравнению, например, с группами дворян или офицее. Суммы приданного примерно соответствуют тем суммам, которые указывают в своих актах стряпчие, сержанты и прочий мелкий чиновный люд (300-500 ливров).

Анализ контрактов **парижских торговцев**, не обозначенных как буржуа, призван проверить все тот же тезис о наличии качественного разрыва между “буржуазными” и “не-буржуазными” слоями. Одно различие между этими группами заметно уже из предварительного просмотра *таблицы № 23*: если для пятой категории “буржуа” характерно значительное преобладание невест над женихами, то для шестой категории такой диспропорции не наблюдается.

В группе парижских торговцев соотношение женихов и невест практически равное (22 к 21). Половина торговцев женятся на вдовах, и 11 вдов торговцев выходят замуж: возможно мы близки к естественной доле вдов, среди тех кто

---

⁴⁸⁰ IRI. 2996.

⁴⁸¹ IRI. 4424.

вступал в брак в городской среде. Женихи этой группы, как мы уже поняли, порой вступали в брак с дочерьми (но не вдовами!) парижских купцов-буржуа или иных привилегированных парижан. Таких случаев восемь, но речь шла, скорее всего, о младших членах семей парижских буржуа.

Так, например, Жан Гере, сын покойного Пьера Гере, торговца сукном, вступает в брак с Жанной Робен, дочерью меховщика, видимо, покойного, поскольку в акте выступает опекун невесты Пьер Рауль, суконщик-буржуа Парижа, и его жена Маргарита Верар, тетка Жанны Робен, а также Никола Александр, суконщик-буржуа. Они обещают передать супругам тысячу ливров⁴⁸². Через год суконщик-шоссетье (продавец или производитель вязаных вещей) Пьер Лекур заключает брачный контракт с Жерменой Верар, дочерью Бартеlemi Верара, королевского книгопродавца. Бабушка невесты, вдова Антуана Верара, купца-книгопродавца и парижского буржуа, дает молодым среди прочего 50 ливров звонкой монетой, а сверх того, Маргарита Верар, вдова Пьера Рауля, купца-суконщика, тетка невесты, жалует 200 ливров, и, наконец, Николя Александр, суконщик, парижский буржуа и хозяин жениха (*maitre de Pierre de la Cour*), дарит супругам еще 50 ливров⁴⁸³. В первом случае жених, по-видимому, весьма молод, раз его статус определяется через статус его отца, что бывает нечасто. Во втором, он то ли подмастерье, то ли приказчик, то ли каким-либо иным образом зависимый от суконщика человек, но явно принадлежащий к числу “своих”. Семья Вераров-Раулей, с которыми породнен и Николя Александр, включает в себя парижских буржуа-суконщиков и книгопродавцев, принадлежащим к весьма престижному слою. В отличие от большинства прочих парижских мастеров книжного дела, уже Верар-старший был парижским буржуа, а его сын не упоминает об этом своем статусе, видимо, потому, что считает звание королевского типографа более почетным⁴⁸⁴.

---

⁴⁸² IRI. 76.

⁴⁸³ IRI. 252.

⁴⁸⁴ Впрочем, не следует особо обольщаться этим пышным званием, речь не шла о придворной должности. Король мог так и не купить или не напечатать ни одной книги у этих своих “королевских” типографов или книгопродавцев. Эти звания продавались в пользу королевской казны, и освобождали из-под

Еще один брак с племянницей парижского купца-буржуа заключает Жан Канье, торговец сукном в Париже. Сумма приданного велика — 1150 ливров. Но и жених вносит приличную долю. Его дядя — бакалавр, преподающий на факультете теологии, дарит племяннику тысячу ливров, которыми он располагал на паях в “торговом товариществе” (*en societe de marchandise*) со своим дядей — Симоном Канье⁴⁸⁵. Жених, таким образом, не соответствует образу мелкого торговца, он купец, по-видимому, в третьем поколении, принадлежавшее его родственникам дело имело неплохой оборот, не говоря уже о некотором дополнительном престиже, проистекавшем из родства с теологом прославленной Сорбонны.

В пользу гипотезы о сравнительной молодости тех “торговцев”, которые вступают в брак с дочками парижских буржуа, свидетельствует и контракт Себастьяна Нивель, книгопродавца с улицы Сен-Жак, проживавшего в доме Шарлоты Гийар, вдовы книгопродавца. Он вступает в брак с дочерью мэтра-торговца свечами, парижского буржуа. Шарлота Гийар, оказавшаяся теткой невесты, дарит молодым 300 ливров и четвертую часть всего своего имущества (в его состав, скорее всего, входили и книги из лавки ее покойного супруга), еще 300 ливров обещает им и отец жениха, Жан Нивель, торговец бумагой из Шампани. Перед нами один из начальных эпизодов саги о социальном возвышении. Сын провинциального предпринимателя, владельца бумажных мельниц из Шампани (региона, откуда долгое время поступал основной поток бумаги для многочисленных парижских типографов) был отправлен в столицу, скорее всего под присмотр семьи делового партнера — парижского книгопродавца. С помощью своей квартирохозяйки Нивель-младший проникает в мир парижских буржуа, получив скромный “стартовый капитал”, который, однако, оказался достаточным для успешного ведения собственного дела. Так было положено начало процветания знаменитой семьи парижских издателей Нивель-Крамуази. Их династия оказалась тесно связанной с французской Контрреформацией, сам Себастьян на склоне своих лет станет главным издателем Католической Лиги, его потомки возглавят знаменитую “Компанию

контроля другого исторического патрона парижских мастеров книжного дела — университетской корпорации.

⁴⁸⁵ IRI. 4314.

Корабля”, предпринявшую титанический труд переиздания Житий святых, патристики и решений Соборов, и в XVII в. они станут некоронованными королями парижского книжного дела⁴⁸⁶.

Именно такие браки с дочерьми или племянницами парижских буржуа и дают сравнительно высокий уровень приданных в этой группе от 300 до 1.150 ливров. В остальных случаях о денежных суммах в контрактах чаще всего не упоминается (во всяком случае, публикаторы не воспроизводят этих сведений), в тех редких случаях, когда размеры сумм все же уточняются, они намного скромнее.

Так, торговец-пекарь из предместья Сент-Оноре женится на дочери землепашца из того же предместья, упоминая о приданом в 40 ливров⁴⁸⁷.

Как видим, в этой подгруппе появляются родственники — крестьяне, а один из торговцев женится на вдове поденщика⁴⁸⁸. Часто эти торговцы вступают в брак со вдовами своих партнеров: торговец камзолами женится на вдове мэтра-камзольщика, продавец кондитерских изделий — на вдове мэтра-вафельщика, пекарь из предместья Сен-Лоран — на вдове парижского пекаря, виноторговец — на вдове торговца уксусом⁴⁸⁹.

Невесты из семей парижских торговцев в отличие от невест из семей буржуа редко находят женихов в судейской среде. Таких случаев всего два, но и они не похожи на то, что мы наблюдали в среде невест из семей “буржуа”. Так, практик светской курии, вдовец с двумя детьми восьми и четырех лет, женится на вдове парижского торговца, причем публикаторы воспроизводят уникальное обязательство новобрачной обучить детей ремеслу и достойно содержать их вплоть до пятнадцатилетнего возраста⁴⁹⁰. Возможно, практик был не вполне здоровым человеком или возраст его был преклонный. Во всяком случае, этот брак никак нельзя отнести к разряду гипергамных: надежд, что жених сможет занять достойное место в судейской среде, уже не было.

---

⁴⁸⁶ *Martin H.-J. Livre, Pouvoir et Société à Paris au XVII siècle (1598–1701). Paris, 1977. 2 vol.*

⁴⁸⁷ IRI. 3514.

⁴⁸⁸ IRI. 4504.

⁴⁸⁹ IRI. 3961, 4099, 4606, 4774.

⁴⁹⁰ IRI. 4312.

Второй случай иной: практик светской курии женится на дочери покойного парижского торговца. В контракте фигурирует опекун невесты, ее кузен — советник Шатле, сеньор. В знак признательности за услуги, оказанные невестой в то время, пока она проживала у него в услужении, а также в погашение возможных недоимок по опеке, советник обещает жениху 500 ливров, которые будут использованы для какой-либо должности⁴⁹¹. В данном случае карьерный рост жениха будет продолжен, но сама невеста принадлежит скорее к миру судебных, чем торговцев.

Нет сведений о браках невест этой группы с буржуа “шести корпораций”, да и упоминания о парижских купцах-буржуа также редки. В одном случае парижский купец-буржуа женится на дочери покойного пекаря и предместья Сен-Марсель, но опекуном ее выступает парижский буржуа, мэтр-каллиграф (*maitre escrivain*)⁴⁹². Другой парижский буржуа вступает в брак с вдовой некоего Гийома Фессара, суконщика-посредника (*courtier de draps*)⁴⁹³. Возможно, речь идет о среде, как-то связанной с привилегированной корпорацией парижских суконщиков, хотя размер приданного, если верить публикации, весьма скромен: речь идет о дарении половины дома, в котором проживает сама вдова. Но единственное приданное, в котором упоминается крупная сумма денег, упомянуто также в связи с средой суконщиков: Робер Депре, парижский красильщик — торговец шерстяными тканями, выдает свою дочь за подмастерья торговца шерстяными тканями и передает ему тысячу ливров. Жених также получает дар от своей хозяйки, вдовы торговца шерстяными тканями Николя Леклерка, мотивируя свой дар тем, что “на протяжении 11 или 12 лет тот добросовестно вел у нее торговлю, и всегда был на хорошем счету”. Она передает молодым квартиру, расположенную при лавке⁴⁹⁴.

Достаточно часто невесты этой подгруппы выходят замуж за представителей родственных профессий, о чем мы уже говорили. О денежных суммах в составе приданого сведений либо вовсе нет, либо же размер их очень мал, как в случае

---

⁴⁹¹ IRI. 660.

⁴⁹² IRI. 4871.

⁴⁹³ IRI. 4338.

⁴⁹⁴ IRI. 158.

брака дочери торговца из предместья Сен-Жак с изготовителем войлочных колпаков из предместья Сен-Марсель, где жених получает 30 ливров.

Анализ брачных контрактов парижских торговцев в целом подтверждает вывод о наличии социального барьера, отделяющего их от парижских буржуа. Правда, барьер этот не был абсолютно непроницаемым. Собственно, нам удалось установить, что парижанин, занимавшийся коммерцией, мог не иметь титула “буржуа” в трех случаях. Во-первых, если он происходил из семьи буржуа или даже привилегированных буржуа, но был молод, только начинал свою карьеру (и, возможно, жил в родительском доме) или же так и не смог завести своего дела. Во-вторых, если он принадлежал к какой-либо сильной корпорации, стоящей в городе на особом положении, владел муниципальной или своеобразной королевской “должностью”. Например, был королевским типографом, присяжным виноторговцем, присяжным книгопродавцем Парижского университета⁴⁹⁵, или же принадлежал к древней, но замкнутой и обделенной престижем корпорации (как в случае с парижскими мясниками). В этих случаях, парижанин мог и не упомянуть о своем статусе буржуа, даже если он им и обладал.

В-третьих, в подавляющем большинстве случаев, речь все же шла о парижанах, занимавшихся мелкой розничной торговлей, совмещая ее с ремеслом или промыслом, и значительно уступавших “буржуа” по своим доходам и своему престижу. Я бы сравнил разницу между ними и “буржуа” с разницей между мещанами и гильдейским купечеством России XIX века. Браки с парижскими буржуа, их дочерьми или вдовами были явлением нормальным (хотя и сравнительно редким) в первом и втором случаях, в третьем же случае они были бы мезальянсом или отражением какой-либо исключительной семейной коллизии.

В этом третьем случае для женихов и невест характерно появление такого парижского “индекса приниженности”, как упоминание о своем точном адресе.

---

⁴⁹⁵ См. IRI. 5027, брачный контракт вдовы присяжного купца-книгопродавца, упоминавшего о приданом в 600 ливров, что являлось немалой суммой для группы купцов-“не-буржуа”. Но, поскольку статус ее жениха не установлен, ясно лишь, что он родом из Шампани, но в настоящий момент имеет какое-то дело в Париже, то я не включил этот акт в анализируемую группу.

Этот же признак свойственен и группе **парижских ремесленников**, половина из которых уточняет свой адрес. Женихов в этой группе несколько больше, чем невест (соотношение 31:26). Для ремесленников характерна высокая степень эндогамии : в группе женихов 17 браков заключается в ремесленной среде, причем из них в одиннадцати случаях брачная партия подбирается в рамках одного или того же ремесла или среди представителей смежных профессий (наподобие уже известного нам брака переплетчика и вдовы книгопродавца).

Приведу два примера. Пьер Редде, мэтр-банщик (*maitre faiseur d'estifz*), проживающий на улице Кенканпуа и Мари Ле Брюн, чей дядя Маргери Лебрюн, мэтр-банщик с той же улицы, дарит им площадку для игры в мяч с раздевалкой (*avec un despouille*) с обязательством поддерживать ее в порядке и освободить, если Маргери и его жена перестанут содержать весь дом для игры в мяч⁴⁹⁶.

Достаточно характерен и договор Жерве дю Буа, оружейника (*fourbisseur de harnois et armures* – представители этого ремесла занимались починкой доспехов и конских лат, “подгонкой” их по меркам заказчика). Вступая в брак с Изабо Плонжон он заключает брачный контракт, по которому Пьер Плонжон, *fourbisseur de harnois et armures*, проживающий в Париже на Шлемной улице (*rue de la Neaumerie*), близ церкви Сен-Жак-де-ля-Бушри, отец невесты, дает молодым различное движимое имущество и утварь из своего дома, в частности, точильный камень для полировки доспехов и прочий инструмент, и обязуется селить их у себя, разделять их расходы, в том числе расходы за наем дома, и разделяя пополам доходы, получаемые со своего ремесла... “каковому указанный Плонжон обещает обучить указанного Жерве дю Буа, и раскрыть ему свое мастерство, а оный обязуется учиться и подчиняться указанному Плонжону во всех разумных и законных вещах и жить в дружбе и согласии с отцом и матерью Изабо, оказывая им уважение, каковое должно оказывать отцу и матери”⁴⁹⁷.

О наличных деньгах в составе приданого ремесленники упоминают редко. Дважды речь идет о довольно крупных суммах — в 500 и 600 ливров. В первом случае мэтр-ковровщик женится на дочери парижского буржуа, торгующего

---

⁴⁹⁶ IRI. 4160.

⁴⁹⁷ IRI. 1516.

свечами (*marchand chandelier de suif*)⁴⁹⁸, а во втором некий Жан де Монсо, сын покойного ювелира, женится на дочери парижского буржуа, мэтра сапожника⁴⁹⁹. Конечно, оба тестя никак не относились к сливкам парижской буржуазии. Но в подтверждение тезиса о важности “титула” “буржуа” — эти суммы намного превосходят аналогичные показатели, упоминаемые другими ремесленниками, в чьих контрактах говорится о куда более скромных суммах 40-50 ливров. Но большинство, как женихов, так и невест из этой группы вообще не упоминают о конкретных суммах.

Там, где брачные связи выходят за рамки ремесленной среды, речь идет о крестьянах: Так, дочь колпачника выходит замуж за огородника из предместья Сент-Оноре⁵⁰⁰.

Мэтр-сукновал (*maitre-tondeur de grand force*), женится на дочери крестьянина, которая, впрочем, была племянницей его коллеги-сукновала⁵⁰¹.

Итак, ремесленники — удивительно цельная группа, судя по всему, почти не склонная к гипергамии (в отличие от парижских буржуа). Даже странно, что нам почти совсем не попадались сведения о связи ремесленников с судейскими

---

⁴⁹⁸ IRI. 4424.

⁴⁹⁹ IRI. 4328.

⁵⁰⁰ IRI. 5297. Этот брак может показаться мезальянсом, ведь колпачники вошли в XVI в. в состав “шести корпораций”. Но колпачники были представлены там скорее символически, их имущественное положение ни шло ни в какое сравнение не только с суконщиками, но также с галантерейщиками и аптекарями. В данном случае речь шла о некоей нестандартной семейной ситуации — отец невесты в акте присутствует и дает молодым 10 ливров. Но 50 ливров дарит опекун невесты, парижский землепашец-огородник. Из публикации выясняется, что невеста с двухлетнего возраста воспитывалась в доме крестного (возможно, отец рано овдовел, ведь в акте мать невесты не указана), причем крестный, как водится оговаривает, что дарение сделано дабы быть в расчете за *salaires* (оплату трудов), которое могла бы потребовать невеста за время проживания в их доме. Помимо денег и обычного гардероба невесты, крестный дарит молодым участок огорода в квартале Марэ, на Болоте, — ведь застройка этого района аристократическими кварталами тогда еще не началась.

⁵⁰¹ IRI. 3907.

и клириками⁵⁰², ведь, как мы помним, среди ремесленников было немало тех, чьи родственники учились в университете.

О группе **провинциальных торговцев** (купцов) мы мало что можем сказать определенного. Вполне очевидно, что контракты 8 женихов и 12 невест этой группы не демонстрируют тенденции к эндогамии, иначе они регистрировались бы по месту жительства, а не в парижском Шатле. Есть, впрочем, одно исключение — брак Жака Вайана, сына Пьера Вайана купца в Ферте-Ануль и Ализон Руссен, дочери покойного Жана Руссена, торговца мебелью из того же города⁵⁰³.

Невесты выходят за практиков, провинциального сборщика, сеньора, пристава королевской канцелярии придворный портного. Женихи вступают в брак с вдовой буржуа, вдовой партикулярного лейтенанта, провинциального графье, но также дочерью крестьянина, вдова пекаря, вдовой мэтра перчаточника.

Крестьяне представляют собой небольшую группу, намного меньшую, чем в случае с университетскими дарениями. Ее образуют семеро женихов и 13 невест. Крестьяне-женихи лишь в двух случаях заключали брак с дочерьми ремесленников: один землепашец берет в жены дочь мэтра – шорника (с приданым в 80 ливров), другой был уже известным нам огородником из предместья Сент-Оноре, который женился на дочери колпачника. Но, как мы помним, он породнился скорее с семьей парижского огородника — крестного невесты и ее воспитателя. В остальных случаях речь идет о “внутрикрестьянских” браках. Причем, как и в дарениях студентам, крестьянские акты отличались особым колоритом. Так, отец жениха Мишель Прево — купец-землепашец из Гурне, что в Иль-де-Франсе, обещает одеть своего сына “в достойную одежду, платья, штаны, туфли, как подобает сыну землепашца (*ainsi que ung fils de laboureur a aprins d'estre*) и подарить невесте достойный серебряный пояс, каковой обычно выдают дочери землепашца (*ainsi que l'on a acoustume de bailler a une fille de laboureur*)”⁵⁰⁴. Характерно, что мать

---

⁵⁰² Лишь в одном акте колпачник из предместья Сен-Марсель, вступивший в брак с дочерью булавочника из соседнего предместья Нотр-Дам-де-Шан, получает 10 ливров от дяди невесты – священника.

⁵⁰³ IRI. 5280.

⁵⁰⁴ IRI. 2171.

жениха приходится теткой невестке. Брак становится эндогамным уже не в переносном, а в прямом смысле.

Невесты из семей крестьян иногда выходили замуж в другую среду. Практик из небольшого городка Иври-на-Сене заключает брачный контракт с землепашцем из предместья Сен-Марсель, который был, правда, не отцом, а опекуном невесты⁵⁰⁵. В двух случаях вдовы крестьян выходили замуж за слуг. Дочери землепашцев из парижских предместий выходили за своих соседей-ремесленников.

Как мы помним, количество вдов среди новобрачных было невелико в группах дворян и офицье, затем несколько увеличилось в группе адвокатов, и составляло не менее, а то и более половины в группах буржуа, торговцев и ремесленников. Что касается крестьян, то ни один из них не женится на вдове, да и среди невест есть лишь две вдовы. Не свидетельствовало ли это о раннем брачном возрасте крестьян?

Небольшая группа **слуг** и представителей **низших слоев** настолько разнородна, что с неизбежностью распадается на мельчайшие подгруппы.

Прежде всего, слуги знатных лиц (4 жениха и 2 невесты). Это достаточно солидные люди. Так, камердинер епископа Санлисского женится на дочери королевского сержанта с приданным в 100 экю. Камердинер кардинала Лотарингского вступает в брак с вдовой парижского купца-буржуа, а слуга некоего Бертрана де Керкефинема, сеньора Ардивилье, женится на вдове торговца колбасами (*charcutier*), причем в его контракте упоминается приличная сумма в 400 ливров.

Но самая крупная сумма упомянута в контракте Марии де Луве, служанки некоей Мадлены де Сюз, вступившей в брак с внебрачным сыном сеньера Жана де Коленкура, воином (*homme d'arme*) королевской ордонансовой роты под началом коннетабля Монморанси. За добрые и любезные услуги, оказываемые служанкой, молодые получают от хозяйки тысячу ливров⁵⁰⁶.

Прочие представители низших слоев, конечно, не могут похвастаться таким приданным. Но и здесь подмастерья стоят особняком. Подмастерье бондаря женится на дочери крестьянина, которая также была племянницей мэтра

---

⁵⁰⁵ IRI. 3832.

⁵⁰⁶ IRI. 5350.

бондаря, парижского буржуа. Дядя обещает заплатить молодым 10 экю и предоставить им жилье сроком на шесть лет в Сен-Жермен-де-Пре, на улице Голубятни, но с условием, что они будут там проживать сами, а не сдавать другим. Более того, бондарь разрешает жениху работать бондарем под его именем, опять же, сроком на шесть лет, причем прибыль вся будет поступать молодым супругам⁵⁰⁷.

Как мы помним, анализируя университетские дарения, своеобразной элитой среди подмастерьев были подмастерья-стригольщики. В брачных контрактах ничего подобного обнаружить не удалось. На роль “элиты” могут претендовать подмастерья суконщиков или красильщиков⁵⁰⁸ в их контрактах упоминаются немалые суммы.

В целом же подмастерья — тоже своего рода группа “женихов на вырост” на семерых женихов приходится только две вдовы подмастерьев, и ни одной дочери. Несмотря на наличие “вечных” подмастерьев, в целом в эту группу входили люди в основном молодого возраста. Об одном из подмастерьев так прямо и говорится — Пьер Тибо, “юный подмастерье брачного возраста” (*jeune compagnon a marier*)⁵⁰⁹. От своего будущего тестя, провинциального купца, он получил 100 экю звонкой монетой.

Одному из подмастерьев хирурга-цирюльника удалось вступить в брак с вдовой парижского буржуа. Другому, судя по всему, невесту подыскали его коллеги-аптекари. Этьен Картье, купец-аптекарь, парижский буржуа, и его мать, вдова парижского буржуа, выдали за подмастерья хирурга-цирюльника свою служанку, обещав передать молодым в день свадьбы 50 ливров, “учитывая вознаграждение за труды и услуги невесты”⁵¹⁰.

Что касается слуг простых парижан — парижского буржуа, секретаря суда, то они женятся на дочерях крестьян. Слуга, прислуживающий у ювелиров (но не подмастерье!) женится на вдове разнорабочего (*mainouvrier*). Парижский поденщик (*gagne-denier*) женится на вдове подмастерья портного, своей соседке, как явствует из того, что и жених и невеста указывают свои адреса. Вдова

---

⁵⁰⁷ IRI. 2146.

⁵⁰⁸ IRI. 158, 4313, 2146.

⁵⁰⁹ IRI. 2244.

⁵¹⁰ IRI. 4632.

другого парижского поденщика выходить замуж за некоего торговца, но во всех этих актах ничего не говорится о размерах приданного. Совершенно очевидно, что представители этих слоев если и были склонны составлять брачные контракты, то крайне редко регистрировали их в Шатле.

Подводя итоги анализа брачных контрактов, можно сделать вывод, что социальная иерархия, выстроенная нами на основе университетских дарений, в целом, нашла свое подтверждение в результате произведенного “контрольного замера”. Обратим внимание на найденные отличия — буржуа, торговцы, ремесленники и крестьяне почему-то представлены в числе составителей брачных контрактов реже, чем в числе дарителей студентам.

Более благоприятным, чем в университетских дарениях, видится положение дворян. Не столь резкой оказалась разница между прокурорами Парламента и прокурорами Шатле. Водораздел в данном случае проходил скорее между прокурорами и стряпчими. Не столь непроницаемым (но все же существующим) оказался барьер между парижскими буржуа с одной стороны и торговцами “небуржуа” с другой. Выяснилось, что последняя группа была достаточно дифференцированной. Кроме того, было добыто некое новое опытное знание — выяснилось, что в регистрах существуют “группы женихов” (адвокаты, практики, подмастерья) и “группы невест” (дочери прокуроров, парижских буржуа). Можно говорить о случаях брачного симбиоза (адвокаты и прокуроры). Некоторые группы демонстрировали тенденцию к эндогамии, женились преимущественно на своих (дворяне, финансовые чиновники, ремесленники), другие предпочитали браки с представителями чужих групп (так вели себя сеньоры, адвокаты и прокуроры, дочери парижских буржуа). Выяснилось также, что разным оказался уровень “вдовности” среди регистрируемых в Шатле контрактов, чаще всего это могло служить указанием на разницу в брачном возрасте группы.

Но и при анализе университетских дарений и в “контрольном замере” нам попадались исключения из правила, в каждой группе находился кто-нибудь, кто вел себя “не по правилам”, выделяясь из общего ряда, причем именно эти акты обладали особым колоритом и так и просились быть приведенными в качестве примера. Но об этой особенности наших документов мы будем говорить в последней главе. А пока же отметим, пожалуй, главный сюрприз. До того, как я предпринял анализ брачных контрактов, я полагал, что это только “Франция

университетских дарений” демонстрирует возможность неожиданных межгрупповых связей, ситуации, когда какой-нибудь торговец-шоссетье оказывается родственником дворянина, а крестьянин — родственником адвоката. Но выяснилось, что и “Франция брачных контрактов”, которая априорно должна обладать более жесткой социальной структурой, способна демонстрировать подобного рода исключения.

Но составляя рабочие таблицы для анализа брачных контрактов, я обнаружил, что их число стремительно увеличивается в регистрах, относящихся ко второй половине правления Генриха II, обратившись к университетским актам, я обнаружил, что они демонстрируют противоположную тенденцию. И я понял, что необходимо попытаться ввести фактор времени в наш анализ, носящий, в сущности, сугубо статичный характер.

§2. Фактор времени: Распределение актов по томам регистров Шатле за 20 лет.

Ритмы регистраций: нарастание, “кризисное пятилетие”, восстановление. — Брачные контракты и университетские дарения: crescendo и diminuendo. — Проверка завещаниями. — Загадка трех кривых.

Как мы помним из первой главы, дарения, записываемые в пятнадцати первых книгах регистров Шатле, распределены по годам не вполне равномерно, о чем свидетельствует *таблица № 20*

ТАБЛИЦА № 24

Распределение актов по книгам регистров Парижского Шатле.

№ серии в Национальном Архиве	Дата начала и конца книги Регистров	Число листов в книге регистров	Число актов в книге	Номера публикации в Е. Campardon, А. Tuetey
1. Y 86	09.1539– 12.1540	384	239	1-239
2. Y 87	12.1540– 03.1542	388	341	240-581
3. Y 88	03.1542– 05.1543	381	432	582-1014

4. Y 89	05.1543– 08.1544	391	424	1015-1439
5. Y 90	08.1544– 05.1545	360	296	1440-1736
6. Y 91	05.1545– 06.1546	395	361	1737-2098
7. Y 92	06.1546– 06.1547	386	339	2099-2438
8. Y 93	06.1547– 08.1548	436	356	2439-2795
9. Y 94	08.1548– 08.1549	385	340	2796-3136
10. Y 95	08.1549– 09.1550	439	378	3137-3515
11. Y 96	09.1550– 08.1551	466	409	3516-3925
12. Y 97	09.1551– 08.1552	478	388	3926-4314
13. Y 98	08.1552– 07.1553	484	438	4315-4753
14. Y 99	06.1553– 05.1558	376	308 (т. е. по 61 акту в год)	4754-5062
15. Y 100	05.1558– 11.1559	331	319	5063-5382 ⁵¹¹

Мы видим, что ритм регистраций неравномерен. Если в первое из указанных в таблице десятилетий в месяц в среднем регистрировалось по 26-28 актов, то в первые три года следующей декады это число возросло в среднем до 36-37

---

⁵¹¹ Только составив данную таблицу, я обнаружил, что публикаторы, вероятно, где-то допустили сбой в нумерации актов. Сумма актов, зарегистрированных во всех 15 книгах составляет не 5382, а 5368.

актов. Затем наступает сбой. Мы видим, что том книги регистров, серии Y 99 охватывает пятилетний срок, в отличие от всех остальных томов каждый из которых велся в течение года или от силы полутора лет. И за эти пять лет ежегодно регистрировалось в семь раз меньше актов, чем за предыдущий год.

Напомню, что причина этого крылась в изменении режима “инсинуации” в мае 1553 г. В Сен-Жермен-ан-Лэ король подписывает эдикт, согласно которому каждый контракт, заключенный на сумму, превышающую 50 ливров, подлежал регистрации в секретариатах, специально создаваемых при каждом королевском суде⁵¹². Но введение этой системы, как это часто бывает, не аннулировало старый институт, и регистрации в книге Регистров Парижского Шатле продолжались. Судя по всему, в Парижском Шатле была создана новая структура — *greffe des insinuations*, но это не ликвидировало практику ведения регистров старого типа, просто записей стало намного меньше. Новая система, предписывавшая регистрацию достаточно мелких сделок, быстро “утопила” исполнителей в бумажном потоке⁵¹³ и вызывала множество нареканий, в первую очередь со стороны купцов, жалующихся на то, что принудительная регистрация всех контрактов крайне негативно сказывается на коммерции. В конце концов, в июне 1558 г в Виллер-Котре королем было подписано распоряжение, аннулирующее “секретариат инсинуаций” города Парижа. Вскоре, как мы видим по последнему тому (серия Y 100), нормальный ритм регистраций в книгах Парижского Шатле в целом был восстановлен: за период ведения данного регистра (с мая 1558 по ноябрь 1559) число актов увеличилось настолько, что превысило среднюю ежегодную величину регистраций “кризисного пятилетия” в 5,2 раза.

Таким образом, перебой в ритмах регистрации актов в Шатле имеет вполне ясную внешнюю причину. Но насколько эта неравномерность совпадает с неравномерностью распределения регистраций брачных контрактов в тех же томах?

---

⁵¹² *Fontanon A. Les édicts et ordonnances des Rois de France. Paris, 1611. Vol. 1. P. 496.*

⁵¹³ Уже через год, в 1554 г. парижский “грефье инсинуаций” жаловался на нехватку места для хранения документов.

Как следует из *таблицы № 21*, число регистраций брачных контрактов возрастает куда быстрее, чем возрастает общее число регистраций.

ТАБЛИЦА № 25

Распределение брачных контрактов по сериям регистров Шатле

Серия	Число брачных контрактов	% от общего числа	Начало и конец регистра	Число актов в книге	Номера в публикации
У 86	10	4.2%	09.1539-12.1540	239	1-239
У 87	15	4.4%	12.1540 03.1542	341	240-581
У 88	12	2.8%	03.1542 05.1543	432	582-1014
У 89	13	3,1%	05.1543 08.1544	424	1015-1439
У 90	8	2,7%	08.1544 05.1545	296	1440-1736
У 91	16	4,4%	05.1545 06.1546	361	1737-2098
У 92	12	3,5%	06.1546 06.1547	339	1099-2438
У 93	7	2%	06.1547 08.1548	356	2439-2795
У 94	13	3,8%	08.1548 08.1549	340	2796-3136
У 95	12	3,2%	08.1549 09.1550	378	3137-3515
У 96	29	7,1%	09.1550 08.1551	409	3516-3925
У 97	28	7,2%	09.1551 08.1552	388	3926-4314
У 98	54	12,3%	08.1552 07.1553	438	4315-4753
У 99	36	11,7%	21.1553 06.1558	308	4754-5062
У 100	48	15%	05.1558 11.5159	319	5063-5382

Результаты можно представить в виде **гистограммы 1**

См. ниже.

Начиная с 1550 г. (серия У 96) доля брачных контрактов в общем числе регистраций стала резко повышаться. В том же, относящемся к периоду “кризисного пятилетия” (серия У 99), доля брачных контрактов не сильно сократилась (хотя, конечно, ежегодное число таких регистраций упало в семь

раз), но в последнем томе она не только возвращается к “рекордному” показателю регистра У 98, но и перекрывает его.

В то же время университетские дарения, как следует из *таблицы № 22*, демонстрируют совершенно иной ритм регистрации. “Кризисное пятилетие” обернулось для практики дарений студентам настоящей катастрофой, после которой доля таких дарений продолжала сокращаться и в регистре У 100.

ТАБЛИЦА № 26

Распределение дарений студентам по сериям регистров Шатле.

Сери я	Число дарений студентам	% от общего числа	Начало и конец регистра	Число актов в книге	Номера в публикац ии
У 86	77	32,2%	09.1539–12.1540	239	1–384
У 87	46	13,5%	12.1540–03.1542	341	385–581
У 88	98	22,7%	03.1542–05.1543	432	582–1014
У 89	105	24,8%	05.1543–08.1544	424	1015– 1439
У 90	73	24,7%	08.1544–05.1545	296	1440– 1736
У 91	87	24,1%	05.1545–06.1546	361	1737– 2098
У 92	72	21,2%	06.1546–06.1547	339	2099– 2438
У 93	80	22,5%	06.1547–08.1548	356	2439– 2795
У 94	80	23,5%	08.1548–08.1549	340	2796– 3136
У 95	69	18,3%	08.1549–09.1550	378	3137– 3515
У 96	80	19,6%	09.1550–08.1551	409	3516– 3925
У 97	61	15,7%	09.1551–08.1552	388	3926– 4314
У 98	74	16,9%	08.1552–07.1553	438	4315–

					4753
У 99	29	9,4%	21.1553–06.1558	308	4754– 5062
У 100	23	7,2%	05.1558–11.5159	319	5063– 5382

См. **гистограмму № 2**

Я был удивлен, обнаружив столь вопиющее несоответствие между ритмами регистраций этих двух типов актов, во всяком случае, в том, что относится к двум последним томам. Оба ряда данных плохо соотносились не только между собой, но еще и с распределением во времени общего числа регистраций (данные *таблицы № 24*). Для того, чтобы выяснить, какой из ритмов регистрации более “типичен”, я попытался отыскать еще один тип дарений, который мог бы послужить контрольной величиной.

Таковыми актами стали дарения в форме завещаний. Их число значительно уступает не только университетским дарениям, но и дарениям в форме брачных контрактов: в регистрах Шатле с 1539 по 1559 г. было зарегистрировано всего 68 актов. Их распределение во времени отражает *таблица № 27*.

ТАБЛИЦА № 27.

Распределение дарений в форме завещаний по книгам регистров Шатле.

Серия	Число завещаний	% от общего числа	Начало и конец регистра	Число актов в книге	Номера в публикации
У 86	7	3%	09.1539-12.1540	239	1–239
У 87	0	-	12.1540-03.1542	341	240–581
У 88	3	0,7%	03.1542–05.1543	432	582–1014
У 89	2	0,47%	05.1543–08.1544	424	1015– 1439
У 90	0	-	08.1544–05.1545	296	1440– 1736
У 91	2	0,54%	05.1545–06.1546	361	1737– 2098

У 92	4	1,2%	06.1546–06.1547	339	1099– 2438
У 93	3	0,84%	06.1547–08.1548	356	2439– 2795
У 94	3	0,88%	08.1548–08.1549	340	2796– 3136
У 95	0	-	08.1549–09.1550	378	3137– 3515
У 96	9	2,2%	09.1550–08.1551	409	3516– 3925
У 97	5	1,3%	09.1551–08.1552	388	3926– 4314
У 98	10	2,3%	08.1552–07.1553	438	4315– 4753
У 99	7	2,3%	21.1553–06.1558	308	4754– 5062
У 100	13	4%	05.1558–11.5159	319	5063– 5382

См. **Гистограмму № 3**

Конечно, число таких актов оказалось слишком скромным для сколь-нибудь определенных выводов, но, ритм регистрации в данном случае оказывается в общих чертах схожим с ритмом регистрации брачных контрактов — после 1550 г. (серия У 96) число регистраций ощутимо увеличивается, оставаясь достаточно высоким и в “кризисное пятилетие”, оно быстро восстанавливается в последней книге регистров.

Для большей наглядности попробуем объединить данные трех последних таблиц в *гистограмме № 4*. (Регистрации завещаний, брачных контрактов и дарений студентам)

Итак, дарители почему-то с 1550 г. начинают регистрировать дарения в форме завещаний и, особенно, в форме брачных контрактов гораздо чаще, чем раньше. Что касается брачных контрактов, то, в конце концов, у меня родилась некая гипотеза, которая могла бы объяснить столь явное усиление внимания к их регистрации, начиная с 1550 г. Мы вернемся к ней в последней главе.

Но ситуация с университетскими дарениями представляется более серьезной — ведь именно на этом типе документов основывался опыт социальной реконструкции. И то, что эта основная серия источников оказалась столь подвержена конъюнктурным колебаниям, не может не настораживать. Без привлечения внеисточникового знания, оставаясь в рамках объективирующего метода, найти решение этой загадки оказалось для меня невозможным. И я попытался выйти за рамки данных серий регистров Шатле.

§3. Еще одна проверка: другие источники и другие времена.

Регистры Шатле и нотариальные минуты: существенное расхождение. — Ритмы регистрации после 1559 г.: кривая идет вниз. — Законодательство вносит ясность. — Все — жулики, или репрезентативность под вопросом. — Необходимость нового ракурса.

Дарения, адресованные студентам университета, значительно отличаются от всех остальных типов нотариальных актов, зарегистрированных в Шатле, в этом я убедился, сопоставив данные публикации “Инвентаря регистров” с публикацией аналитического инвентаря нотариальных актов, предпринятой Эрнстом Куайаком. В первом томе своего труда он публикует и анализирует нотариальные минуты конторы нотариусов Жана Крозона (до 1498–1518 г.), его сына Пьера Крозона (1518–1532), второго мужа вдовы Пьера Крозона, Ива Буржуа (1539–1549), а также конторы нотариуса Катрин Фардо (1539–1545). Эти нотариусы действовали на Левом берегу, в университетском квартале: контора Крозонов находилась на улице Сен-Жак, а Катрин Фардо работал на площади Мобер. Вполне понятно, что 6474 акта, приведенные в этой публикации, типологически отнюдь не тождественные актам, зарегистрированным в Парижском Шатле. В последнем случае, как мы помним, речь шла только о дарениях недвижимости, поэтому акты, составлявшие большинство в связках нотариальных минут (договоры о найме жилья, о строительных работах, контракты об отдаче в ученичество, конституирование рент и др.), по определению не должны были регистрироваться в Шатле (за исключением краткого периода “кризисного пятилетия”). И все же сопоставление двух столь внушительных серий документов не лишено оснований, ведь публикацию Э. Куайака мы можем рассматривать как более приближенный к реальной практике срез действительности. В конце концов, все акты, зарегистрированные в Шатле, прежде были составлены нотариусами и их

минуты должны были храниться в конторах, подобных конторам Крозонов или Фражо. Весь вопрос в том, какую долю они там составляли?

Попробуем соотнести между собой данные двух публикаций, относящиеся к уже известным нам сериям актов — завещаниям, брачным контрактам и дарениям студентам.

ТАБЛИЦА № 28

Данные о завещаниях, брачных контрактах и дарениях студентам в публикациях Куайака и Кампардона-Тюетя

	Нотариальные минуты. Публикация Э. Кампардона и А. Тюетя	Регистры Шатле. Публикация Куайака
Общее число актов	5382	6474
Завещания	68	242
<i>Доля от общего числа</i>	<i>1, 26%</i>	<i>3,74%</i>
Брачные контракты	266	95
<i>Доля от общего числа</i>	<i>4,95%</i>	<i>1,47%</i>
Дарения студентам	1224	26
<i>Доля от общего числа</i>	<i>22,74%</i>	<i>0,4%</i>

В нотариальных минутах контор Левого берега упоминается существенно больше завещаний и существенно меньше брачных контрактов, чем в Регистрах Шатле. Но все же эти данные вполне сопоставимы и даже могут быть как-то объяснены. Например, тем, что Левый берег был населен большим числом клириков, которые часто составляли завещания, но определенно не могли составлять брачных контрактов. К тому же, население Левого берега, в особенности тех улиц, на которых проживал основной контингент клиентов нотариусов Фардо и Буржуа, состояло по большей части из плебейских элементов, здесь жили также студенты и многочисленные клерки судебных курий, то есть слои, менее других склонные к составлению брачных контрактов. Возможны, конечно, и иные объяснения. Но мы можем обойтись и вообще без них: сведения о брачных контрактах и завещаниях, содержащиеся в публикации нотариальных минут и регистров “инсинуаций” Шатле, не настолько расходятся друг с другом, чтобы исключить возможность простой случайности.

Другое дело — сведения о дарениях студентам. Данные одного источника превышают данные другого источника уже не в 3–3,5 раза, как в первых двух случаях, а в 55 раз. Это уж никак не может быть случайностью. Тем более что в кварталах, где действовали данные нотариусы, студентов проживало больше, чем где-либо в Париже, и, казалось бы, здесь-то и должно было быть составлено много университетских дарений⁵¹⁴.

Итак, с регистрацией университетских дарений дело обстояло совсем иначе, чем с регистрацией других актов. Трудно избавиться от впечатления, что их число было искусственно раздуто в регистрах Шатле. Да и динамика их регистрации, как мы убедились, совсем иная. После “кризисного пятилетия” их число резко сокращается.

Интересно проследить ситуацию с университетскими дарениями в более поздний период, после 1559 г. Как отмечалось в первой главе, “регистры инсинуаций”, составленные позднее 1559 г., не выдавались читателям. Но мне удалось воспользоваться микрофишами рукописных карточек, составленных архивистами, по-видимому, в 20-х–30-х годах XX века. По сути, эта картотека была продолжением труда Э. Кампардона — краткие аннотации дарений, зарегистрированных в Шатле. Как отмечалось в первой главе, использовать этот источник наравне с публикацией Кампардона-Тюетя не представляло никакой возможности, ведь помимо его труднодоступности, не слишком разборчивых почерков, которыми эти сведения записывались в карточки (с трудом читаемые на негативных микрофишах), эта картотека значительно уступала изданию Кампардона: она содержала информацию об актах в самом сжатом виде.

Я просмотрел картотеки, относящиеся к регистрам Y 101–Y 113 охватывающим с конца 1559 по 1573 г., то есть практически за весь период правления Карла IX. Среднегодовое число регистраций в них соответствовало аналогичным показателям за предыдущий период, о чем можно судить по количеству страниц в каждом из томов регистров. Следовательно, перипетии Религиозных войн не повлияли на частоту регистраций нотариальных актов - эта практика продолжалась в полном объеме.

---

⁵¹⁴ Кстати, в публикации Куайака фигурируют сотни связанных с университетом людей: студентов, преподавателей и обслуживающего персонала.

К сожалению, когда я бегло просматривал эти карточки, мне не приходила в голову идея “контрольных замеров”, и я не обратил внимания на брачные контракты и на завещания, но университетские дарения я отмечал по возможности тщательно. Поэтому мы можем продолжить соответствующую кривую, иллюстрирующую частоту регистраций лишь университетских дарений.

Эти данные представлены в *таблице № 29*.

ТАБЛИЦА № 29

Дарения студентам с 1539 по 1573 гг.

Серия	Число дарений студентам	Начало и конец Регистра	Число актов в книге	Номера в публикации
У 86	77	09.1539–12.1540	239	1–239
У 87	46	12.1540–03.1542	341	240–581
У 88	98	03.1542–05.1543	432	582–1014
У 89	105	05.1543–08.1544	424	1015–1439
У 90	73	08.1544–05.1545	296	1440–1736
У 91	87	05.1545–06.1546	361	1737–2098
У 92	72	06.1546–06.1547	339	1099–2438
У 93	80	06.1547–08.1548	356	2439–2795
У 94	80	08.1548–08.1549	340	2796–3136
У 95	69	08.1549–09.1550	378	3137–3515
У 96	80	09.1550–08.1551	409	3516–3925
У 97	61	09.1551–08.1552	388	3926–4314
У 98	74	08.1552–07.1553	438	4315–4753
У 99	29	21.1553–06.1558	308	4754–5062
У 100	23	05.1558–11.1559	319	5063–5382
У 101	18	11.1559–09.1560	385	
У 102	20	09.1560–03.1562	475	
У 103	8	03.1562–04.1563	380	
У 104	6	04.1563–03.1564	320	
У 105	12	03.1564–05.1565	451	
У 106	11	05.1565–04.1566	470	

Y 107	12	04.1566–03.1567	486	
Y 108	9	03.1567–08.1568	390	
Y 109	8	08.1568–09.1569	471	
Y 110	10	09.1569–09.1570	474	
Y 111	12	09.1570–08.1571	460	
Y 112	3	08.1571–06. 572	478	
Y 113	6	06.1572–03.1573	340	

Гистограмма № 5 убедительно иллюстрирует этот процесс.

Итак, никаких сомнений не осталось, катастрофическое сокращение доли университетских дарений в книгах регистров после “кризисного пятилетия” было не конъюнктурным спадом, но началом нового периода — периода резкого (практически восьмикратного) сокращения числа таких регистраций. И никакими видимыми причинами это явления не объяснить, общая практика регистраций дарений не изменилась: как мы видим, тома регистров не становились тоньше, начавшиеся Религиозные войны не привели еще к демографическому коллапсу, а Парижский университет по-прежнему пользовался авторитетом и был привлекательным для студентов.

Найти ответ оказалось очень просто. Генрих II, год от года усиливавший свой контроль над судопроизводством и, в особенности, над судебной процедурой, самым решительным образом стремился к ограничению множественности юстиций: сеньориальные и церковные судебные привилегии подвергались все более жесткому контролю. Видимо, такая судьба постигла и университетский суд. Тем более, что растущие фискальные затруднения заставляли правительство по возможности увеличивать, как мы сейчас бы сказали, “налогооблагаемую базу”.

Надеюсь, мы уже достаточно наглядно убедились, что дарители очень часто преследовали совсем иные цели, нежели оказание помощи студентам в учении. Иногда они вполне откровенно об этом заявляли в своих актах. Не было это секретом и для современников, в особенности, для откупщиков налогов, с горечью наблюдавших за тем, как мимо их сборщиков проходят, например, целые баржи, груженные товарами, оформленными “для нужд студентов”. Поняли мы и то, что главной выгодой дарителей была возможность перенести

судебную тяжбу (реальную или потенциальную) в суд хранителя университетских привилегий.

Я почти уверен, что Генрих II в последние годы своего правления предпринял какие-то вполне эффективные меры против этих злоупотреблений. Это лежало в русле его широкомасштабного плана по наведению порядка в стране, для чего и был заключен столь поспешный мир в Като-Камбрези. Во всяком случае, депутаты Генеральных штатов 1560–1561 г. в ремонстрации требовали положить конец злоупотреблениям университетскими привилегиями. И в 35 статье знаменитого Орлеанского ордонанса Карла IX (1561 г.) строго ограничивались возможности распространения действия университетских привилегий на имущество, подаренное студенту⁵¹⁵.

Совершенно очевидно, что законодательное ограничение практики использования университетских привилегий, и, что бывает не часто, меры по исполнению этого законодательства, и вызвали снижение интереса к составлению дарений студентам. Их число приблизилось, судя по всему, к своей естественной величине (2–2,5% от общего числа регистраций⁵¹⁶), сопоставимой с аналогичными величинами для регистраций дарений в виде брачных контрактов и завещаний. Иными словами, дарения регистрировали те, кто действительно передавали имущество в пользование своих родственников-студентов. Число таких актов оказалось в восемь–девять раз меньшим по сравнению с предыдущим двадцатилетием.

Но из этого следует крайне невыгодное для нас заключение:

Из 1224 дарителей, которые составили в 1539-1559 г. акты, почти девять десятых были “жуликами”.

---

⁵¹⁵ *Rapon J.* Instrument de second notaire. Lyon, 1575. P. 74-75; *Brisson B.* Code Henry III. Paris, 1587. P. 131; *Picot G.* Histoire des Etats Generaux. Paris, 1872. Vol. 2. P. 135.

⁵¹⁶ Вспомним, что по данным Куайака (табл.№ 28) такие акты составляли в первой половине XVI в. лишь 0,4% от всех составляемых актов. Но львиная доля документов , вошедших в эту публикацию, никак не могло быть зарегистрировано в Шатле (договоры о найме жилья, различного рода контракты на производство строительных работ, расчеты за причиненный ущерб и т.д).

Поистине, эта констатация — сущий клад для любителей исторической деконструкции.

Мы строили модель общества, пытались достучаться до исторической реальности, были уверены что уж одной объективной очевидностью мы располагаем точно: речь шла о процессах социального воспроизводства и социальной мобильности посредством университетского образования. Перед нашим взором проходили драматические картины того, как семьи напрягали последние силы, задействовали все резервы, стремясь, чтобы их сын или племянник “достиг ученой степени и стал порядочным человеком”. Не сомневаясь в главном направлении описываемых социальных процессов, мы подозревали, что при этом дарители могли лукавить, идти на какие-то махинации. Но кто же мог предположить масштабы этого самого настоящего жульничества, этого *fraude*, как тогда говорили? Чего же стоит наша реконструкция, все наши проверки и контрольные замеры? Не лучше ли будет в духе нашего времени признать, что мы имеем дело лишь с текстом, и что все наши ухищрения прорваться к породившему его контексту заранее обречены на провал, мы так и не выйдем из замкнутого круга собственных интерпретаций, априорно заданных параметрами нашего дискурса?

Прежде чем окончательно перейти под знамена постмодернизма, мы попробуем все же сопоставить данные о социальном составе дарителей за оба периода. То есть сопоставить “жуликов” с “честными людьми”.

ТАБЛИЦА № 30

Распределение дарений студентам по категориям дарителей в 1539–1555 и 1559–1573 гг.

КАТЕГОРИИ ДАРИТЕЛЕЙ	1539 - 1559		1559-	1573
	человек	% от общей численности	человек	% от общей численности
1. Дворяне	65	5,2	4	2,7
2. Сеньоры	25	2,1	2	1,4
3. Священники	48	4	8	5,4
4. Чиновники и судейские	234	19	35	24
5. “Буржуа”	252	20,5	22	15,7
6. “торговцы”	85	15,8	14	9,7
7. Ремесленники	174	14,2	31	21,3
8. Крестьяне	110	9	9	6,2
9. Низшие слои	47	3,9	13	8,9
10. Неустановл.	76	6,2	7	4,7
ИТОГО	1224	100	145	100

Конечно, данные, относящиеся к “честным дарителям” особой убедительностью не отличаются — последних слишком мало. Важно, что они не находятся в вопиющем противоречии с данными о “жуликах”. В 60-ые годы среди дарителей немного увеличилась доля чиновников и судейских (не достигнув, впрочем, той величины, которая отличала их долю в дарениях в виде брачных контрактов, см. *таблицу № 23*). Несколько уменьшилась доля буржуа, но зато среди дарителей увеличилось число парижских ремесленников, а также, несколько неожиданно — доля парижских подмастерьев и поденщиков. Впрочем, в последнем случае абсолютная величина слишком мала, чтобы строить по этому поводу какие-то гипотезы, равно как и гипотезы, относящиеся к уменьшению доли дворян и сеньоров.

Так может быть, нам рано впадать в крайний пессимизм, раз обе выборки документов, возникших, как мы поняли, в разных условиях, и составляемых с разными целями, вполне сопоставимы друг с другом? Да и вообще, разве отсутствие должной искренности в намерениях дарителей автоматически ведет к отрицанию их принадлежности к определенным социальным группам? Просто “университетское измерение” социальной действительности Франции оказалось

еще более сложным, чем предполагалось вначале. Но, во всяком случае, уроки анализа как основной серии актов, так и различные контрольные замеры показывают границы применимости объективирующего метода.

Представляется, что мы достигли предела в своем анализе, за которым нам неизбежно требуется предпринять усилие по *интериоризации исторического объяснения*. Это отнюдь не погоня за историографической модой и не просто дань уважения исторической антропологии. Надеюсь, нам удалось на практике убедиться в том, что все наши дальнейшие реконструкции будут неполными, а то и вовсе неверными, если мы не обратимся к поискам внутренних мотиваций действий дарителей. Для этого нужны новые методы работы с источниками, нужно ставить им совсем иные вопросы и искать иные ракурсы исследования. Попытаемся заняться этим в следующей главе.